

International

Literary

е и з а б е ш

ИГОРЬ ШЕСТКОВ КРУИЗ

S

C

H

A

T

I

K

Игорь
ШЕСТКОВ

КРУИЗ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

Игорь
ШЕСТКОВ

КРУИЗ

Повести и рассказы

Второе
дополненное издание

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(430)-32
Ш-34

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Шестков И.

Ш-34 Круиз/Игорь Шестков — Друкарський двір Олега Федорова
2024 — 252 с.

ISBN 978-617-8477-52-3

Игорь Шестков (Igor Heinrich Schestkow)

Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ. Работал в НИИ. В восьмидесятых годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Круиз» вошли тексты 2022–2024 гг.

УДК 821.161.1'06(430)-32

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8477-52-3

© Шестков И., 2024

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ (автобиографическая заметка)

Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия
На пустых полях эфира.

Е. Баратынский

Полвека назад...

Ровно полвека назад, в мае 1973 года...

Я заканчивал московскую десятилетку номер 44, расположенную между Москва-рекой (так мы назвали реку Москва) и Комсомольским проспектом.

Солнце светило каждый день как ошалевший прожектор на сине-голубом полотне неба. Московские улицы, казалось, улыбались мне своими асфальтовыми губами. Молодая кровь кипела в жилах. Ноги несли... непонятно куда. Голова кружилась.

Будущее висело перед глазами как многослойная воздушная булка. И властно влекло в себя. И что перед этим влечением все правила и традиции нудного и убогого советского мира? Мусор.

После уроков я часто встречался с моим другом Женей, оканчивающим школу неподалеку. Мы садились в троллейбус... одна остановка всего... и вот мы уже на Ленинских горах (ныне Воробьевых, только надолго ли?). До Смотровой площадки, с которой видно не только Москву, но и всю ее историю — минут десять идти всего. И мы шли туда, на Смотровую, и жадно смотрели... смотрели на стадион Лужники, на Новодевичий монастырь, на Кремль, на Метро-мост, на трамплин, на главное здание МГУ.

И мечтали, мечтали...

Мечтали о том, что вот, сдадим в июне школьные экзамены, получим Аттестаты зрелости, а в июле сдадим другие экзамены, вступительные, и поступим на мехмат МГУ. А в августе — поедем вместе в спортивный лагерь в Пицунде.

Мечты эти сбылись. Мы получили свои аттестаты, поступили на мехмат, и не без милых приключений отдохнули на берегу Черного моря. А в сентябре уже сидели на лекциях в огромных университетских аудиториях...

И тут я с ужасом обнаружил, что математическая премудрость меня не только не интересует, но еще и противна всему моему существу... невыносима.

Не хочу писать об этом прискорбном обстоятельстве, хотя оно во многом определило мою судьбу. Скомкало жизнь. Заставило испытать множество унижений... Сел не в свои сани, а вылезти побоялся... и так и ехал по заснеженному полю московской жизни в чужих санях, пока сани не остановились сами из-за могучего встречного ветра новой эпохи, и мне пришлось из них вылезать и вставать на собственные ноги.

Мечты моего друга Жени были более менее конкретными, определенными — он, одаренный от природы математик, надеялся стать кем-то вроде лучшего студента мехмата и мечтал о том, что его отправят в Америку... по обмену... или для стажировки... и он останется там, закончит образование в элитном Калтехе, где позже сделает блестящую ученую карьеру и будет жить, наслаждаясь научным творчеством и заслуженным богатством, в собственном доме в Силиконовой долине и периодически наезжать на калифорнийское побережье для занятий серфингом и участия в вечеринках с знаменитыми спортсменами и голливудскими звездами.

Надо сказать, что не родился Женя в СССР, а родился в какой-нибудь свободной западной стране — мечты его имели бы шанс осуществиться. Потому что все предпосылки для того, чтобы стать большим ученым, у Жени были. Голова его работала прекрасно. Раз в сто лучше моей. Он сразу видел суть природного или механического процесса, быстро строил и анализировал его математическую модель... меня же влекли невидимые для остальных метаморфозы мира за периметром всяческих природных и механических процессов, я надолго застревал в непостижимом и непознаваемом, строить его математическую модель и анализировать мне и в голову не приходило, потому что это невозможно.

Как выяснилось позже, железной воли и могучего желания делать научную карьеру — по крайней мере, в СССР — у моего друга не было.

Женя закончил МГУ, проработал какое-то время программистом на БЭСМ-6 (мои современники наверняка не забыли этого монстра), затем стал помощником знаменитого специалиста по аэромеханике и газовой динамике академика Петрова, который ценил его за то, что Женя думал так же быстро как он сам, затем опять стал программистом. Достиг на этом поприще всех возможных высот. Когда границы открылись — стал регулярно ездить на побережья стран юго-восточной Азии. Где наслаждался дешевой и вкусной едой и дайвингом в тропических водах. В Москве купил большую квартиру недалеко от бывшего Черемушкинского рынка.

Не так уж плохо!

Конечно, Женя не посвящал меня в свои потаенные мечты, он был со мной сдержан и деликатен. Но и я не рассказывал ему всю подноготную. Не хотел, чтобы он думал, что я спятил, не успев закончить десятилетку.

Так о чем же я мечтал?

Если чужая душа — потемки, то собственная душа... стеклянная сфера, внутри которой то и дело бьют разноцветные молнии. От периферии к центру или наоборот. Молнии откровения.

Бьют... и освещают своим неверным электрическим светом картинку.

Что за картинка?

Просто так их не опишешь.

Вот — передо мной огромный стадион. Но это не стадион в Лужниках, а римский Колизей. Из него доносятся звуки фанфар. А затем — звон скрещивающихся мечей, истошные крики сражающихся гладиаторов, рык диких зверей и рев публики. Я летаю над ареной как голубь или как воробей.

Глазею на бой и на публику и щебечу.

А теперь я вижу высотное здание, небоскреб. Но это не университет на Ленинских горах, а Эмпайр-стейт-билдинг на Пятой авеню в Нью-Йорке. Это здание, вокруг которого в моих мечтах всегда кружатся старинные самолеты с пропеллерами.

В одном из таких самолетов я сижу и наблюдаю мир через открытый иллюминатор. Иногда я высовываю из иллюминатора голову, глотнуть свежего воздуха (в моем Нью-Йорке всегда теплая весна, с океана веет ветерок), иногда — руку, которая может растягиваться как резиновая, и я трогаю ею выглядывающих из распахнутых окон небоскреба бизнесменов. Дергаю их за носы или за уши.

А сейчас — я смотрю на монастырь. Золотые купола его соборов сверкают как маленькие солнца, белые крепостные стены увенчаны зубцами в форме ласточкиных хвостов. Новодевичий? Нет, это сам Небесный Иерусалим, по-

середине его — источник юности, рядом — дерево жизни и выточенный из цельного бриллианта трон божий. На троне восседает белобородый старец в белоснежном одеянии... Я перехожу разделяющую нас пропасть по ставшему прозрачным Метромосту, подхожу к трону и опускаюсь на колени. Старец смотрит на меня бездонными синими глазами и смеется.

Я. Кто это?

Странно, в своих тогдашних мечтах я никогда не видел себя ни студентом, ни ученым, ни доцентом или профессором. Ни человеком вообще. Ни дебилом, ни гением, ни кем-то из середины.

А кем или чем ты себя представлял?

Существом, похожим на «недоноска» Баратынского из одноименного стихотворения, вариант из которого я процитировал в эпиграфе.

Так и не родившимся. Все еще находящимся в яйце предсуществования. Вынужденным жить в созданных им самим фантомических мирах.

Я чувствовал, что непонятная сила выкинула меня, как воробышка из иллюминатора самолета, из человеческого существа. Что мне, конечно, придется на жизненном пути страдать, терпеть и наслаждаться, как и любому другому человеку, но что я никогда не буду воспринимать всерьез человеческую жизнь, эту «мышью беготню», никогда не буду делать карьеру, бороться за власть, влияние, деньги, стремиться занять какой-то пост, построить виллу или дачу, заботиться об обеспеченной старости, приобретать недвижимость, акции, автомобили, дорогую одежду и прочее...

А что же ты будешь всю жизнь делать, спрашивал я себя в тревоге?

Изображать человека. Его работу, его любовь, его жизнь.

Изображать, ни во что все это не ставя и мечтая только об одном — о полете в скрытых от взглядов обычного человека метафизических просторах, где медленно кружатся огромные полупрозрачные кристаллические конструкции, благоухающие смирной — обитатели просветленных и богов.

Да, летать. Но не как птица или пилот кукурузника, а как летает, парит и кружится свободный дух, произвольно меняющий свое тело... и не только тело, но и окружающую его реальность.

Я догадывался, что и действительность... и люди... будут мне мстить. Упрямо и жестоко.

Мстить не за то, что я делаю... этого никто и не заметит, нет, мстить за то, что я есть.

Люди ведь такие чувствительные. Мигом поймут мои претензии, почувствуют, как я презираю их и их копошение, и не простят мне этого никогда. И накажут меня ответным презрением. Непризнанием. Бедностью. Одиночеством.

Так и случилось.

Что же вышло из моей мечты?

Не много, но с меня довольно и этого.

Где-то в середине моего обучения на мехмате я начал рисовать. Мир прояснился.

Я понял, что для того, чтобы наслаждаться полетами в метафизических пространствах не обязательно выходить из себя, медитировать и фантазировать, достаточно взять в руки перо, обмакнуть его в тушь и нарисовать несколько кривых линий на бумаге.

А потом кисточкой из беличьего хвостика — положить на бумагу цветные пятна. Нацарапать пером фигурки с ручками и рожицами.

Позволить линиям образовать пространство... пятнам цвета — собрать и распространить свою энергию, а фигуркам — обрести лица, характеры, возраст и судьбу. Составить что-то вроде мизансцены.

Из таких мизансцен можно строить индивидуальное театральное действо, мою собственную мистерию. Пространство существования.

Пещеру.

Лабиринт.

Мюллер-дом, в котором будут обитать мои герои и мои, как сейчас говорят, аватары.

В котором можно спрятаться от человеческого запаха, от вечных претензий родственников.

От «ты должен наконец начать делать научную карьеру, подготовить к защите диссертацию», от «раз женился, то жене не изменяй», от «пора подумать об эмиграции», от «если дело и дальше так пойдет, то сгниешь в психушке» и прочих крючков, которые с удовольствием загоняют в нашу плоть домашние рыболовы.

«Жена», «карьера», «эмиграция», «диссертация» — какой ненужный, скучный бред!

И тем не менее я два раза был женат, оба раза счастливо и решился, пусть и поздно, на эмиграцию из СССР. Но карьеру никогда не делал, ни в Москве, ни в Германии. И диссертаций не защищал. Кому они нужны?

И еще я понял, что интереснее этого занятия — построения многоэтажного театра-лабиринта — на всем белом свете все равно ничего нет. Для меня.

В начале нового столетия я перестал рисовать.

Еще через несколько лет начал писать рассказы, собирать потихоньку в новом, словесном формате свою «мистерию».

Чем становлюсь старше, тем чаще вспоминаю наши с Женей прогулки по Ленинским горам. Вспоминаю свои мечты. И удивляюсь. Как я мог быть таким глупым?

Где-то в начале девяностых годов, в Саксонии, в городе К, я открыл для себя технику рисования аэрографом. И сейчас же жадно принялся воссоздавать по памяти те самые, упомянутые выше, «огромные полупрозрачные кристаллические конструкции, медленно кружащиеся в метафизических пространствах».

Сделал около пятидесяти работ. Корпел года полтора. Трепетал и ожидал от себя шедевров. В творческом самоослеплении восхищался результатами своего труда.

А потом... после нескольких выставок, на которых показал эти работы недоумевающей немецкой публике (что это этот русский сотворил, он что, издевается над нами?)... до меня наконец дошло, что не всякие мечты следует материализовывать... что для такой материализации необходим талант по крайней мере сравнимый с гойевским, и что таким талантом, или даже одной сотой такого таланта природа меня не наделила.

Позже все эти рисунки я уничтожил.

Но я попробовал! Дерзнул. Попытался сделать то, что удалось, наверное, одному Иерониму Босху на средней части триптиха «Сад наслаждений».

С «фигурками» и «мизансценами» тоже вышло неважно. Но тут мне удалось пройти дальше, чем с «кристаллическими конструкциями». Потому что мои фигурки питались моей необузданной чувственностью и творили на моих листах — бог знает что... Не знаю, почему, но чувственность эту самую, не признающую никаких красных линий, я тогда, в мае, пятьдесят лет назад, как самого главного слона (целое стадо слонов... или точнее динозавров), и не заметил.

Переход от рисования к писанине дался мне легко. Потому что я писал (и пишу) без каких-либо претензий. И ни о чем больше не мечтаю.

Пишу легко... вроде как писаю в унитаз.

Вокруг меня — пустые поля забвения.

Мои мечты осуществились в литературной жизни моих героев. Ничего лучшего — для автора — и придумать невозможно.

ОТВЕТ НА ВОПРОС ДРУГА

Понимаешь, мои книги — не замаскированные романы. В них нет ни кода, ни месседжа. Нет длительности. Нет полифонии. Нет трудно перевариваемых романских героев. Нет вечных вопросов.

Нет ни войны, ни мира.

Легкое чтиво. Двойное бытие, комплексные числа. Развлечение для любителей словесной косьбы. Мнимости и вероятности. Вариации. Взрослые забавы.

Читай, как хочешь. Хронологически — Мосгаз, Под юбкой, Пациент, Поцелуй. Но тоже — полно исключений.

Не важно, дорогой, в какой последовательности читать. Главное — вернуться, очнуться, успокоиться после чтения... попить, чтобы комок в горле не застрял и пупок не развязался... прежде чем другой рассказ начинать. Ведь обычно мои рассказы уводят, а иногда и силой выбрасывают читателя в «другие миры» и ради этого увода или выброса и пишутся... Трамплины.

Другие миры эти — вовсе не «другие»... нет, это тот самый мир, в котором мы на самом деле существуем. Мир представлений и чувств, страхов, надежд, мир мечты, сюрреалистический театр свободного человека... то единственное, что делает нашу жизнь выносимой.

А «другой», чужой и мерзкий «мир» — это наша постылая повседневность со всеми ее повторами.

Да... дать герою под зад... и на Марс его. В космическом трамвае. А рядом с ним посадить выходца из ада... В малиновых ботинках. С сахарной ватой в лапах...

Пусть он сам разбирается в себе... а автора и читателя оставит в покое.

На следующей станции, на Кольцевой его ждет Мартовский заяц.

Или — Человек в котелке.

Или — Монсеньор с серебряной трубочкой в руках.

Заглянуть туда, в вагон, в кабину яхты «Сиракузы», в лабиринт метаморфоз... и своей шкурой почувствовать, каково там, в разбомбленном отеле.

Языком. Или удом.

И вся их «реалистическая» часть — это только имитация... фантазия-ностальгия, обращенная в прошлое... примерка старых архетипов... дегустация ветхих мехов... аукцион старой одежды... затухающая вибрация телесности... примерка судеб...

Трение характеров... Крикет.

В паутине. Или в стеклянном шарике на орбите...

А потом — свистать всех наверх — начинается...

Как в том рассказе, который тебе когда-то понравился... умерший на Ленинском проспекте подросток улетает на Луну. Ест там пыль. Пыль.

Улет, преобразование.

Иногда вечность закатывается в момент... автобус приехал только через 40 минут...

Иногда, наоборот, разворачивается из момента, или из одной небольшой сценки — как свиток. В ее зрачках отражались быстро бегущие по небу желтые облака зимней ночи.

Еще чаще — нет в тексте никакой вечности. И искать ее там глупо. Потому что давно известно — вечность сожрал крокодил. Одни пробелы да междометия оставил.

Поэтому, упрощая, поминают Новую вещественность, экспрессионизм, литературу абсурда и гротеска. Говорят

и о магическом реализме... хотя во всем этом нет ни реализма, ни магии. Ни абсурда, ни гротеска. Только сны-воспоминания, тоска и ужас.

Пыль и песок.

Глина.

Гончар ее формует. А потом в печь. Так и текст.

ВОЙНА И ЛИТЕРАТУРА

Все эти три долгих мучительных месяца войны, развязанной кремлевскими мерзавцами, я размышляю о том, как она, война, влияет на русскую литературу, на автора, пишущего по-русски...

Я не думаю о тех, 500 российских писателях и поэтах (имя им легион), которые подписали письмо в поддержку путинской армии, убивающей украинцев (самый важный подписант — Евгений Рейн). Что о них думать — это дебилы или подонки. С ними все ясно.

Нет, я думаю о честных писателях, т.е. о людях, сделавших свой нравственный выбор, все понимающих и воспринимающих здраво и трезво. Надеюсь, таковые есть и в России и за ее пределами.

Как влияет на них война? Какое влияние оказывает эта бойня на их тексты?

К сожалению, я знаю лично только с полдюжины писателей и поэтов русского Зарубежья. Никакой статистики не получится.

Некоторые поэты — расписались во время войны. Антивоенный пафос помогает им найти рифмы, а негодование, стыд, сочувствие — легко трансформируются в слова.

Мои друзья прозаики — каменно замолчали.

Замолчал и я.

Почему?

Не хочу ссылаться на эмоции, депрессию, отчаяние и прочую «психологию», тут все очевидно. Ясно, как день.

Хочу написать о другом.

О том, как война уничтожает саму суть литературы. Ее сердцевину. Ее пахнущую свежим сеном и анютиными глазами словесную плоть.

Как бы это объяснить?

Дело в том, что литература — как бы она ни была «реалистична» — создает особую, вторичную реальность.

Одно то, что она состоит из буквочек, знаков препинания, слов, строчек, абзацев, страниц — предполагает известное отстранение (и остранение конечно тоже) от «живой жизни». Литература не только иначе структурирована, не только соткана из другой (словесной) материи, она предполагает (огромную) долю условности, ее внутреннее пространство и ее искусственное время — не имеют ничего общего с пространством и временем реальности, ее герои мало что имеют общего с живыми людьми из плоти и крови. Они относятся к живым людям так, как огибающие или касательные — к кругам или шарам или, гораздо чаще, к гораздо более сложным геометрическим фигурам.

Не буду продолжать описание понятных нам всем различий между литературой и реальной жизнью, упомяну только еще раз одно, главное различие.

Литература — это словесный мир, параллельная нашей материальной вселенной метафизическая вселенная.

Что же происходит во время войны?

Обе эти вселенные схлопываются. Чудовищная сила вдавливает их друг в друга.

Пустое пространство между ними исчезает.

Трупная вонь войны — проникает в предложения.

Дымящаяся кровь жертв — заливают абзацы и страницы.

Рев взлетающих ракет, хруст ломающихся костей, грохот тяжелой артиллерии, крики раненых, хрип и стоны умирающих... все это заполняет собой паузы между словами и строчками...

Разрушаются все классические единства, исчезает условность, замолкают и окостеневают литературные герои — в словесную плоть рассказа вгрызаются осколки снарядов и ракет, выпущенных по жилым кварталам украинских городов путинскими орками.

Литература, как сожженная книга превращается в кучку пепла.

Asche zu Asche, Staub zu Staub.

ИЗ ПИСЬМА ДЯДЕ

Дорогой Сашенька, ты спрашиваешь, как дела у нас в Берлине.

По-старому.

Всадник на белом коне все еще тут.

Каждый день в Германии заболевают ковидом 250–300 тысяч человек.

Каждый день от него умирают 250–300 человек. Один из тысячи заболевших. Мало?

По-моему это катастрофа. Но в Германии так думают немногие. Привыкли к чужой смерти. Власти постоянно облегчают антиинфекционный режим, хотя ситуация все хуже и хуже. Абсурд.

Идти в ресторан, на демонстрацию, в музей или на концерт — как-то не хочется. Ведь я старый и толстый. То есть именно такой, каких корона особенно часто отправляет в преисподнюю.

Врачи даже не скрывают то, что прививки... почти не действуют на омикрон 2. Который сейчас с невероятной скоростью распространяется в мире.

Жизнь из-за постоянного сидения дома стала серой. Добренькая страна Россия удобряет ее кровью украинцев. Красным по серому...

...

Да, да, у нас тоже все дорожает. Для меня с моей воробьиной пенсией — это ой как неприятно.

На бензин мне плевать, а вот ягоды...

Некоторые товары или исчезли, или подорожали так, что стали недоступными.

Мне немного надо... но...

Сквозь берлинскую какофонию слышится стук копыт вороного коня.

...

Да, проклятая война страшно мучает. Совесть ноет. Бессилие грызет душу.

Это ведь не война, а бойня. Расщепление человечности. Мариуполь прессуют и с суши, и с моря, и с воздуха. И делают это обычные русские люди... кретины... по приказу президента Путина.

Какая же редкая, подлая гадина. Лжец, вор и убийца. И никого рядом нет, чтобы пристрелить подонка. Потому что все рядом с ним — такие же подонки. И три четверти страны под ним — тоже. А оставшаяся, хорошая четверть страны состоит из патологических трусов. Рабов. Совков. Не обижайся, я ведь был таким же во времена СССР. Тварью дрожащей. Потому и пишу.

...

Я так рад, что уехал тогда, в далеком 1990-м. Не легко жить среди чужих... но лучше, чем со своим, вконец оподлившимся народом. Народом-быдляком. Народом-преступником.

...

Рыжий конь бьет копытом.

Для меня эта война — крах. И личный. И метафизический. И наш общий. Да, это конец русской цивилизации. Второй ее конец после 1917 года.

Конец того самого «русского мира».

Конец русской культуры.

Ее ядовитый итог.

Погибла она в 1917 году. Но позже воскресла в отвратительном формате «советской культуры». А теперь, в феврале 2022 года умерла и эта, вымороченная, гнусная культура совчелов.

Ее итог — мертвые тела детей Украины. Сожженные фосфорными бомбами, продырявленные осколками снарядов и ракет.

Ее итог — дебильное население огромной страны, которому даже слово «война» не разрешили произносить.

Которое верит в кремлевскую лжу.

Следующая, окончательная ипостась русской культуры — торжество нежити.

В облаке трупных миазмов.

И беснующийся фюрер на стадионе.

...

Как ты знаешь, киевское издательство КАЯЛА опубликовало три толстых томика моей прозы. Кто их теперь там будет читать? На языке убийц?

А в Питере издательство АЛЕТЕЙЯ выпустило шесть моих книг. Но я теперь для России предатель. Враг. А враг, если не сдастся...

Все зря... все коту под хвост... тяжело, дорогой.

...

Люди тут помрачнели. Боятся, что война придет сюда.

Раскупают муку и туалетную бумагу.

Каждый день мы видим на экранах мониторов то, что возможно через два месяца будет и тут.

Как же мерзко заделаться пророком!

Как страшно видеть сквозь обычную реальность эти отвратительные многокилометровые белые грибы на горизонте.

Разрушенные дома.

И дымящиеся трупы на улице.

По которой скачет целый эскадрон полупрозрачных всадников на бледных конях...

ДРАКА

Сентябрь в Берлине. Каждый день тридцать два — тридцать три градуса. Духота и вонь. И грязно очень.

Не пишу больше. Придумывать не хочется. Описывать некого и нечего. Рассуждать не о чем, все ясно. Литература осточертела. Музеи надоели. От друзей остались одни тени.

Война в Украине приблизила нас всех, не только несчастных жертв российской агрессии, к реальности. Точнее — ткнула в нее мордой. Мол, смотрите на то, куда приехали. Что создали. Лопайте. Наслаждайтесь. А метафизические миры — единственное надежное убежище для состарившихся невротиков — отодвинула, оттолкнула или вовсе уничтожила. Дронами. Спрятаться негде.

Раскаленное асфальтовое покрытие поднялось и ударило в лицо. Сломало нос, поцарапало щеки, оставило на лбу шишку, а глаза запылило пылью. Пеплом. Прахом.

Жизнь посерела, погрубела, очерствела. Мрачный жнец на белой коняге — ослабил и зажмурился от удовольствия.

Расскажу о том, что видел. Нет, к сожалению, не во Флоренции, не на Майорке и не на Багамах, а на северо-востоке Берлина, в продуктовом магазине REWE, расположенном в ста метрах от нашего одиннадцатизэтажного блочного дома крысиного цвета.

Моя немка и я стояли рядом с одной из пяти касс. Кассирша, измученная бедностью и сожителем-садивом худенькая девушка, слушала в наушниках итальянскую музыку, ритмично дергала своей маленькой головкой так, что

ее покрашенные в зеленый и красный цвет кудряшки прыгали как козлики на полянке и спрашивала автоматически: Платить будете кредитной картой? У вас есть наша фирменная карточка? Сколько булочек в пакете? А сколько двойных? Яблоки брали с нижней или верхней полки?

На ее тоненькой шейке, похожей на куриную, проглядывали сквозь слой пудры многочисленные темно-синие пятна от засосов. Ее тонкий заостренный носик был похож на пластиковый треугольник с изящными ноздрями. Ногтики на коротких нечистых пальчиках — обкусаны.

— Наличными. Фирменной карточки нет. Восемь булочек и шесть двойных. Со средней.

После кассы покупатели попадали в проход — длиной метров сорок и шириной в четыре. Выход из магазина был от нас слева.

Мы расплатились и собирались покинуть магазин. Переложить продукты из казенной красной пластиковой тележки в нашу объёмистую матерчатую сумку на четырех колесиках решили на улице. На воздухе.

Но не тут-то было. Потому что между нами и большими, раздвигающимися стеклянными дверями неожиданно началась драка.

Высокий, блондинистый, атлетически сложенный парень лет двадцати двух дрался с пятью мальчиками-практикантами лет шестнадцати-семнадцати в фирменной одежде, к которым на помощь ринулся было убеленный сединами магазинный менеджер, но быстро получил по зубам, все понял, ретировался и впоследствии наблюдал за битвой с безопасного расстояния.

Высокий блондин выглядел, как одержимый... неестественно белая кожа... бессмысленно яростный взгляд... вокруг глаз черные круги... обкурился дурью? Или нанюхался? Орал он страшно. Вокруг его головы кружилась летучая мышь.

Что он орал — я разобрать не мог. Практиканты пытались его переорать... схватить и обездвигить... отвести в кабинет менеджера.

Так по инструкции следовало поступать с ворами. Что он украл, я точно не знаю. Кажется, две упаковки печенья с шоколадными камешками. Упаковки эти во время драки порвались и упали, печенье разлетелось по магазину. Один кружок докатился до моей правой ноги. Я наступил на него и раздавил.

Блондин практикантам не давался. Брыкался, бился, лягался длиннющими ножищами, царапался, пытался схватить когтями повисших на нем практикантов за ноздри или губы. Его лицо, и лица двух его укротителей были окровавлены.

— Такие ужасы — и похуже — теперь происходят у нас раза по три в день, — заметила соседняя кассирша, горбоносая, полная и задумчивая, с дорогими жемчужными серьгами в толстых розовых ушах, и вздохнула, — куда мы катимся?

— Пора навести в стране порядок, — ответила ей ехидная, похожая на гиену тетка в юбке и майке цвета хаки с рунической надписью, покупающая красную рыбу, соленые сухарики с чесноком и пиво, — никакой жизни нет. Со всего света понаехали. Приплыли, прилетели, приползли. Свои государства превратили в помойки, теперь тут воду мутят. А наши идиоты — зеленые и левые — принимают их как дорогих гостей. Все дешевые квартиры им отдали, а моя дочка, одна с внуком, уже год не может найти жилье. А они разгуливают тут со своими жирножопыми мамашами в цветных платках и выводками.

Я подумал: Хорошо, что в драке участвуют одни арийцы. По крайней мере, с виду. А не то вся злоба публики обрушилась бы на беженцев. Альтернатива получила бы на следующих выборах голоса еще одной сотни избирателей.

Драка и не думала затихать.

Один из практикантов кричал: Заплати за то, что взял, и мы тебя отпустим.

Блондин ответил на это мирное предложение возмущенным ревом, булькающим утробным рыком и страшным ударом ноги в живот миротворца. Практикант скорчился и упал на пол. Его подняли покупатели. Он сразу вцепился в блондина и бешено, до крови, укусил его в плечо. За что получил коленом в пах, застонал как раненый тюлень, опять упал и опять был поднят.

Я заметил, что многие покупатели фотографируют дерущихся своими смартфонами. Разнимать их никто и не пытался.

Смешно — совсем недалеко от нас, всего метрах в восьмистах — находится региональное отделение берлинской полиции. Сохранившееся тут с гэдээровских времен мрачнейшее здание с гигантской антенной. Но спасительной сирены не было слышно. Добрые и сильные дяди полицейские почему-то не появлялись.

Драка продолжалась.

Несмотря на то, что я все видел и понимал, что дело очень серьезное, что в любой момент дерущиеся могут ранить, покалечить или даже убить друг друга, мне казалось, что происходящее на моих глазах омерзительное действо — не более чем инсценировка... театр или кино... или скверная шутка.

Кто и для чего взял на себя труд разыграть это представление?

Или... реальная жизнь истончилась и кончилась, и началось это... новое... не настоящее бытие?

Странное чувство. Реальность и виртуал как будто поменялись местами. Сколько об этом говорили, пророчествовали. И вот, это произошло. Жесть.

Столкновение достигло своего апогея (да, да, именно так). Блондин был с огромным трудом повержен как ангел-отступник. Падая, он ударился головой о железный бок денежного автомата. Послышался характерный треск и звон.

Все пять практикантов сидели на блондине. Заламывали ему руки, старались удержать ноги в белых кроссовках и били его свободными конечностями. Один из них, с окровавленным лицом — пытался ударить блондина ботинком в глаз, другой, тоже окровавленный бешено кусал супостата в загривок. Видимо имел здоровые зубы и челюсти как у акулы.

Еще один практикант безжалостно драл блондина за его золотистую шевелюру. И не без успеха. Слышался неприятный хруст. Четвертый явно пытался сломать ему руку у локтя. Пятый...

Терпению практикантов пришел конец. Блондин их сильно избил, сделал им больно, пустил кровь, опозорил (пять сильных молодых парней не могут унять разбушевавшегося вора) и они пытались отплатить ему той же монетой.

Надеюсь, вы понимаете, что представление проходило на немецком языке.

И тут вдруг я услышал родную речь.

Блондин хрипло кричал по-русски (перевозу с матерного): Гниды! Гниды немецкие. Отпустите, твари! Скрутили... Фашисты! Фашисты! Путин всех вас сожжет напалмом. Всех сожжет... Уроды!

— Что он говорит? — спросила моя немка, уколов меня недоброжелательным и тревожным взглядом, — он что, тоже русский?

— Нет, он поляк. Говорит, что хочет заплатить за печенье и идти домой.

— А я и не знала, что ты знаешь польский.

— Я пошутил.

— Тогда молчи, шутник. Он назвал нас фашистами и упомянул Путина и напалм.

— Вот видишь, ты и сама все прекрасно поняла.

— Не смотри на меня, вызови наконец полицию. Все уставились на драку как бараны, а полицейских так никто и не вызвал.

Удивительно, но моя немка оказалась права. Когда я наконец дозвонился до полиции, мне сказали, что вызова из магазина REWE не поступало.

Только когда мы открывали дверь в наш подъезд, к магазину наконец подкатили две полицейские машины, заливающие все вокруг режущим синим стробоскопическим светом. Судя по доносящимся из магазина приглушенным крикам — драка все еще продолжалась.

ДЕМЕНЦИЯ

(пародия)

Эльк

Ехал на трехколесном велосипеде для взрослых. Тяжелом. Неуклюжем. Велосипед дребезжал, скулил и трещал. Приходилось останавливаться, поднимать его и опускать, не обращая внимания на его протесты. Потому что колеса попадали как в капканы — в коварные продольные грязные выбоины в асфальте и там застревали.

Стершиеся от времени ручные тормоза не работали, дырявое плетеное сидение травмировало зад, ржавая цепь то и дело со скрежетом слетала с главной шестеренки-звезды. Ехал я очень медленно, глядел по сторонам и представлял себе, что сижу на сломанном механическом осле. Держусь руками за его огромные волосатые уши. Осел ревет, пускает ветры, но везет.

По самому дну ада.

Странно, из всех окон на меня смотрели неизвестные мне существа с круглыми сапфировыми глазами и с антеннами-присосками на головах, а по тротуарам разгуливали животные... вараны и слоны. Людей я не видел, а слонов... сотни... Они поднимали хоботы и трубили. Бивни их были покрыты сусальным золотом. А все вараны были гуттаперчевыми. Скалили зубы и высовывали длинные раздвоенные языки.

Надо было конечно золотишко прибрать к рукам, только как?

Слоны, как и мамонты, животные упрямые и своевольные. Добровольно золото не отдадут. Живут несколько тысяч лет. Врагов — затаптывают. Просто так подойти и содрать с бивня слона золото — невозможно. Слон обидится. И затопчет. Надо было попробовать их перехитрить. Как Суворов перехитрил Юсуф-пашу в битве последнего с армией принца Кобургского. Главное — быстрота и глазомер. Незаметно подкрасться сбоку. И — хватить слонягу за бивень. И тянуть...

Нет... так ни разу и не решился. Хитрости во мне — как воды в море, а мужества нет вовсе.

Или это не слоны и вараны, а неизвестные мне обитатели нижнего мира?

Нет, это всего лишь газовые фонари. У фонарей нет ни хоботов, ни бивней. Ни когтистых лап, ни оскаленных зубов. Зато есть щупальца, которыми они ощупывают недра Земли. Ищут нефть и газ. Все теперь ищут нефть и газ. Энергетический кризис, ничего не поделаешь. Рост цен.

Может в теннис поиграть? С кем? Со слоном или с гуттаперчевым вараном?

Уже несколько часов еду, но ни одного корта не видел. Или я по кругу езжу? А все корты столпились где-то посередине. Как зеваки вокруг лужи крови на бульваре. Или наоборот, разбежались как галактики по окраинам вселенной и парят в своем ледяном одиночестве?

Корты... вы где... ау! Есть под вами нефть? Или только могилы, земляные черви и кроты?

Так давно не видел цветущих одуванчиков, что кажется, их и нет вовсе на свете.

Куда я ехал?

Иногда я терял свою цель из вида и ехал просто так. Вперед. Крутил педали. И меня терзало чувство неопределенности. И в горле першило.

В остальное время я твердо знал, что еду домой. Ищу многоэтажный дом, в котором находится моя квартира. На седьмом этаже. Квартиру эту я снял неделю назад. Выбросил мебель, оставшуюся от предыдущего жильца. Содрал старомодные обои со стен. Чистил, красил. Травил тараканов на кухне. Похоже, и сам отравился. Мерещится все время что-то. Ужасы всякие.

А сегодня утром... или это было вчера вечером? Или год назад?

Переехал в новое жилье. Что было потом — не помню.

Помню только, что сидел на полу, смотрел на голые стены и видел на них давно забытые картины. Навсегда ушедших из моей жизни людей. Тосковал...

Потом не выдержал и вышел из дома... решил купить что-нибудь съестное. Помогает от тоски. Например — хлеб, сливочное масло и пастеризованное молоко. И сыр Рокфор. Можно и сосиску куриную прихватить. С горчицей.

На улице дул холодный ветер... пахнуло морем и мне захотелось свежей рыбки. Отправился на край города в рыбный магазин. Туда, где ты сам выбираешь рыбу, плавающую в колоссальном вонючем аквариуме. Продавец ловит ее сачком, отрезает ей голову, вспарывает кривым ножом ее брюхо, выбрасывает красно-синие внутренности и пузырь, на котором колеблется капелька крови... заворачивает оставшееся в газету.

Купил рыбу, пошел домой. И, представьте себе, заблудился. И рыбу потерял. Не знаю, где. Зашел в неизвестный мне район. Каналы, каналы, как в Гамбурге, вода — как черные чернила, а вдоль каналов — одинаковые шестиэтажные здания. Старинные. Бывшие портовые склады.

Ни машин, ни людей, ни магазинов. Даже слоны исчезли, не говоря уже о варанах.

Только в каналах иногда показываются чьи-то бледные лица. Утопленники?

Фонари светили светло-зеленоватым светом. Где-то далеко-далеко дрожало и мерцало зарево... ревела сирена. Полиция? Скорая помощь? Или воздушная тревога? Доносились и раскаты грома. И гарь. Или это взрывы? Над моей головой пролетели три черных вертолета, похожие на дьявольских стрекоз. По набережной медленно полз непонятно откуда тут взявшийся танк.

Тревожно. Брел, брел...

А через час или два вдруг понял, что еду на велосипеде. По мостовой! Трах-тарарах! Ужас!

Не было у меня велосипеда. Рыба была, а велосипеда не было. Неужели... рыба — без головы и без внутренностей — превратилась в трехколесный велосипед? Сама собой? Пожалела меня? Всякое бывает. Вспомнил сказку про корыто.

Или я украл где-то велосипед? Я могу взять, если плохо лежит.

Или позаимствовал. Где?

В женской школе для трудных подростков.

Помню, увидел вывеску и сразу вошел. С рыбой под мышкой.

Заинтриговало. Думал там бордель. А там действительно — школа!

На стене в вестибюле — портреты лучших учениц и заслуженных учителей. Ученицы миленькие такие, сексапильные, с антеннами-присосками на головках, похожих на луковички... а у учителей морды как у сенбернаров. Они на своих портретах лаяли, пытались выпрыгнуть из рам, царапали стекла когтями. Может запах рыбы учуяли. Едят собаки рыбу? Не знаю.

Не успел войти, как ко мне со всех ног побежали школьницы-подростки. Трудные. Обступили и давай меня гладить. Не подумайте чего... Только по голове.

Гладить, причитать и подмигивать. Спрашивали: А где твои антенны?

Я ответил: У меня нет антенн на голове. Таким уж уродился. Зачем вы мне подмигиваете? Я ваших знаков не понимаю.

Они только смеялись. Некоторые, впрочем, показали мне свои розовые...

Я к такому приему не привык, растерялся естественно. А они взяли меня под руки и повели в школьный драмкружок. Открыли высокие двери и втолкнули в какую-то полутемную комнату.

Неужели они приняли меня за кого-то другого? За Жана Маре или Луи де Фюнеса. Но я не похож ни на того, ни на другого. Я немного похож на Пола Ньюмана. В его молодые годы. Но никто кроме меня этого не замечает. Увы.

Вначале я думал, в этой комнате и нет никого, но потом разглядел два стула, стоящие один напротив другого на небольшой сцене и женщину средних лет, сидящую на одном из них. Лицо ее тоже слегка напоминало морду сенбернара...

Она жестами пригласила меня сесть на другой стул.

Поднялся на сцену, сел.

Женщина впилась в меня взглядом. Раскрыла пасть. Тихо зарычала. Залаяла.

Мне стало страшно. Вдруг бросится на меня и кусает?

Стал демонстративно смотреть на стены. На них висели большие портреты известных драматургов и актеров. Покрытые густым слоем пыли. Узнал Гольдони. Или это был Бомарше? И в них тоже сквозило что-то пёсье. Не смотря на парики.

С трудом выдавил из себя: Мне кажется, вы все тут принимаете меня за кого-то другого. Вы что, ждете какую-

то важную птицу? Смею вас заверить, я зашел в вашу школу случайно. К драматическому искусству отношения не имею. В театре был последний раз лет двадцать пять назад. В саксонской провинции. Помню, давали современную пьесу. «Красавицу Сельфинью». Или «Семьсот семьдесят семь оргазмов ублюдка Джимми». Полуголые актеры истерично орали друг на друга. Орала, орала. Потом молчали. Излучали ауру. Потели. Ползали. Хрюкали. Сокоуплялись. Потом опять орали. Часа два. Затем пьеса кончилась. До семисот семидесяти семи явно не дошли. Аплодисменты были жидкие. В зале сидели несколько критиков и журналистов, родственники и друзья актерского состава. Да, была еще любовница режиссера. Красотка с очень коротко остриженной головкой, похожей на гриб. С двумя спутниками, боксерами-близнецами. Все трое смотрели друг на друга, высовывали языки, рыгали и неприятно дергались.

— Как мило вы рассказываете. Гав-гав. Да, да, мы ждали. Вас. Мы ждали вас. Ждали. Гав! Наконец-то, маэстро. Наконец-то вы пришли. Теперь все-все будет иначе. Нас ждет долгожданный успех. Возможно, нас даже пригласят на фестиваль в Верону. А я так давно не гуляла и не приседала по малым делам на набережной Адидже.

Голос у женщины был сиплый, с рычащими глубоко внутри драконами. От него у меня сразу заболели уши и заныло в мошонке.

— Маэстро... Меня? Меня вы ждать не могли. Меня никто нигде не ждет. Я — Эльк. Каждый. Любой. Он. Я человек-местоимение.

— Он? Вы не любой, вы наш! Гав-гав-гав. Мы ждали вас, мастер Эльк. Многие годы. И вот вы тут. И я имею честь предложить вам главную роль в нашей новой постановке.

— Что хотите поставить?

— Прекрасную пьесу. «Свадьба броненосцев на острове Бо». Имя автора вам ничего не скажет. Из лучшего британского питомника.

— Бог с ним, с автором. Может, расскажете, очень кратко — содержание.

— Конечно, конечно. Слушайте. Гав-гав-гав...

Вернулся домой часа в два ночи. И получил сюрприз. Довольно неприятный.

Расскажу по порядку.

Прежде всего — не знаю, как и почему, но дом, в котором я живу, стал двухэтажным. Из башни превратился в лежащий на пузе кирпич. Сплющился.

Но это — еще полбеды.

В доме-кирпиче была всего одна квартира. Двухкомнатная. Моя. На втором этаже. Квартиру эту я не без труда нашел, входная дверь была заперта... но у меня в кармане лежал ключ.

Внутри квартиры все было так, как до моего ухода.

Звонящая пустота, по которой бродили призраки прошлого.

Я опять увидел силуэт отца, умершего шестьдесят лет назад, услышал кряхтение бабушки, нелепо погибшей в лифте собственного дома, вынужден был выслушивать снова и снова нотации моего строгого деда-начальника, мне опять пришлось отбиваться от наскоков хулиганов, непонятно как прилетевших сюда из города моего детства, передо мной промелькнули — только промелькнули, но как же это мерзко — вечно мрачные, всем недовольные физиономии коллег по работе, еще хуже — тошнотворные лица вождей страны, в которой мне посчастливилось родиться, я видел тени межконтинентальных ракет, с помощью которых они хотели уничтожить жизнь на Земле...

Я слышал эхо последних стонов в больницах моего города, шепот умирающих в ущельях Гиндукуша, ощутил еще и еще раз дуновение смерти... от кремля... от кремля.

В оставшейся части дома было что-то вроде общежития. В его больших открытых помещениях жили... уроды. Я так и не смог понять, живые ли это люди или собрание мертвецов. Все они были обнажены. Напоминали обитателей острова Моро.

Больше всего там было женщин и детей, но были и мужчины. С серыми лицами, покрытыми волдырями. Вместо волос на их головах, подмышками и на лобках росли сорная трава и грибы-поганки. На коже — царапины, ранки, синяки. Глаз у этих существ не было. Носы — как у обезьян.

Они лежали на толстых поролоновых матрасах. Сидели на стульях и как будто смотрели в потолок, пытались что-то готовить на открытых кухнях, мылись сами или мыли детей, стирали белье в цинковых ваннах, о чем-то хлопотали, пели, выли, перебранивались, совокуплялись. Все со всеми, независимо от пола и возраста.

Пациенты лепрозория? Беженцы? Или их ожившие после смерти тела?

Когда они меня учуяли и догадались, что я не из их числа... несколько женщин видимо возомнили черт знает что...

И повисли на мне... как приклеились. Целовали меня в засос, льнули, прижимались интимными местами, что-то страстно шептали, изображали внезапно нахлынувшую страсть. И, несмотря на мои вежливые, но настойчивые просьбы, не хотели от меня отлепяться.

Пришлось применить грубую силу, чтобы освободиться от их назойливых прикосновений. Тела их пахли мазутом. Во рту — не было зубов. Треугольные ногти были черными.

Принял душ, растерся полотенцем, сел на пол, подремал. Попытался объяснить самому себе метаморфозу, произошедшую с домом, но не мог ничего придумать.

Волшебство? Иллюзия?

Или возрастное искажение восприятия действительности? Деменция? Ведь я старик.

Никто не мог перестроить дом за время моего отсутствия. И никакого волшебства, способного на такое, не существует. Зато я мог запросто забыть настоящий размер дома и внушить себе все, что угодно.

Но эти странные существа... беженцы... или бог их знает, кто...

Не мог же я снять квартиру в общежитии для беженцев, прокаженных или выходцев с того света. Это было бы безумием! Ведь я трус, мизантроп и расист. Не могу терпеть шума и криков. И к тому же страшно брезглив.

Из-за входной двери все еще доносился рев возбужденной толпы. В дверь то и дело стучали, ее царапали, резали ножами, рядом с ней орали, стонали, визжали...

Не удержался, посмотрел в глазок.

Ожидал увидеть там этих ужасных безглазых женщин, готовых броситься на меня и высосать из меня все соки, как только я покину свое убежище.

Но нет, женщин за дверью не было. Там меня действительно ждали, но не женщины... а проклятые гуттаперчевые вараны. Похожие на горилл. Или это были левиафаны? Они скалили свои огромные зубы и высовывали из пастей длиннющие лиловые языки, с которых на пол скапывалась ядовитая слюна.

Через какое-то время шум затих.

Посмотрел еще раз в глазок. Вараны исчезли! Что же я увидел?

Такого быть не может. Он?

Я увидел хорошо знакомого мне человека. Имени его я не знал. Не знал, кто он, но был твердо уверен в том, что он много раз по своей прихоти изменял мою судьбу.

Что ему от меня надо?

Динарий кесаря

Ко мне в квартиру вошли два человека... мгновение назад бывшие одним существом. Да, тем самым, крупным мужчиной в длинном черном пальто.

Я с трудом верил собственным глазам. Кусал себе пальцы, но это не помогло. Как он разделился?

Один высокий, другой среднего роста.

Эти люди тоже были моими старыми знакомыми. Часть моей жизни прошла в тесном контакте с ними. Но как я ни напрягал память, не мог вспомнить, ни как их зовут, ни где, когда и при каких обстоятельствах я общался с ними.

Внешне они походили на Панурга и брата Жана.

Если вы непременно хотите их себе представить, найдите иллюстрации Густава Доре к «Гаргантюа и Пантагрюэлю».

— Проходите господа, садитесь на пол. Мебель я еще не купил...

— Не купил, и никогда не купите. Если вы нам не можете, то вообще больше ничего не купите, — саркастически заметил Панург и улыбнулся без всякой иронии, скорее печально.

— Да, да, не купите. Ничего. Никогда, — сокрушенно добавил брат Жан и сложил свои мускулистые руки на груди, как молящийся.

Панург подмигнул мне и заявил: Мебели нет, но мы-то тут...

И мебель тут же появилась. Три удобных кресла и круглый стол между ними.

Еще через мгновение — мы все уже сидели за этим столом и пили холодное саке из прозрачных стаканчиков.

Панург пил саке маленькими глоточками, наслаждался. Брат Жан выпил стаканчик одним духом. Налил себе еще один из затейливой керамической бутылочки в форме вазы. На боку вазы были изображены лесистая равнина, горы и летящий дьявол, похожий на иероглиф.

Панург смаковал. Брат Жан пил как прорва.

Пауза тянулась и тянулась.

Я слышал, как булькает в животе у брата Жана.

Казалось, мои гости вовсе не желают со мной общаться.

Мое терпение лопнуло.

— Разрешите спросить... чем обязан вашему появлению в моей квартире? Чем могу служить, господа?

— Bravo, bravo, господин хороший. Решили прямо так рубануть... в моей квартире... чем могу служить... Благородная прямота.

Говоря это, Панург барабанил по своему животу. Я узнал ритм «Болеро» Равеля. Брат Жан тоже забарабанил. Волосатыми короткими пальцами по столу. Мне показалось, что началось землетрясение. А в моей голове неожиданно заиграл симфонический оркестр.

— Что, больно? Бедняжка... — пробурчал Панург. Кивнул, и оркестр в моей голове играть перестал.

— Я тоже не люблю, когда громко играют, — доверительно проговорил брат Жан.

Панург решил показать, кто тут главный. Дернул бровью и начал загибать длинные пальцы: Начнем с того, что это не ваша квартира. Это вообще не квартира. Хотите посмотреть, где мы с вами на самом деле находимся? Хотите

увидеть заросшее полынью поле размером с вашу Европу? Хотите заглянуть в зияющую бездну вместо неба? Узнать тайну постыдного будущего вашей цивилизации, так усердно занимающейся саморазрушением?

— Не надо, прошу вас.

— И служить нам, милостивый государь, вы не в состоянии.

— Надеюсь, вы не собираетесь карать меня за использование стандартных фигур речи?

— Не собираемся, но можем... Можем покарать за все что угодно! Скажите спасибо за то, что мы вас до сих пор терпим. Кое-кто предлагал нам превратить вас в навозного жука. Или раздеть, обмазать медом и посадить в муравейник. Или на кол, — веско добавил брат Жан.

Решил не раздражать попусту моих гостей и помалкивать. Говорить только если спрашивают.

— Золотое правило! — одобрил Панург, очевидно читающий мои мысли.

— Только не надейтесь. Ни на что не надейтесь, государь мой, — медленно проговорил брат Жан, — говорите вы или молчите, мне абсолютно все равно. Вы бездельник, обжора, эгоист, рукоблудник и позер... вы хуже навозного жука, тот хотя бы навозные шарики катает, а вы катаете только свое брюхо... Кстати, куда вы дели украденный вами в школе для трудных подростков велосипед? Отвечайте, когда вас спрашивают!

— Я не помню.

— Они не помнят! — брат Жан неожиданно рассвирепел, сжал громадные бугристые кулаки и заорал так громко, что зазвенели стекла в окнах, — раздавлю тебя как мокрицу! Глаз на жопу натяну!

Панург с явным удовольствием наблюдал за происходящим. Прихлебывал свое саке.

Потом все-таки вмешался.

— Не будем горячиться, господа! Речь не идет о каком-то дурачком велосипеде. Можете оставить его себе.

Брат Жан тут же успокоился и начал поддакивать: Да, вовсе не о велосипеде. Чихать мы хотели на ваш трехколесный велосипед. На все велосипеды на свете. Нам вообще на все чихать.

Тут брат Жан громко чихнул. Как будто молнией ударил.

Панург поправил приятеля: Но кое на что нам не чихать. Очень даже не чихать! Вы, наверное, подумали, что мы циники и нигилисты. Вломились к вам, посадили вас на стул и начали грозить... А на самом деле...

— А на самом деле, — продолжил брат Жан бархатым голосом, — мы романтики и вегетарианцы. Мухи не обидим. Просто работа у нас тяжелая. Целыми днями приходится общаться с разными подонками, увещевать их, пытаться пробудить в них человечность. Мы ее пробуждаем — изо всех сил, а она не пробуждается. Вот вы, например, наверняка уже давно догадались, что мы ищем, что хотим от вас. Но строите из себя идиота... виляете... раздражаете попусту. Ответьте нам честно только на один вопрос. Где вы ее спрятали? Мы проверим. И уйдем. И позволим вам еще столетия бродить между каналами, кататься на велосипеде и покупать свежую рыбу. Подарим вам килограмм сусального золота. Восстановим ваш дом и уберем из него несчастных уродов. Даже варанов прогоним с улиц. Им тут не место.

Я попытался внести в дело ясность.

— Господа, это все замечательно, но клянусь вам коронами двенадцати цезарей, я не знаю, о чем вы говорите. Я нигде и никогда и ни от кого — не прятал «ее». Понятия не имею, что или кого вы имеете в виду. Вы легко читаете мои мысли — и знаете, что я не лгу. Зачем же вы меня мучаете? Если вы скажете мне, о чем идет речь, я возможно что-то и вспомню.

Панург покачал головой, затем сказал брату Жану: Кажется, он действительно все забыл. Возможно, его укусил варан. А у варанов слюна ядовитая.

Брат Жан откликнулся: Забыл, забыл... Они все забывают. Время стирает их память как ластик карандашный рисунок, а они этого и не замечают.

— Что же, тогда перейдем к плану Б. Я нашел кое-что в архиве.

— Именно, именно к плану Б. Покажем ему черно-бееелое кино.

В глазах моих померкло. На мгновение я потерял себя, но тут же очнулся... в маленьком уютном кинозале.

Недалеко от меня сидели, вальяжно развалиясь, мои гости. Панург курил длинную серебряного цвета ароматизированную сигарету и пускал лиловые кольца. Брат Жан жадно поедал попкорн из бумажного ведёрка. Больше в зале никого не было.

Невидимый киномеханик включил проектор. Застрекотала пленка. На экране появилось бежево-оранжевое, дрожащее изображение.

Двое мужчин сидели за небольшим столиком и пили пиво.

— Рееезкость! — завопил брат Жан.

Я сразу узнал одного из мужчин. Потому что это был я. Вылитый Пол Ньюман в «Нобелевской премии».

А кто был моим собутыльником?

Вспомнил! Милош, сотрудник отдела нумизматики. Сцена эта происходила в начале девяностых, я работал тогда в музее Боде. Фотографировал картины и пластику и обрабатывал фотографии. Платили мне мало, но публично не унижали.

Распивали пиво мы в последний день моей работы. Точнее — в последние полчаса.

Я пил радлер, а мой визави — настоящий праздрой.

Маленький подслеповатый чех Милош, говорящий по-немецки с пражским акцентом, был единственным сотрудником музея, с которым я подружился. Он не задирал нос как остальные. Он и сам чувствовал себя изгоем в арийском коллективе. Было в нем, однако, что-то от хитренькой мышки. Хорошо, что нам нечего было делить.

Милош обладал уникальной памятью. Он помнил историю всех старых греческих и римских монет. К нему постоянно обращались за справками те, кому лень было искать монету в каталогах. Он никому не отказывал. Потому что монеты были не только его профессией, но и его хобби, его единственной любовью. Нет смысла упоминать, что он слыл грозным разоблачителем подделок. Он обнаружил много подделок и в коллекции музея. За это — вместо поощрения и похвалы он получил неприятности, и даже чуть было не потерял место. Ведь некоторые подделки были приобретены для музея лично директором или двумя его замами. Обычная история.

Фильм был немой.

Я пытался вспомнить, о чем же мы тогда болтали, но так ничего и не вспомнил. Прошло больше тридцати лет.

Фильм был любительский, короткий. Кто его снимал? Зачем?

В конце Милош достал из нагрудного кармана пиджака и передал мне небольшой предмет, завернутый в бумагу. Видимо, подарил что-то на прощанье. Сказал несколько фраз. Рассмеялся. Похлопал меня по плечу. Зачем-то многозначительно кивнул в камеру.

Фильм кончился. В кинозале зажегся свет.

— Вот видите, — сказал брат Жан, — вы положили ее в карман. Вспоминайте, вспоминайте, пожалуйста. Активируйте ваши серые клеточки.

— Да, да. Эта была монета.

— И не просто монета, а...

— Динарий кесаря. С Тиберием.

— И не просто динарий, а...

— Милош сказал, тот самый...

— И вы ему поверили?

— Разумеется, нет. Я решил, что он шутит, а динарий этот — одна из многочисленных копий, которые Милош и его коллеги изготовили к намечавшейся тогда выставке античных монет. Так вы что же, об этой монете меня спрашивали?

— Да.

— Зачем она вам? Погодите, вы что, действительно верите, что эта та самая монета, которую Иисус Христос держал в руках во время разговора с фарисеями? А затем произнес: Кесарю — кесарево...

Тут что-то произошло. Время остановилось. Пространство завязалось в узел. Мне показалось, что в кинозале выкачали воздух.

Я решил, что пришел мой смертный час.

Мои гости неожиданно посерьезнели. У меня на глазах они потеряли сходство с раблезианскими персонажами, обнялись и... слились в одно существо. В одного человека. В того самого мужчину. Которого я видел в глазок до их прихода.

Роста он был не просто высокого, а — с современного баскетболиста, голосом обладал низким.

Бритый череп. Длинное черное пальто. Пенсне. Руки — неестественно белые. Перстень на указательном

пальце. На перстне — изображение совы. Говорил он спокойно и вежливо... но так, как будто нехотя снисходил к собеседнику. Как власть имеющий.

— Расскажите о том, что вы с этим динарием сделали.

— Не помню. Возможно монетка все еще лежит среди других вещей у моей последней подруги. У Летиции. В ее подвале хранятся мои чемоданы.

— К сожалению, мистер Эльк, Летиция выкинула ваши вещи на свалку, где их благополучно сожгли. К слову, она умерла много лет назад... и та свалка больше не существует. Панта рей. Но мы смогли обыскать ваши чемоданы до этого. Ничего не нашли. Вы тогда, после музея, пришли домой, бумажку, наверное, развернули?

— Развернул.

— Посмотрели на монету?

— Да.

— И что же по-вашему, это была копия? Литье? Гальванопластика?

— Я об этом не думал. Мне было все равно. Красивая монета. Характер Тиберия — весь как на ладони. Властный, целеустремленный, умный, но ненасытный.

— В архиве есть еще один фильм. Из более позднего времени. Посмотрите?

— Валяйте. Куда я денусь, посмотрю.

В зале погас свет, опять застрекотала пленка.

И этот фильм был черно-белый и немой.

Я увидел красивое озеро между высоких, кое-где покрытых снегом гор. Конечно, узнал. Озеро Гарда. Посетил его я за два года до Миллениума. С моей тогдашней подругой Шарлоттой.

Мы плыли в сторону Лимоне и Сало на небольшом туристическом кораблике. Дул сильный ветер с севера.

Кораблик сильно качался, трещал... но пассажиры не беспокоились. Волны на озере не были выше полуметра. Молодые, хорошо сложенные итальянцы-виндсёрфингисты в цветных обтягивающих костюмах ловили порывы ветра и совершали затяжные прыжки, иногда переворачивались в воздухе. Я им завидовал. Воздух был теплый, нежный. Пахло лимонами. Мы с Шарлоттой были счастливы, беззаботны. Жадно пожирали глазами окрестности. После нашего серого индустриального города озеро Гарда казалось нам раем на земле. Я достал монетку, поцеловал ее и дал поцеловать Шарлотте, собирался бросить ее в воду. По известному обычаю. Но Шарлотта не позволила мне сделать это. Да, да, вспоминаю. Динарий я взял, перед отъездом, не глядя, из коробочки для японского печенья. Специально для того, чтобы бросить в озеро.

Следующий и последний эпизод фильма был снят в Венеции. Туда мы поехали на туристическом автобусе сразу после обильного завтрака в нашем трехзвездочном отеле на берегу озера. Отель, конечно, мог бы быть и лучше. Но мы были рады тому, что есть, я тогда вел жизнь свободного художника, а Шарлотта еще не получила хорошую работу в собственном бюро с огромными кактусами...

Денег у нас было в обрез. Так мало, что и на пару капучино на площади святого Марка не хватило бы. И ко мне в голову пришла мыслишка — а не толкнуть ли нам динарий в антикварном магазине.

На экране мы увидели только один эпизод — мы сидим за столиком и пьем по очереди из одной чашечки кофе.

— Судя по этому отрывку, вы тогда динарий не продали.

— Припоминаю сцену у антиквара. Рассказать?

— Я весь внимание.

— Настоящий антиквариат найти в Венеции не владеющему итальянским немецкому туристу — не легко. Слишком многие сувенирные лавки пытаются выглядеть так, как будто они продают старинные вещи. Мы с Шарлоттой отошли как можно дальше от площади Святого Марка и не сразу, но нашли небольшую темную лавку, в которой продавали книги, картины, статуэтки, вазы, марки и монеты. Пахло чем-то особенным. Лавром или ладаном.

Продавец в потертом черном костюме, несмотря на жару, был, возможно, древнее всего симпатичного барахла, которое его окружало. Я поздоровался и достал мой динарий. Положил его на стол перед продавцом. Тот взял большое увеличительное стекло в изящной серебряной оправе. Посмотрел на монету, перевернул ее дрожащей рукой, потом долго ее рассматривал и трогал. Затем произнес, ужасно картавя, по-немецки: Вы хотите продать эту монету?

— Да.

— Зачем вам деньги?

— Странный вопрос. Особенно в Венеции. У нас даже на кофе денег нет. А я еще хотел купить дочке подарок. Колокольчик.

Продавец повел себя особенно. Он встал и долго что-то искал на пыльной полке. Кряхтел. Нашел и подал мне. Это был медный колокольчик.

— Вот, возьмите. Это мой вам подарок. За то, что я имел честь подержать этот динарий в руках. Бесценное сокровище. Храните его как зеницу ока. Оно пригодится вам и в этом мире, и в ином.

Мы с Шарлоттой рассмеялись, не придали значения его словам. Подумали, старый дурак!

— Старик знал, что говорил. Он понял, что это реликвия. А дураком в этой истории были вы. Только вы. Невежественной немочке можно простить ее слепоту. Хотя и она... почувствовала что-то, не дала бросить динарий в озеро. Но вы... несколько лет читающий в день по Евангелию... имеющий дома целую библиотеку христианской литературы... Считающий себя чувствительным и пронизательным человеком, которому доступно многое из того, о чем и не подозревает обыватель. Ответьте мне еще на один вопрос. Как вы тут очутились? В городе с слонами и варанами на улицах. Как вы стали Эльком?

— Если бы я знал! Однажды утром я проснулся в другом мире... в многоэтажной башне в этом городе, в квартире на седьмом этаже. На полу. Думал, еще сплю. Но сон и не думал кончаться. С тех пор я тут. Стараюсь жить так, как будто ничего не произошло. Тут каждый день все меняется. Сегодня — слоны и вараны, завтра — тигры и динозавры. Метафоры материализуются. Параболы составляют суть жизни. А реальность вечно ускользает. Кто-то постоянно кладет мне в карман двадцать франков, и я не умираю от голода или жажды. Посетил недавно местного эскулапа — огромную зеленую жабу. Она лизнула мне своим пятнистым языком нарыв на спине — и через час от него не осталось ни следа. А Эльком... меня прозвали мои друзья. Еще в старой жизни. После посещения выставки гравюр по рисункам Брейгеля.

— И вы не протестовали?

— Зачем?

— И вы конечно и понятия не имеете, сколько лет прошло с тех пор, как вы покинули бренный земной мир.

— Не имею. Повторяю, мне так легче.

— И не хотите, чтобы я сказал?

— Нет. Мне и так не легко.

— Ах какие мы нежные... Ровно через десять минут вы перенесетесь во времени туда... в ваш последний день в музее. Прямо за тот самый стол. За минуту до того, как Милош вынет из кармана завернутую в бумажку монету. Тут и я подспею. И мы немножко побеседуем втроем. Боюсь, ваш милый Милош подарил вам эту монету с особой целью.

— С особой целью?

— Полагаю, что таким изощренным способом он хотел вынудить меня с ним встретиться. Ну что же, доставим ему это удовольствие. Интересно, что он потребует за динарий. Деньги? Философский камень? Или макабрическую потенцию и вечную жизнь в замке на берегу Луары с пятью тысячами невинных девушек?

Радлер был так хорош, так сладок и душист, что мне безумно захотелось вернуться в обычную жизнь. Даже мелькающие вокруг постные физиономии бывших коллег по работе в музее, даже надменные лица начальства — не уменьшили во мне желания жить. Этот новый старый мир тянул меня в себя.

— Что с вами? — спросил Милош и насторожился.

— Ничего, все хорошо. Просто радлер превосходный! Взбодрил. И жизнь продолжается. Надеюсь.

— Мне показалось, что вы совсем другое ощутили. И подумали.

— А может и другое, черт с ним со всем. Ухожу из музея. Это прекрасно. А вы остаетесь. И это прекрасно. Потому что тут ваше место. Среди старых монет и прочих сокровищ. А я буду жалеть только о Рименшнайдере.

Кажется, я сбил его со следа. Его мало интересовал разговор со мной. Он нетерпеливо ждал появления черного человека. Предвкушал чудеса и дары небес.

— А у меня есть кое-что для вас.

Милош вынул из нагрудного кармана пиджака завернутую в синюю плотную бумагу монету и осторожно положил ее на стол. Оглянулся.

Но черный человек не появился.

По лицу Милоша пробежала гримаса легкого разочарования. В голосе его появилось едва заметное раздражение. Неужели фокус не удался?

Я позволил себе его немного поддразнить: Кого вы ждете, дорогой Милош, кому на самом деле предназначается этот подарок? Почему вы оглядываетесь? Надеюсь, вы готовы встретиться лицом к лицу с повелителем мух? Кстати, а что это там, в синей бумажке? Не иначе как монета? Золотая?

Милош пошел ва-банк: Вы отлично знаете, что в синей бумажке. Все знаете, не правда ли? Сколько лет прошло после этого момента? Сто? Двести? Он придет?

— Потерпите, дорогой. Он придет. Только, боюсь, общение с ним вам не понравится. Радуйтесь, если он с вас живого кожу не сдерет.

— Все так плохо?

— Боюсь, хуже, чем вы думаете. Впрочем, откуда мне знать... У каждого с ним — свои счета. Может, вы ему понравитесь? Он ждет от вас каких-то фантастических требований в обмен на динарий. В памяти остались нечеловеческая потенция и пять тысяч девственниц в замке...

— Спасибо, рассмешили. Хотя... почему бы и нет?

В этот момент черный человек появился. Возник. Прямо за нашим столом. Ни слова не говоря, он взял левой рукой меня за руку, а правой — за руку Милоша. И унес нас прочь.

Милош успел-таки в последнее мгновение перед нашим исчезновением спрятать монетку в синей бумаге в кармане моего пиджака.

Черный дьявол перенес нас в очень экзотическое место.

На леднике где-то в Гренландии была установлена круглая деревянная платформа. На ней лежал толстый одноцветный ковер.

На этом ковре мы и расселись кто как мог.

В бирюзовых небесах сиял лучезарный диск Солнца. Лучи его не грели. Откуда-то сбоку ревел океан.

Ледник трещал и — мы не сразу это заметили — медленно тащил нас к пропасти.

Я пытался успокоить себя мыслью о том, что я так и так мертв. Что мне мол нечего терять. Почему-то эта мысль не принесла мне облегчения.

Приятель мой кряхтел, стонал и поскрипывал зубами. Охал, хватался руками за бока. Часто менял позу. Как будто танцевал лёжа.

Первым заговорил, как и положено, хозяин наших тел и душ.

— Приветствую вас на Севере, господа. Надеюсь, вам тут понравится. Можно спокойно покалякать о том, о сем. В теплой компании. Тут никто мешать не будет. Ночью видно северное сияние. Самолеты не летают. Сюда и белый медведь не залезет. В океане, внизу, правда, полно акул. Да и падать придется долго. Метров четыреста. И вода, там внизу, холодная. Не вода, а ледяная каша. Но где наша не пропадала...

Знал ведь — надо промолчать, но язык не позволил: Меня-то вы зачем сюда притащили? Монета все еще у Милоша. С ним и разбирайтесь, а меня прошу доставить по месту жительства.

— Откуда что берется? Я должен подарить вам жизнь, которую вы в свое время так глупо поставили на карту и

проиграли? Ха-ха-ха. С вами все ясно, господин Эльк. Позже займемся и вами. А сейчас пора высказаться вашему дружку. Ждем-с.

Милош охать и скрипеть зубами перестал, но говорить явно готов не был.

С ужасом смотрел по сторонам, то и дело хватался за сердце.

Похоже, его проект был чисто умозрительной конструкцией. Построением которой он занимался в свободное от работы время... мечтал, фантазировал. Представлял себе встречу с сатаной иначе. Его право!

Черный человек видел Милоша насквозь. И презирал его так же, как и всех остальных людей. Он мог взять Милоша двумя пальцами за горло, придушить как котенка и бросить в пропасть. Или сожрать вместе с синей бумагой. Но не делал это. Почему? Потому что даже всемогущие существа подчиняются неким правилам, придуманными не ими. В данном случае правило гласило: Нельзя брать силой у другого божественный предмет. Подобные предметы можно получить только в подарок.

Черный человек попросил Милоша мягким миролюбивым голосом: Быть может, вы расскажете нам, как вы догадались, что эта монета — тот самый динарий. Это интересно. Не беспокойтесь, у нас достаточно времени, а если его будет в обрез, то мы его растянем или остановим... Если вам тут неуютно... то платформа наша прекрасно справится с ролью ковра-самолета. Перенесет куда пожелаете. Стоит только захотеть.

И в то же мгновение... наша платформа приземлилась на ровной горизонтальной поверхности внутри кратера. На Луне!

— Я рад, что вы, Милош, проходили в школе астрономию и точно указали адрес нашего прибытия — кратер

Коперник. Не сделайте вы этого, наша транспортная система перенесла бы нас, возможно, на неизвестную планету в другой галактике. Не знаю, выдержал ли бы защитный пузырь такое испытание.

Поглазев вволю на странные, как будто из серого мыла сделанные, лунные ландшафты, Милош заговорил. Хитренькая мышка внутри него очнулась после обморока, правильно оценила ситуацию и приготовилась вешать лапшу на уши самому сатане.

— Ничего особенного не произошло. К счастью. Или, к сожалению, не знаю. В рамках рутинной проверки фондов я разгребал пыльный сундучок, полный старых монет и орденов, подаренный музеем еще до войны одним известным филантропом. Не знаю, почему русские его вернули. Хотя... золота я в нем не нашел. Возился целый день. Работал я так: Доставал монету из сундука, протирали ее проспиртованной тряпочкой, мыл, сушил, определял примерный возраст и происхождение, клал в круглую прозрачную коробочку, к которой приклеивал бумажный ярлычок. Вечером коробочки кончились. Я устал. Пора было закругляться. И тут на глаза мне попался этот динарий. Подмигнул мне синеватым огоньком. Я в чудеса не верил... тогда. Протер его, вымыл и высушил. Все правильно. Профиль Тиберия. На обратной стороне — Ливия в образе богини мира. Надписи. Гурт. Хорошая сохранность. Что-то однако меня взволновало. В голову пришла мысль: А вдруг это тот самый динарий? Фантазия разыгралась. Увидел перед собой колоннаду Храма, толпу фарисеев, несколько учеников Иисуса и его самого. И вот, Иисус просит дать ему динарий. Молодой фарисей подает ему монету. Иисус смотрит на нее и говорит слова, которые знают теперь сотни миллионов людей. Затем отдает динарий молодому фарисею. И фари-

сей отходит от толпы своих. Монета жжет ему руку. Но что я рассказываю вам это? Вы (он посмотрел на черного человека) стояли тогда в толпе фарисеев и видели все своими глазами.

— Браво, браво! — проговорил черный человек и добавил, — проникновенно рассказали. И что же было потом?

— Подобные фантазии приходили ко мне в голову и раньше. И всегда были удивительно реалистичны. В нихто и заключается главная радость нумизмата. В телесном соприкосновении со стариной. С историей. Спрятал динарий в своем личном сейфе. Я не мог украсть его. Никогда этого не делал. Стал размышлять о том, как мне завладеть этим предметом, не совершив кражи. И пришел к единственному решению — отдать динарий Эльку. Который конечно подумает, что монета — невинная копия. И вынесет ее из музея. Я предчувствовал, что рано или поздно этой монетой заинтересуются очень влиятельные... существа. И захотят встретиться со мной.

— Хитро. Затейливо. Ну что же, хватит разговоров. Где динарий сейчас?

— У Элька в кармане пиджака.

Черный человек посмотрел на меня так, как, наверное, Генрих восьмой смотрел на своих жен, перед тем, как им отрубали головы и произнес: Прошу вас, достаньте монету, разверните бумагу и положите динарий тут, на ковер, между нами.

Мне не оставалось ничего другого, как выполнить приказ.

И вот... мы, трое, сидим вокруг динария. Черной горой возвышается сатана.

Приятель мой, Милош, вьется на своем месте как воздушный змей. Раскачивается. Охает. Бормочет что-то. Пе-

реводит взгляд безумных глаз с умопомрачительных лунных гор на искривленные в презрительной гримасе узкие губы сатаны.

Я стараюсь сидеть тихо и не привлекать к себе внимания.

И тут... наш черный человек достает из кармана пальто карты. И начинает их ловко тасовать. На их рубашках — средневековое изображение колеса фортуны. Мужчины и женщины пытаются вскарабкаться по нему к вершине, на которой безмятежно восседает король во всей своей силе и славе, колесо медленно вращается, ангелы смерти стаскивают баграми несчастных вниз, в преисподнюю. И король тоже не может избежать этой участи.

— Ну что же, господа. Сами видите, кому теперь принадлежит динарий — сам черт не разберет. Поэтому, предлагаю сыграть в очень простую игру. Каждый из нас вытянет из колоды по карте. Тот, чья карта имеет больше очков — выиграл. Очки младших карт — по номинации от шести до десяти. Картинки, как в покере, имеют два, три, четыре или одиннадцать очков. Победитель получает динарий и делает с ним то, что захочет. Как быть, если у всех будет... по восьмерке. В этом случае надо будет заново тасовать карты и сыграть еще раз. А что делать, если двое получат королей, а третий валета? Тогда третий из игры выходит, он проиграл. А двое с королями играют дальше. Согласны?

Что нам было делать? Мы согласились.

Тут произошла третья, последняя магическая телепортация. Черный человек перенес нас в казино... Может, в Лас-Вегас, или в Монте-Карло, или в Баден-Баден. Или во дворец господина демонов.

Мы находились в красивом зале, украшенном причудливыми статуями, фресками и всеми возможными пред-

метами искусства эпохи барокко. Удивлял жернов, висящий на потолке как люстра. И костюмы других посетителей казино. Их как будто притащили сюда из разных стран и эпох. В одном из углов зала стояла массивная виселица, в другом — посверкивающая металлическим лезвием гильотина.

Мы сидели за инкрустированным малахитом столиком на удобных стульях. Внутри прозрачной, чуть розовой полусферы. Мы видели все и всех, нас не видел и не слышал никто.

Сатана предложил мне снять колоду. Я снял.

Черный человек положил колоду на стол и жестом предложил вытащить из нее карту. Я вынул и положил карту перед собой, рубашкой вверх. Тоже самое сделали и другие.

Сатана приказал железным басом: Открываем вместе на три.

И начал считать. Раз. Два. Три! Как будто из пистолета стрелял.

Мы раскрыли карты.

У всех троих были дамы. У сатаны — пиковая. У меня — червовая. У Милоша — дама треф.

Черный человек щелкнул пальцами. Выхватил из воздуха бутылку шампанского и налил его в три хрустальных фужера.

Я выпил. И у меня сейчас же приятно закружилась голова. Милош схватился за сердце, потом за бок, потом закашлялся. Я заметил в его глазах дьявольскую решимость.

Сатана выпил шампанское из своего фужера, а потом — залихватски — выдул всю бутылку из горлышка. А затем проглотил и бутылку. Как удав — мышь.

Крякнул и начал тасовать колоду. Предварительно засунув в нее трех наших дам.

Предложил снять Милошу. Тот снял.

Колода опять лежала на столе, и мы вытянули из нее наши карты. Опять положили их перед собой.

На сей раз считал я.

Раз. Два. Три!

У сатаны был туз! Туз пик. У Милоша — бубновая восьмерка. А у меня — тоже туз! Червовый.

Сатана ткнул пальцем с перстнем Милоша в лоб, и тот исчез.

— Ну вот, наш нумизмат уже в музее. И ничего не помнит. Амнезия! Переработал и спятил, экзонумист. А мы с вами продолжим игру.

Стасовал колоду. Дал мне снять.

Руки у меня дрожали. По спине катился холодный пот. Я не боялся проиграть, я боялся выиграть. Мы вытянули из колоды свои карты.

Раз. Два. Три!

У меня была девятка червей. А у черного человека — семерка пик.

Сатана заревел как голодный лев и заскрежетал зубами как тормозящий поезд...

Я видел как испуганная девятка закрывает от страха свое карточное лицо руками. А семерка в ужасе пытается убежать со стола. Я услышал как со страшным треском ломаются рамы любимых картин в музее. Ощутил своим телом адский жар от горящих книг. Мне опять померещились окровавленные люди, бегущие по улицам Берлина. Я увидел огромный огненный гриб.

Демииург покинул нашу галактику, сатанинское воинство одержало победу. Колесо фортуны бешено вращалось. Тысячи людей падали с него в преисподнюю.

Я сделал то, что должен был сделать.

Взял в руки динарий, полюбовался им напоследок и отдал черному человеку.

— Держите. Дарю. И ничего не хочу взамен.

Я проснулся на тахте в нашей трехкомнатной конуре на девятом этаже в блочном доме в Марцане. Утром того самого дня, когда меня должна была сбить пожарная машина на Потсдамской площади. Летиции дома не было, она была в гостях у сестры. Племянница выходила замуж за богатого баварца. Надо было помочь выбрать платье.

Я принял ванну, почитал книгу Лео Перуца, поспал... нашел в холодильнике немецкие пельмени из куриного мяса, сварил себе все двадцать восемь штук. И съел их со сметаной, сливочным маслом и уксусом.

Из дома в тот день не выходил.

Великий магистр

А следующей ночью...

Я спал на широкой тахте, которую мы с Летицией лет десять назад купили в складчину в магазине ИКЕА недалеко от берлинской Пирамиды.

Нежился и видел сны.

Все сны позабыл... только кусочек последнего, перед внезапным пробуждением около часа ночи, почему-то сохранился в памяти.

Мой бывший тесть-профессор — голый, распаренный, с березовым веником в руках... в русской бане... хлещет себя веником по спине и советует: Слушай, зятек, умная ты голова, уважь старика, никогда не женись на женщине-одногодке или на старшей тебя! Бери в жены барышню, которая тебя моложе лет на десять, а-то и на пятнадцать! А не то прокиснешь! Заживо сгниешь, с старухой-то. И что ты в этой своей новой нашел? Ни кожи, ни рожи...

— Она же ваша дочь!

— И что, что дочь? Правда дороже!

А я стою в бане, почему-то одетый в зимнюю одежду.

Да... я осознаю, что это сон. Мне жарко, душно, я снимаю теплую куртку, отороченную бобровым мехом, разматываю шарф... раздеваюсь догола, а тесть мой, то худющий как скелет, то распухший как в водянке, делает мне какие-то знаки... ухает, танцует... потом начинает и меня хлестать веником по спине, и по животу, и по заднице, и по половым органам.

И у меня почему-то — эрекция.

И вот, я смотрю на него... а он уже не тесть мой больше, а павлин. Перья распустил...

А теперь — он Будда желтый, сидит в позе лотоса, а в руке — все еще веник березовый держит.

И вот, нет уже ни тестя, ни павлина, ни Будды...

А стоит передо мной... Летиция.

Стоит и смотрит на меня с ужасом, как на выходца с того света.

И тут я понимаю, что не сон это уже, а явь. Что я стою босой, завернувшись в одеяло, в нашем коридоре, а на расстоянии вытянутой руки от меня — моя подруга, минуту назад вошедшая в квартиру, в пальто и сапожках. Растопырила руки в красных кожаных перчатках... как будто хочет от меня защититься. Над глазами у нее — синь. Губы — темно-зеленые.

Летиция курлычет, хрипит, гулькает. Стучит зубами от страха.

Пытаюсь обнять ее, успокоить. Одеяло падает...

Летиция громко охает, убегает в кухню и запирается там на ключ.

Подхожу к двери, стучу и прошу меня впустить.

Она открыла мне только через полчаса.

Предложила сесть за наш раздвижной кухонный стол. Налила мне какао в желтую кружку. Вынула из шкафа пачку печенья, открыла ее и положила на стол. После того,

как я выпил какао и съел печенье с орешком посередине, начала говорить. Видимо, хотела убедиться в том, что я — не привидение.

— Ты — это ты?

— Конечно я.

— Воскрес?

— Нет, вернулся.

— Ты не покойник?

— Да вроде нет. У меня тут, перед твоим приходом, даже встал. Во сне...

— Ты знаешь, что случилось год назад?

— Что случилось?

— Тебя машина сбила. Через три недели тебя кремировали и похоронили. В лесу, как ты и просил. А теперь ты на кухне сидишь, печенье ешь. А у меня уже три месяца новый друг. Томас. Заботливый такой, не то, что ты. Компьютерщик. В Берлин полгода назад переехал. Квартирu снял в Веддинге.

— Заботливый... а потом ногу тебе отрежет.

— Что ты несешь?

— Извини, пошутил. Вспомнил ту ногу у нас в парке. Помнишь, ее бабушка какая-то нашла. Чуть не умерла от потрясения. А у нас всех кровь брали.

— Откуда ты взялся на мою голову? Ты хоть что-нибудь помнишь? Как тебя машина сбила пожарная?

— Да, припоминаю... я шел в Новую Национальную Галерею, и вдруг откуда-то сбоку появилось что-то огромное... красное... и ударило меня. Боль чудовищная, кости трещат... сирена... а затем темнота. А теперь я вернулся.

— Так не бывает.

— Как видишь, бывает.

— И что теперь мне делать?

— Не знаю.

— Твои вещи лежали внизу, в подвале. В трех чемоданах. Но неделю назад Томас их на свалку отвез.

— А книги?

— И книги. Все равно их никто не читает. Я сама его попросила. Мне некуда было наш старый комод поставить... а выбросить жалко. Мы новый телевизор купили.

— То есть... Моего у тебя ничего не осталось?

— Кое-что есть.

Летиция ушла в спальню... и принесла оттуда коробку от японского печенья.

Положила ее на стол, открыла.

Там лежали мои документы, зажигалка, которую я непонятно зачем украл однажды в ресторане у бывшего чемпиона ГДР по гандболу, пять авторучек с золотыми перьями, два увеличительных стекла, театральный бинокль, мой старый мобильник, швейцарский перочинный ножик с крестиком, четыре золотых колечка с янтарем и малахитом, наручные часы с металлическим браслетом... и штук тридцать серебряных монет. Да, да... тот самый динарий... тоже лежал в коробке... вот он, опять у меня в руках. Тиберий на нем ничуть не изменился.

Пока я перебирал монеты, Летиция думала. Морщила лоб и нервно грызла ногти. Затем насупилась, посмотрела на меня зло и проговорила: Я приняла решение.

— Быстро ты...

— Ты тут теперь чужой. Ты должен уйти.

— Куда я пойду? У меня документов нет. И денег.

Мой аусвайс — пластиковая карточка — был наполовину разрезан ножницами, а на каждой странице моего заграничного паспорта стояла печать — «не действителен».

— Я похоронила тебя на твои деньги. Оставалось еще шесть тысяч. Три я уже потратила. А последние три могу тебе отдать. Если ты сейчас же уйдешь.

— Почему ты так торопишься?

— Потому что Томас должен прийти с минуту на минуту. Он поехал к себе какие-то бумаги взять. Понадобятся завтра. Потом хотел приехать сюда. Не знаю, почему до сих пор его нет.

— Может, в аварию попал?

— Типун тебе на язык. Я не хочу, чтобы он тебя увидел. Да еще и голым.

— У меня ни одежды, ни обуви. Я очнулся на нашей тахте, под одеялом. Хорошо еще без березового веника.

— Какого веника, что ты несешь?

— Мне снился мой второй тесть. С веником. В парилке.

— Я всегда подозревала...

— А я подозревал, что ты сухая деревяшка, а не женщина. Стерва, не способная на элементарную человеческую доброту, не говоря уже о любви. Ты хоть на секунду представь, в каком положении я нахожусь. Упал с неба. А ты меня как собаку на улицу гонишь.

— Опять закрутил знакомую шарманку. Он страдалец, его все должны жалеть и любить, а он сам никому ничего не должен. Сверхчеловек. Писатель! Мы все это тысячу раз обсуждали. Оскомину набило. Я не позволю тебе еще раз отравить мне жизнь. Катись туда, откуда пришел.

— Бессердечная стерва и гадина!

— А ты — нытик и импотент. Мертвяк!

— Сука! Ты сама давно сдохла. Мне там рассказали.

— Как сдохла? Когда?

— Мне не сказали, когда.

— Заврался, подонок!

Ну вот, теперь я наконец узнал свою Летицию. Это и впрямь она. Она.

И наши отношения — остались прежними. Мир не изменился. Мы не изменились.

Летиция вышла из кухни, громко хлопнув дверью. А я приготовил себе еще кружку какао. И съел еще немного печенья.

Минут через десять она вернулась, все еще разъяренная как пантера. Вначале бросила на стол деньги. Затем вывалила на него же ботинки, носки, трусы, спортивный костюм своего первого мужа-горнолыжника, его же, пахнущее нафталином, драповое пальто и вязаную шапочку-трехцветку.

Кружка с какао опрокинулась, печенье упало на пол...

Я вытер стол тряпкой, поднял печенье, затем забрал деньги, вещи и коробку и ушел переодеваться.

Когда шел по коридору, входная дверь открылась, и в квартиру ввалился Томас. С дипломатом в руках. Красивый мужчина лет тридцати восьми.

Посмотрел на меня и решил, что я — вор. Или насильник. Ведь из кухни все еще доносилась брань Летиции, которую можно было принять за стоны.

Бедняга растерялся. Тяжело дышал и потел. Дипломат прижал к груди как щит.

Я пошел в гостиную. А Томас ретировался в кухню. Я расслышал его взволнованный шепот: Кто это такой? Что он тебе сделал? Ты уже вызвала полицию?

Интересно, что она ему сказала.

Я не спеша оделся и обулся. Коробку от японского печенья положил в вовремя подвернувшуюся под руку наплечную сумку. Сел на стул...

Автоматически посмотрел на репродукцию в рамочке, висящую на стене. Вспомнил, что купил ее в книжном ма-

газине Дуссманн на Фридрихштрассе. Вспомнил и ее название — «Извлечение камня глупости».

Ведьма выглядывает из раздвоенного ствола дерева, глумливый черт согнулся в дугу и смотрит на зрителя снизу, в заднице его торчит стрела, огромная рыба разинула пасть, она собирается проглотить волшебный шарообразный кристалл, коленопреклонённый мужчина — не человек, а скала, внутри которой — вертеп разврата, шарлатан вырезает маленькому пожилому простаку камень глупости из головы, его помощник пытается продать монаху фальшивый глаз... или жемчужину.

Нет, мы не далеко ушли от Средневековья. Мир все еще магическое пространство, наполненное демонами. А люди их игрушки, не более...

Фигура и облик горбоносого шарлатана в высокой зеленоватой шапке и свободной красной одежде с высоким воротником, режущего коротким кривым ножом, похожим на наваху, кожу на голове у своей жертвы... напомнили мне моего черного человека. А сидящий на стуле лысый тип с маленькими ножками, одетый во что-то вроде архаичной пижамы, терпеливо сносящий кошмарную операцию — напомнил мне меня самого. Покорный, глуповатый, брюхатый... но себе на уме. Да, это был мой карикатурный портрет.

Из глубины ночи до меня долетел голос черного человека.

— Как же поздно до тебя все доходит!

— Что доходит? Что вы имеете в виду? Отвечайте!

Сатана молчал. Ночь молчала.

В гостиную торжественно вошли Летиция и ее новый любовник.

Летиция все еще была вне себя от возбуждения и злобы. Поскрипывала зубами, гримасничала, топала ножкой.

Ей явно хотелось поскандалить, поорать... а может, и устроить кулачную потасовку.

Летиция была сильной здоровой женщиной. Занималась дзюдо. Состояла в обществе «Любителей стрельбы по быстро движущимся мишеням». Было ли у нее в доме оружие, не знаю. Полагаю, если бы было, она бы хладнокровно меня пристрелила. И зарыла бы труп в парке.

Томас явно трусил... тарачил на меня глаза, часто моргал и дергал себя за правое ухо. Ухо покраснело и опухло. Видимо он пытался осознать... что вот, был у его любовницы сожитель... умер, его похоронили, а теперь он в их гостиной, в спортивном костюме и драповом пальто, сидит и на картинку смотрит. И совершенно непонятно, чем это кончится.

Мне хотелось только одного — поскорее уйти. Напряг мышцы лица, постарался улыбнуться. Получилось не очень. Выдавил из себя: Я как раз собрался уходить. Больше вы меня не увидите. Ни о чем не беспокойтесь. Я не собираюсь являться к вам по ночам или подстерегать вас в толпе с опасной бритвой. Искренно желаю вам долгой и счастливой жизни.

В конце этой речи поперхнулся и раскашлялся.

На улице мне еще долго казалось, что я слышу курлыканье и зубовой скрежет Летиции и вижу огромное опухшее ухо Томаса. Которое сатана то и дело пристраивал к фасадам одиннадцатизэтажных башен.

* * *

Марцан ночью в ноябре — безлюден, жуток. Одинаковые прямоугольные бетонные коробки — наводят тоску, пугают.

Я не знал, куда идти... что искать... как теперь устроить жизнь. Понимал, что, пойди я в полицию и расскажи

там всю правду — моментально попаду в психушку и вряд ли когда-нибудь из нее выйду. Потому что врачи никогда мне не поверят и с жадной радостью приговорят меня к долго длящейся химической казни.

Нет уж, увольте. Если все равно погибать, то по моим правилам.

— А у тебя, оказывается, есть правила? — язвительно заметил мой черный человек, — нет у тебя никаких правил.

— Замолчи! Ты обманул меня. Я великодушно подарил тебе динарий, ничего у тебя не просил, а ты отправил меня в мир, в котором я никому не нужен. Сознательно послал на год позже, чем надо было. Пошутил? Выставил меня на посмешище перед этой дурой и ее любовником. Что, смешно?

— Великодушно подарил? Да ты тряся от страха. Распластался, как жаба, которую переехал асфальтовый каток. Решил — в последний раз — перехитрить судьбу. А послал я тебя в правильное время. Или ты действительно хочешь жить с этой сварливой бабой?

— Не твое дело.

— Помолчи. И слушай. Вон на том перекрестке, слева от магазина «Сатурн», стоит такси. Иди туда. Таксисту скажешь — театр «У Длинного Моста». Он отвезет. Там ты должен будешь обделать для меня одно дельце. Если справишься, поговорим о твоей судьбе еще раз.

— Опять обманешь?

— Поторопись, представление начнется ровно в три.

— Что я должен сделать?

— Догадаешься по ходу дела.

Такси оказалось старинным автомобилем футуристического вида, неизвестной мне марки. Таксист был похож на Мефистофеля с гравюр Делакруа. С маленькой острой бородкой и сверкающими глазами.

- Свободно?
— Садитесь. Куда едем?
— Как будто вы не знаете! В театр «У Длинного Моста».
— Будет сделано.

По дороге я перестал узнавать Берлин. Бетонные коробки скоро пропали.

Долго ехали по широкой аллее между дачных домиков.

Среди дачных домиков я с удивлением заметил высокие заборы с колючей проволокой под напряжением, доты времен Второй Мировой, руины циклопических римских сооружений и готические башни из темно-коричневого камня. В Берлине?

Потом дачи кончились и появились трех-четырёхэтажные дома постройки двадцатых годов. Могучие здания в стиле сталинского ампира. Промелькнули неизвестные мне треугольные небоскребы...

А затем я увидел каналы с темной водой. И сразу их узнал.

Такси остановилось у одного из мрачных шестизэтажных домов, выходящих фасадом на канал.

Я предложил таксисту деньги, но он отказался: Ваши деньги тут — бумага. Уже несколько столетий.

Сказал и тут же уехал.

Столетий? Куда он меня привез? Точнее... в какое время?

Два раза прошел, не торопясь, вдоль шестизэтажного здания, у которого меня высадил таксист, искал вход. Ничего не обнаружил. Только шесть рядов обыкновенных окон смотрели на меня как хор тюремных надзирателей.

Все окна были закрыты. Нигде не горел свет. Интересно, почему таксист решил, что именно это здание — театр? Знал? Или просто отвез меня — куда-нибудь, подальше от Марцана? Для собственного удовольствия. Чтобы потом, дома, за кофе и миндальными пирожными представлять себе, как я бегаю вдоль канала и изрыгаю проклятья.

Тут... как бы реагируя на мои мысли — где-то далеко-далеко ударила молния, прогремел гром, заиграли невидимые фанфары, и во всех окнах театра зажегся свет. Я услышал чарующую, но пугающую музыку... и, о чудо, в центре здания появились высокие двери, а над дверями запылала неоновая реклама:

Только сегодня ночью!
В театре «У Длинного Моста»
СОКРОВИЩА ТАМПЛИЕРОВ
Фантасмагория в пяти актах!
Никакой цензуры! Никаких табу!

Тут ко мне подлетел маленький человек в полосатом костюме.

— Добро пожаловать в театр У Длинного Моста, маэстро Эльк! Прошу вас, пройдите, не будем терять время. Начало представления — в три, значит у нас есть только четверть часа. Это куча времени, если вы имеете дело с профессионалом, и быстролетящая секунда, если за дело берется дилетант.

Полосатый костюм взял меня под руку железной рукой и провел в театр. Но не через огромные двери для публики, а через малозаметную дверку сбоку.

Вел меня по театральному лабиринту и тараторил.

По дороге мы встретили хорошеньких балерин из кордебалета, задумчивого доктора Фауста с гомункулусом

подмышкой, свору лающих борзых собак, ландскнехтов с мечами и пиками, хор сожженных евреев, хранителя королевской печати Гийома де Ногаре, болтающего с интриганом Робертом Артуа в кроваво-красном костюме, группу фальшивомонетчиков, укротителя тигров с питомцами, степенно шагающего маршала Петена, слона, заблудившегося вампира, трех веселых банкиров из Ломбардии, Елену Прекрасную с небольшой свитой, великолепного Императора Константинопольского, неопрятного старика Чингисхана с редкой бороденкой, самостоятельно передвигающееся колесо для колесования, на мачте, Троянского коня, тяжело поднимающегося по лестнице, Наполеона Бонапарта почему-то в кальсонах и плачущего короля Эдуарда.

Эдуард стоял на коленях и восклицал, обращаясь к сидевшей на жердочке металлической сове: Отдайте мне мое королевство, я ни в чем не виноват! Это все козни проклятой французской бести, моей жены.

— Все они участвуют в представлении, — пояснил полосатый.

— Слон тоже? И Чингисхан?

— И слон, и Чингисхан, и тигры, и борзые собаки. Кроме главного действия наш главреж разработал и несколько сквозных. Мастер!

— А почему Наполеон разгуливает в кальсонах?

— А в чем он, по-вашему, должен разгуливать?

— А как насчет костюмов?

— Насчет костюмов все прекрасно, чудесно, умопомрачительно. В вашей гримерке вас ждет только что сшитый костюм великого магистра. С кроваво-красным крестом. Знаю, вы будете бесподобны в сцене проклятия. Наши техники придумали специальную огневую машину. Уверяю вас, публика будет уверена, что вас сожгли живьем!

Ага. Вот зачем я здесь. Чтобы сыграть роль великого магистра тамплиеров Жака де Моле. И это еще только полдела. Черный человек хочет от меня еще чего-то. Особенного. Его желания всегда ужасны. Что ему надо? Чтобы я сжег театр? Разрубил слона на кусочки? Или заколол кинжалом короля Филиппа Красивого? Господи! Надо делать ноги. Но как? Полосатый тут явно не мажордом. Скорее он мой охранник. Из гримерки будет один выход — на сцену, а я и пьесу не читал.

— У вас случайно текста пьесы нет под рукой?

— А зачем он вам? Вы что, забыли, что у нас с авторским текстом не работают? Как говорит наш уважаемый главреж: Только импровизация! Импровизация и реинкарнация! Войдите в феерический поток... и отдайтесь ему.

— Как бы меня на сцене не стошнило. Выпил вчера много. В голове — туман. Даже действующих лиц не помню. А вы говорите — поток.

— И не надо помнить. Мы ведь тут не Дрюон. Читали небось в детстве? Обращайтесь к другим персонажам как в голову взбредет. Импровизируйте. Публике только интереснее будет. Назовите графа де Пуатье — Людовиком Сварливым, а королеву Изабеллу — герцогом Бургундским или даже Роджером Мортимером. Хоть горшком называйте. У зрителя в голове все это древнее историческое барахло давно перемешалось и превратилось в труху. Тринадцатый век! Подумать только, даже гильотину еще не изобрели. Жгли людей как хворост. А блевать наш главреж разрешает прямо на сцене. Говорит — так достовернее.

Во втором акте, после сцены казни, в замке Синей Бороды Фауст с этим ублюдком, гомункулусом и с Прекрасной потаскушкой Еленой встречаются в специаль-

ном зале с Маргаритой, Жанной и их любовниками для совместного секса. В третьем акте к ним присоединятся Наполеон и Чингисхан. А в четвертом — Троянский конь. А закончится все совместным пением и шарадами в ожидании посланцев-альбигойцев из осажденного Каркассона. Которые кстати приведут с собой слона и тигров. В пятом акте. Тогда и начнется самое главное... умопомрачительное... и тьма, и землетрясение, и воскресение мертвых, и низвержение князя ада на дно озера огненного. Перед занавесом.

— Боже мой! Надеюсь, сцена все это выдержит. А что же будет с сокровищами тамплиеров? Найдет их Железный Король?

— Эта тайна будет раскрыта только для посвященных в известный одному главрежу момент. Ну вот, мы на месте.

Мы вошли в гримерку. Полосатый, на все руки мастер, удивительно быстро загримировал меня под великого магистра, приклеил бороду и усы, и помог одеться.

Представление началось. Мой выход был в середине первого акта.

Я не хотел идти. Полосатый силой выпихнул меня на сцену. Там меня подхватили двое огромных солдат с алебардами, заломили мне руки и повели на суд.

Суфлер-енот в будке сейчас же запричитал театральным шепотом: Магистр, стоните, стоните, спотыкайтесь, плачьте и дрожите. Вас жестоко пытали.

Я, как умел, выполнил его указания. Шаркал ногами, стонал и бормотал как умалишенный.

Мое появление зал встретил бурными аплодисментами.

Главным обвинителем на процессе почему-то был престарелый маршал Петен. Он путался в словах и оправдывался. А защищал меня граф де Вре.

Всю сцену суда я ломал голову над тем, что же мне предстоит сделать для моего черного человека.

В антракте неожиданно для самого себя — догадался. Это же очевидно!

Я должен найти и убить главного режиссера этого безумного театра. Заколоть его стальной рапирой. Не дать свершиться непоправимому. До окончания пятого акта.

ЙОРГ

Отец Йорга Хельмут в юности работал на скотобойне в Эрфурте, потом воевал на Восточном фронте. Ему повезло, в ледяном ноябре 1941-го, где-то под Можайском, он отморозил руки и ноги... После ампутации части ступни и половины пальцев не мог больше ни бегать, ни стрелять. Не мог даже спокойно стоять в строю, вынужден был переступить и переступать с ноги на ногу. Другие солдаты смеялись, просили его станцевать фокстрот, а ему было нестерпимо больно.

Был признан не годным к службе в армии. Поэтому выжил.

Вернулся домой, в Тюрингию. Мучающийся фантомными болями. Обозленный. Не понимающий этого страшного мира. Узнал, что его отец пал смертью храбрых за фюрера и Фатерланд. В бою под Ленинградом. Мать помешалась от горя и повесилась. А сестра уехала во Франкфурт и стала проституткой.

Несмотря на то, что Хельмут был калекой, он получил место продавца в мясной лавке, в деревне на юге Тюрингии, а когда владелец ее неожиданно рано умер, женился на его дочери и стал хозяином лавки.

Мать Йорга, Кристина, несмотря на то, что была немного не от мира сего, исправно трудилась в лавке, а в свободное время помогала овдовевшему пастору в их деревенской церкви. Кажется, даже была в него влюблена. Убиралась, стирала, пела в хоре. Родила Хельмуту двоих детей, девочку и мальчика, Люси и Йорга. А через не-

сколько лет оставила детей на руках у матери-вдовы и исчезла. Болтали, что она ушла в горы и бросилась с обрыва.

Хельмут не пытался ее найти и вернуть. Видимо догадывался, где она на самом деле, догадывался и о причине ее поступка.

Года через два Кристина вернулась домой и, ничего никому не сказав, продолжила свою прежнюю, нелегкую жизнь. Хельмут не расстроился, когда его жена пропала, и не обрадовался, когда она вернулась. Только состроил страшную гримасу и зарычал как медведь. Дети были еще слишком маленькие, чтобы что-то понять.

Йорг рассказывал, что перед едой мать проверяла чистоту его ногтей и кожи за ушами, читала молитву, а отец в это время почему-то стыдливо прятал култышки, громко сопел и страшно гримасничал. Походил на Франкенштейна из знаменитого американского фильма тридцатых годов. Деревенские прозвали его за привычку к гримасничанью «Хельмут страшный».

В детстве Йорг не голодал, как почти все его сверстники, не страдал от отсутствия теплой одежды и обуви. И хотя у него, единственного ребенка из класса, был жив отец, жизнь его не была счастливой. Хельмут много пил, все вечера проводил в окрестных пивных, где слыл острословом, а дома почти всегда мрачно молчал и гримасничал, бил жену, изредка голубил белокурую дочку, а черноволосого, похожего на пастора, сына не замечал. А когда замечал, давал ему подзатыльник. Иногда заводил его в дальний сарай, где хранилось сено, раздевал, порол и...

Когда в начале восьмидесятых отец умер, Йорг не плакал, наоборот, ощутил прилив сил. На похороны не поехал. От наследства отказался в пользу сестры.

Мать заставляла Йорга ходить на скучные церковные службы, пыталась воспитать его как достойного лютеранина и расстраивалась, когда ее сын грубил пастору и нагло заявлял, что не верит в Бога.

Любила Йорга только его старая бабушка, она часто болтала с ним о том о сем, читала ему сказки Гауфа и братьев Гримм, вязала кофточки и носки. Украшала ёлку на Рождество. Пекла сладкое печенье.

Друзей у Йорга не было. Одноклассники его третировали, завидовали его относительному благополучию. Учителя охотно унижали сына Хельмута страшного, придирались к мелочам. Учился Йорг посредственно, был ленив и небрежен. Бабушка, а не школа научила его читать и писать. Пробудила в Йорге интерес к чему-то кроме ковыряния в носу. Подарила ему «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» и «Черного мустанга».

Йорг постоянно терзался. Ему казалось, что визиты в сарай с отцом пробудили в нем что-то, что он сам не мог объяснить...

Что-то неправильное, как будто привнесенное в его жизнь из другого, не человеческого мира первобытных чудовищ, постоянно мешало ему, раздражало и возбуждало его, заставляло воспринимать рутинные события его жизни не прямо и естественно, а как бы косо, по касательной к реальности...

Иногда, он замолкал на середине фразы... а в лесу, ни с того, ни с сего налетал на дерево или падал. Для других приходилось придумывать оправдания: замечтался, поскользнулся, оступился, споткнулся... Хотя он прекрасно понимал, что это она, эта странная, завихряющая его бытие как невидимый миксер сила бросила его на дерево или на землю. Заставила замолчать. Сила, наполняющая по ночам каждую клеточку его тела непонятной ему энер-

гией, вяжущая морские узлы из его нервных волокон, простреливающая насквозь огненными стрелами полигон его сознания.

Для многих мальчиков подростковый период их жизни — тяжкое испытание. Йорг не был исключением. Надеялся на то, что все само собой устаканится. Тщетная надежда.

И тем не менее однажды все прояснилось. Йорг наконец понял себя. И испытал катарсис.

Жил в деревне один беженец, Эмиль, хромой, искалеченный во время бомбардировки Дрездена юноша, который, хоть и был лет на семь старше Йорга, пытался с ним сблизиться. То и дело заговаривал, заикаясь, беспомощно улыбался, смешно морщил обезображенные ожогами губы и щеки, делал руками какие-то непонятные Йоргу знаки, вроде бы манил куда-то. Йорг жалел его, сам не понимая, почему. Деревенские мальчишки бросали в хромого камешки, желуди и шишки и дразнили «теплым братом». Что это значит, Йорг не знал. Мальчишки тоже не знали, но повторяли за одной милой вдовушкой, которая вздумала приманить и совратить хромого Эмиля, но потерпела неудачу. Хромой жадно ел приготовленные ею блины, посыпанные сахарной пудрой, но в постель с ней идти решительно отказался. Вдовушка была так убеждена в своей женской неотразимости, что быстро нашла единственное, по ее мнению, разумное объяснение поведению хромого. И обозвала его презрительно «теплым братом». А деревня, всегда враждебная к чужаку, будь он хоть десять раз несчастным инвалидом — так навсегда и окрестила беднягу.

Однажды летом Йорг забрался на вершину невысокой горы, на склоне которой располагалась их деревня.

Вид с вершины открывался бесподобный. Леса, долины, горы, река внизу «словно зеркало стальное», дома, покрытые красной черепицей.

Йорг прилег на большой плоский валун, нагретый солнцем. Валун этот местные жители называли «ведьмовским камнем». Разводили на нем огонь в Вальпургиеву ночь.

Недалеко от валуна зияла пропасть. Провал. Ограниченная четырьмя вертикальными скалистыми стенами, поросшими мхом, яма в сто пятьдесят метров глубиной. Детям было строго запрещено и близко подходить к ее краю. Согласно деревенской легенде в эту жуткую яму ландскнехты бросали трупы взбунтовавшихся крестьян во время Крестьянской войны. Согласно другому варианту легенды, то же самое делали шведы с убитыми местными жителями во время войны Тридцатилетней. Известно было, что альпинисты-любители из Кронаха спускались в провал в тридцатых годах и ничего интересного на его дне не нашли. Некоторые деревенские всезнайки утверждали впрочем, что альпинисты нашли там что-то ужасное... и решили никому об этом не рассказывать. Даже поклялись в этом на том самом ведьмовском камне. Увы, так часто бывает с тайнами.

Многие жители деревни верили в то, что на дне провала живут адские черные псы, заманивающие простаков в сумерки в пропасть и пожирающие потом их трупы.

Из ее глубины и в самом деле часто доносился странный звук. Стон? Мольба о помощи? Вой? Всезнайки утверждали, что это ветер.

Йорг задремал на камне. Свернулся калачиком.

Неожиданно кто-то потрепал его за щеку. Йорг испугался, открыл глаза...

Рядом с ним сидел на валуне хромой Эмиль, как огромный многоногий кузнечик, и улыбался. Криво, странно, жалко. Эмиль пристально смотрел на Йорга, обычно мутные его глаза — сияли как золотые монеты.

Йорг хотел грубо оттолкнуть хромого, лягнуть его ногой, а если не получится, то хотя бы укусить, но у него непонятно отчего оцепенели руки и ноги. Единственное, что ему удалось — с большим трудом — это сесть рядом с Эмилем по-турецки.

Хромой понимающе кивал похожей на рыбью головой на длинной тоненькой шее, покрытой гусиной кожей.

Затем прокурлыкал: Не бойся, сын мясника. Я ничего плохого тебе не сделаю. Доверься мне, бабочка.

Йорг нашел в себе силы ответить: А я и не боюсь, с чего вы взяли? И я вам не бабочка.

И в доказательство того, что не боится, и что он не бабочка, поднял правой рукой камешек, лежащий рядом с ним на валуне, и кинул его в пропасть. Хотел кинуть хлестко, чтобы камень распорол воздух, но получилось слабо, вяло.

Хромой пробормотал: Уу, какой сильный мальчик, настоящий Рубецаль. Как здорово камень бросил. Всех чертей там, на дне провала, распугал.

И схватил Йорга за руки своими худыми изуродованными руками. Притянул их к своему рту и вложил оба большие пальца Йорга себе в рот. И начал их сосать.

Сосал, чмокал и постанывал. Его глаза светились как фары автомобиля.

По телу Йорга прошла судорога. Он потянул руки на себя, но сил у хромого было явно больше, чем у него. Пальцы Йорга остались во рту у хромого.

Йорг боялся, что тот их откусит. Но хромой не делал ему больно, наоборот... он явно хотел доставить ему удовольствие. Но Йорг этого не понимал.

Несколько минут они так и сидели... почти неподвижно...

Потом хромой вынул пальцы Йорга изо рта и начал целовать ему ладони... от рук перешел к груди, к животу...

Йорг все еще чувствовал онемение и оцепенение тела, но теперь в этой своей беспомощности и слабости он ощущал что-то приятное. Внизу живота от поцелуев хромого потеплело... по телу постепенно разлилось блаженное чувство.

А хромой начал как паук... обматывать, обволакивать Йорга собой, своим искалеченным телом. Как паутиной. Попутно снимая с него и с себя одежду.

Йорг не сопротивлялся... зажмурил глаза и расслабился.

Из их тел постепенно образовался неровный ком, из которого вылезали то и дело — колени, лодыжки, локти, пятки...

А затем их тела пронзили друг друга своими трепещущими в экстазе щупальцами-пуповинами и срослись.

Ком пульсировал как вырванное из груди живое сердце.

Йорг забыл, кто он и где он, не понимал, что происходит... и хотел только одного — чтобы эта дивная пульсация не прекращалась.

Через несколько минут волна наслаждения сорвала его и Эмиля с валуна, подняла на воздух и бросила их в пропасть.

Йорг падал, очень медленно падал в провал. Это не было падением, это был полет.

Рядом с ним летел Эмиль. Глаза его сияли как полная Луна в морозную зимнюю ночь.

Оба они только что испытали оргазм, оба были нагими. Законы природы на время перестали действовать.

Йорг спросил Эмиля: Куда мы летим?

— Увидишь

— Я умер?

— Нет, что ты, ты только сейчас начал жить...

И вот, они летят уже не в каменной яме, а над горами и морями.

Все выше и выше... все дальше от Земли.

Вокруг них только черное-пречерное пространство, а Солнце превратилось в маленькую красноватую звездочку.

— Где мы?

— Там, где нет времени, там, где прошлое, настоящее и будущее — одно.

— Это как?

— Не пытайся себе это представить... понять это невозможно, да и не нужно. Сейчас все увидишь сам.

* * *

Очнулся Йорг все там же, на валуне, одетый и невредимый. Хромого Эмиля и след простыл. Йорг даже засомневался... был ли хромой тут, на валуне, был ли ком и полет, или все это ему привиделось. Он предполагал, что испытал что-то вроде навязчивой галлюцинации после солнечного удара. Галлюцинации и поллюции (учителя уже объяснили в школе, что это такое).

Слез с валуна, подошел к обрыву, осторожно заглянул в пропасть...

Пошел назад, в деревню. По безопасной лесной тропинке.

Происшествие на ведьмовском камне — единственное детское воспоминание Йорга, хорошо сохранившееся в его памяти.

Все остальное, говорил он, клише, повторение... осточертевшие сюжеты.

Что мне в нем нравилось — он никогда ничего и никого из себя не строил, не пытался придать себе значение, которого у него не было. Осознавал, что он — обыкновенный человек, и не страдал из-за этого, а принимал все, как есть. Немец.

Два года службы в армии ГДР Йоргу не понравились.

После армии он случайно получил должность мальчика на побегушках в группе берлинских киношников-документалистов, снимавших что-то победно-пропагандистское про тюрингских шахтеров. Как он потом рассказывал, ему понравилась просветленная оптика...

Йорг кочевал с ними чуть ли не полгода. Заместитель начальника группы был геем, с ним у Йорга началась связь, затянувшаяся на много лет.

Йорг учился в Лейпциге на фотографа и кино- и телеоператора.

Пять лет беззаботной студенческой жизни пролетели, как пять дней.

Потом началась тяжелая работа. В студии, на стадионах, на лыжных трассах. Командировки по всему миру, три года в Париже, три года в Страсбурге.

А после объединения Германии — отпуска с разными мужчинами в Южной Африке, Австралии, на Гавайях, Сейшелах...

Пережил Йорг и повышения и награды и трехлетнюю травлю на работе. Получил весь набор профессиональных заболеваний человека, вынужденного на холоде и на ветру часами таскать на плече тяжелую телекамеру.

В 66 лет вышел на пенсию. Больной. Регулярно пьющий. Разочарованный во всем.

Ничего уже не приносило ему удовольствия, все раздражало.

Обыкновенная история.

Лет восемь назад он позвонил мне и сказал: Хочу с тобой посоветоваться.

— Валяй.

— Мы с Вилли задумали купить дом в Лейпциге. Тот самый, в котором мы живем уже десять лет.

— Почему нет?

— 200 000 вынь и положи.

— У вас же есть. Есть?

— Есть.

— Тогда в чем же дело?

— Понимаешь, дом купить — вроде как припаять себя к месту. Это крадет свободу.

— Ну не покупай.

— Владелец дома сказал — или квартирную плату вдвое повысит или покупайте дом.

— Вот сволочь.

— Страшная сволочь. Что делать?

— А что Вилли говорит?

— Хочет покупать.

— А ты?

— Я тоже хочу.

— Так зачем ты меня терзаешь?

Йорг и Вилли дом тогда купили. Хотя знали — у дома есть один существенный недостаток.

Лестница! Винтовая лестница. Узкая, жуткая. Из подвала — до третьего этажа. Не лестница, а чеховское ружье.

И, представьте себе, ружье это выстрелило.

Три недели назад 74-летний Йорг как обычно пылесосил эту самую лестницу. Ну да, немного пьяный.

Поскользнулся и упал. Неудачно. Ударился головой и грудью. Сотрясение мозга.

Сломанные ребра. Разрыв того, сего...

Больно было страшно. В больницу ехать отказался.

Через три дня — все-таки поехал. Йорга сразу прооперировали. Но спасти не смогли.

Он умер через несколько часов после операции. Медсестра, следившая за ним в реанимационном отделении сказала, что он перед смертью разговаривал с закрытыми глазами с каким-то Эмилем и улыбался. И руками согнутыми пытался махать, как бабочка — крыльями.

ВЕРВОЛЬФ

Не заметил, как подобрался к семидесяти и стал занудой. Типичный случай.

Вот, например, сегодня. Проснулся и увидел в своей комнате мрачного типа в малиновом пиджаке. Он стоял неподвижно в метре от моей кровати... потом сердито посмотрел на меня, а затем бросился в окно. Пролетел сквозь рамы и стекла так, как будто их и не было, и был таков. Другой на моем месте решил бы, что бредит или галлюцинирует, побежал бы к врачам или гадалкам, а я... Я даже не спросил себя — что же это было. Мне все равно.

Тело болит. Одышка. В ушах звенит, шипит... и в самой ночной тишине мне слышится не «шёпот вечности», а шум от мотора грузовика. Водитель прогревает его перед дальней дорогой.

Всю жизнь был эгоистом-мономаном. Делал то, что хотел и на все плевал. В Москве бросил всех, кого любил, а сам свалил. В Германию. И попал — против воли — на территорию бывшей ГДР. В «пейзаж после битвы». Недалеко от нашего «лагеря для еврейских беженцев» находился только что оставленный войсками и техникой танковый полигон советской армии. Изрытое гусеницами поле с километр длиной. Ямы, горки, буераки. Ни деревца, ни травинки, ни цветочка... только лужи солярки и еще какой-то ядовитой дряни.

Был там через четыре года проездом. Весной. На месте полигона зеленел веселый лесок. Птицы заливались. Тысячи солнечно-золотых одуванчиков радовали глаз. Мимо меня пробежал бежевый заяц, похожий на шапку-ушанку

и раскланялся на ходу. В травяной гуще сидела серебристая жаба и раскладывала пасьянс, напевая песенку про веселого комара.

Знакомый переводчик-краевед рассказал, что рабочим пришлось срезать тут слой почвы в полметра толщиной и похоронить его в глубоком известняковом карьере в Тюрингии.

Вот так и всем нам, бывшим советским, надо бы целый слой личности срезать... но кто будет с нами возиться?

Из своей двухкомнатной бетонной норы в Марцане я вылезая редко. Не хочу никого видеть, не хочу ни с кем разговаривать. А вчера все-таки вылез. Кряхтел, кряхтел, полчаса не мог шнурки завязать. Брюхо мешало и режущие боли в спине. Чуть концы не отдал, как этот любитель бабочек, забыл...

Справился наконец с шнурками. Влез в мешковатую зеленую куртку, как в пещеру, напялил черную лыжную шапочку... натянул кожаные перчатки, купленные еще в Саксонии в магазине подержанных товаров...

До трамвая — метров четыреста. Доплелся кое-как. По снежной каше с ледяными корками. Несколько раз поскользнулся, но не упал. Свинцовый дирижабль.

Трамвай сразу подкатил. Редко, но бывает.

Вышел у станции эс-бана.

Поезд был полупустой. Пассажиры, как всегда — иностранцы. Да, да, я ксенофоб и мизантроп. Всех ненавижу. За исключением вьетнамцев. У них бывают добрые лица. Особенно у детишек. Перед сном иногда представляю себе — как Майкл Джексон — что со мной под одеялом кувыркаются голенькие вьетнамочки и мальчишки-вьетнамцы. А о ком прикажите мечтать одинокому старику в холодной постели? О Джине Лоллобриджиде в ее лучшие годы?

Все воспоминания о женщинах, с которыми я был близок, заканчиваются комком в горле. Потому что они — исчезли. Растворились во вселенском мареве.

Доехал до остановки Хаккешер Маркт. Пошел по Ораниенбургер-штрассе в сторону синагоги. Тут хоть снега нет и льда. Вокруг — одни рестораны да бутики.

Хорошо одетые интеллигентные молодые люди шныряют и шмыгают как испуганные мыши, ищут партнеров или партнерш для секса, обремененные и не обремененные детьми туристы разгуливают важно, как фельдфебели, все разглядывают и обмениваются мнениями. А смотреть-то в Берлине — не на что. Непонятно что гаже — лица берлинских обывателей или архитектура этого города. От блестящей столицы Германии двадцатых годов не осталось почти ничего. Старые постройки не сохранились или перестроены. А новые — такая же бездарная дрянь, как и немецкие политики. Или, еще хуже, как тутошние эстрадные певцы и певички. Уши вянут. Фишеры-Дискау куда-то сгнули, а места их заняли флорианы зильберайзены, превратившие немецкий культурный мир в какой-то непрекращающийся карнавал пошлости и глупости.

Иногда я вижу на улицах Берлина привидения. Почти прозрачные нагие фигуры бегут куда-то, вздымают руки, стонут... Кого они оплакивают, чего хотят?

Надо будет спросить.

За синагогой повернул направо. Прошел дворами к кафе с экзотическим названием, в котором симпатичные хозяева то и дело устраивают различные «русские» представления. Выставки, доклады, встречи по интересам, праздники для детей и взрослых...

Вчера и была такая встреча. Известная специалистка по археологии делала доклад. Тайны старого Берлина. Тема интересная. Решил послушать. Но, как всегда, переоценил свое терпение.

Потихоньку собралась публика, человек двенадцать. Почему так мало? Входной билет стоил двадцать восемь евро.

Взял чашку кофе, сел на стул поближе к выходу. На случай, если приступ клаустрофобии начнется. Прихлебывал кофе. По сторонам не смотрел. Даже куртку не снял, стеснялся того, что под ней. Да и зябко было.

В кафе вошла докладчица. В упоении от своей миссии. Энтузиастка! Брюнетка лет пятидесяти восьми. Близорукая. В круглых очках.

Хозяйева кафе подарили ей букет цветов. Мило.

Повесила на стену несколько красочных плакатов с рисунками и диаграммами и защebetала голоском канарейки. На девятой минуте я не выдержал и задремал.

Часа через два меня кто-то разбудил. Я находился в сонном оцепенении... испугался, встрепенулся как петух. Чуть со стула не упал. Мне привиделось, что ко мне подъехал на бронзовом коне Старый Фриц с стаей борзых собак и ударил меня в лоб своей знаменитой тростью.

— Вы чашку уронили из-под кофе. И ложечку.

— Да? И черт с ними. А... а мы... где собственно находимся? Что-то не узнаю обстановку.

— Ничего, кроме кофе, не пили?

— Не пил. Я старый. И у меня деменция начинается, мне аптекарша сказала.

— Не кокетничайте. Если вы старый, то что же мне делать... я на пять лет вас старше.

— Откуда такие сведения? Вы что, мой паспорт проверяли?

Проговорив это, я поднял голову, прищурился и посмотрел на мою собеседницу.

Пожилая дама, симпатичная, не худая, не толстая. В водолазке, белых брюках и в дорогом красном жакете. И в красных же лодочках. Про таких говорят: Хорошо сохранилась.

Как про мясо.

Кого-то она мне напоминала. Кого?

— Вы кто?

— А вы меня не узнаете?

— Нет.

— А должны были бы узнать.

— Я ничего никому не должен. Зацепку дайте.

— Какой гордый! Пицунда. Второе ущелье.

— А год?

— 1972.

Я узнал ее, когда она говорила слово «Пицунда». Про год спросил, чтобы выиграть время и вспомнить имя. Морщился, морщился. Нет. Не удалось. Вспомнил скалы, на которых мы подолгу сидели в обнимку тихими теплыми вечерами, вспомнил запах водорослей и висящий в пространстве Млечный путь у нас над головами и темно-синюю чашу моря, простирающуюся до горизонта. В глубине которой металась золотистые драконы.

Вспомнил ее женственную фигуру, далекую от спортивного идеала, ее серо-зеленые глаза, мягкие губы, особую манеру держаться — она постоянно изображала легкое смущение, которого на самом деле не было вовсе... чуть-чуть сутулилась, томно опускала голову, поправляла лезущие в глаза волосы. Вспомнил ее сладкие поцелуи... ее юркий язычок прятался под моим языком. Вспомнил ее тихие вздохи и волны радости, проходящие по моему телу, когда она позволяла мне трогать ее маленькие груди.

— Вспомнил все, кроме имени, милая.

— Забыл имя? Ну тогда угадай.

— Попробую квадратно-гнездовым способом. Мила, Лена, Ира, Оля?

— Нет.

— Катя, Инна, Таня, Лиза?

— Решил всех своих кавказских подруг перечислить? Никогда не угадаешь. Алла.

— Боже мой, Аллочка, конечно. Кстати, а ты еще помнишь, как меня зовут?

— Ну что ты, Антоша, как можно тебя забыть? Такой прелестный был мальчик. Обаятельный, умный, воспитанный.

— И во что превратился... в чудовище.

— Ну, на это как посмотреть...

— Как ни смотри...

Неожиданно мной овладело давно забытое чувство. Кровь забурлила. В паху потеплело.

— Поедем к тебе или ко мне?

— А ты уверен, что я хочу... с тобой...

— Не хотела бы, не стала бы будить.

— Уверен, что я одна?

— Я ни в чем не уверен. Если у тебя кто-то есть, наплевать. Поедем ко мне. У меня не убрано, но кровать найдется.

— Ах ты, разбойник! Нет, уж лучше ко мне. Я действительно одна. Мой третий муж умер четыре года назад. Дети давно выросли и разбежались по свету.

Мы заказали по мобильному телефону такси и через пятнадцать минут подъехали к шикарному розовато-белому пятиэтажному дому постройки конца девятнадцатого века. Метрах в ста от Кудама. С фасада этого дома лучезарное Всевидящее Око в обрамлении масонских символов сверлило мир яростным взглядом.

— Ух ты! Ты тут живешь?

— Не просто живу, а живу в собственной квартире.

— Ты что, миллионерша?

— Не совсем. Муж-немец прилично зарабатывал. Капитал и другую недвижимость оставил детям от первых браков, а эту квартиру завещал мне. Коммунальные расходы оплатил на двадцать лет вперед. И налог. Специальный фонд основал.

— Чудеса! А я живу в Марцане, в бетонной коробке. Снимаю.

— Знаю. Я все про тебя знаю. Потому что давно за тобой слежу. У меня есть все твои книги. Кстати, помнишь, кто-то анонимно купил у тебя восемь графических работ с берлинской выставки 2003 года? Это была я.

— Я же говорю чудеса. Ты ангел. Живая вода и воскрешение мертвых. Почему ты раньше мне не позвонила?

— Не хотела тебе навязываться. А тут еще корона. И война. И вторая война.

— Как благородно! Прослезиться можно.

В открытом старинном лифте я попытался ее поцеловать, но она вежливо не позволила.

— Что соседи скажут?

— А хрен бы с ними.

— Бойко выражаетесь, господин писатель.

— Ты разбудила во мне зверя.

— Звучит многообещающе!

— Не сглазь!

Вышли из лифта на четвертом этаже. На полу лестничной площадки лежал ковер, а на ковре стоял большой фонарь затейливой формы, из которого явственно доносились горестные вздохи.

— Кто это у тебя там, в фонаре, вздыхает?

— Никого нет, это сам фонарь, ему светить надоело.

— Господи... никто ничего не хочет делать. Подари ему смартфон.

Вошли в квартиру.

Покраснев от стыда, попросил Аллу развязать мне шнурки. Развязала. Помогла снять ботинки. Я так раскис от благодарности, что чуть не расплакался. Давно отвык от женской заботы.

Показала мне свое жилье. Да... очей очарование. Антикварная мебель, китайские фарфоровые вазы, бронзовые и серебряные статуэтки в стиле ар-нуво, голландские жанровые картины маслом восемнадцатого века, неизвестные мне растения с мясистыми фиолетовыми цветами в кадках, чистота, уют. Лютневая музыка.

Только в гостиной, непонятно почему, вместо люстры висел — мельничный жернов.

А в темном ее углу возвышалась виселица. Рядом с ней лежали огромное колесо, молот и меч.

— Это что, у тебя, виселица?

— У моего мужа была странная склонность к необычным вещам. Я просила его выкинуть и виселицу, и колесо, и меч, но он был против. Они были для него чем-то вроде подковы. Говорил, посмеиваясь, пригодятся еще. Где пригодятся? Кому?

— Но, ты сказала, что муж умер. А орудия казни все еще у тебя в гостиной.

— В завещании сказано, что я могу сохранить за собой квартиру со всем содержимым, только если обязуюсь ничего не выкидывать и не продавать.

— Боже мой! Ты живешь в золотой клетке.

— Да. Но это лучше, чем жить в бетонной коробке в районе для бедных.

— Бьёшь лежачего ногами? Нечестно.

— А ты не кусай.

Ласково переругивались и дурачились еще минут пять.

Потом ели фруктовый салат из манго, апельсинов, бананов и греческого йогурта.

Пили безалкогольный «Мохито».

Затем я поцеловал ее в губы, и она ответила на поцелуй. Привела меня в роскошную ванную комнату, украшенную эротической майоликой. Над унитазом и бачком висело изображение обнаженного Геракла с огромной дубиной.

Вначале оставила там одного, а затем раздела и помогла лечь в широкую и глубокую ванну, наполненную ароматной зеленоватой жидкостью, горячей и пахнущей хвоей. Легко, как девочка, разделась сама и легла рядом со мной. Со дна ванны поднимались на поверхность и лопались большие пузыри.

Мы обнялись и прижались друг к другу.

Миловались и ласкались как молодые влюбленные.

Проснулся я почему-то не у Аллы в квартире, а у себя, в Марцане. В бетонной коробке, в районе для бедных.

Лежал на полу, завернувшись в старый плед. Под голову положил любимую вельветовую подушку. Облезлую и страшную.

В руке держал какую-то старую фотографию.

Положил фото на тумбочку, с трудом встал, отправился в сортир, помочился, притащился в кухню, поставил кипятиться воду. Приготовил какао.

Попытался вспомнить, что случилось вчера у Аллы после нежностей в ванне с пузырями.

Да... кажется мы вытерлись удивительно пушистыми, хорошо пахнущими полотенцами, пошли в спальню и легли в постель. Над кроватью висела большая картина Ренуара с двумя полными обнаженными красавицами.

— Это что же, подлинный Ренуар?

— Подлинный.

— А ты говоришь, не миллионерша.

— Продать я ее не могу. Уже объяснила, почему. Так что не только не миллионерша, но всего лишь получательница маленькой пенсии, хватающей только на еду. Но живу, как видишь, в музее.

— Да... а твой немец-муж был не дурак.

Дальше ничего не помню, как отрезало. На самом интересном месте.

В голову — как крыса — проскользнула неприятная мыслишка: А вдруг ты не был вчера у Аллы, вообще нигде не был, дома сидел, чертов бобыль. И тебе все это привиделось.

Ванна, майолика, «Мохито»...

Как-то все было слишком прекрасно. Как на картинке, созданной искусственным интеллектом.

Черт! Как же проверить? Своей памяти я не доверяю.

Есть способ. Нашел в интернете страницу того самого кафе с экзотическим названием. Там был указан номер телефона для заказов. Позвонил. Подошла хозяйка.

— Был у вас вчера доклад о тайнах старого Берлина?

— А, господин Сомна, рада вас слышать. Давненько не заходили к нам. Нет, вчера кафе было закрыто. Мы с мужем ездили к моей матери на дачу. Представляете, ее там ограбили какие-то идиоты. Вроде бы румыны. Мы подали заявление в полицию.

— Сочувствую. Извините за любопытство.

Таак. Приехали. Никуда я вчера не ездил, ни с какой Аллой не встречался. Фруктового салата не ел.

Достал большое увеличительное стекло и внимательно рассмотрел фотографию.

На фоне двухкомнатных деревянных коттеджей стояли, построившись на линейку, студенты и аспиранты МГУ. Фото было сделано в 1972 году в спортивном лагере «Солнечный», в Пицунде. В первом ряду стояла и нежно улыбалась Алла. Застенчивая молодая девушка. Сразу ее узнал.

Обнаружил на этой фотографии и еще кое-что... то, что на подобном фото никак не могло быть...

Во втором ряду, правее Аллы стояли трое голых толстых мужчин. В явно непристойных позах. А левее ее стоял и насмешливо смотрел на меня человек в черном одеянии до пят и черном же капюшоне, делающем его голову похожей на голову рогатого козла. И толстяки, и человек в капюшоне на студентов или аспирантов похожи не были. На местных жителей — тоже.

Откуда же они там взялись?

Что же получается... я достал из чемодана, в котором храню письма и фотографии, это старое фото, почему-то расчувствовался и... начал грезить наяву. Вообразил всю эту капусту с майоликой и Ренуаром. А затем... завернулся в плед, лег на пол, положил под голову подушку... и заснул?

Да-да... года через три после того пицундского лета мне позвонила наша общая знакомая, Таня, и сказала, что Алла погибла в автомобильной катастрофе. Грузовик с пьяным водителем ударил на Ленинском проспекте такси, на котором она возвращалась из Художественного театра. Смотрела там «Сладкоголосую птицу юности».

Таксист выжил, а она... И ты все время помнил это. Помнил, когда увидел ее в кафе, когда пил «Мохито», когда ласкался с ней в ванне. Помнил, но почему-то не мог правильно соединить девушку из твоего прошлого и постаревшую ее ипостась. Что-то всегда оставалось за кадром.

Как раз, когда я об этом думал, позвонил телефон. Ее нежный голос!

— Милый, ты сегодня приедешь ко мне? Что на тебя вчера нашло? Вдруг, ни с того ни с сего, оделся и уехал.

— Откуда ты мне звонишь?

— Что с тобой? Белены объелся? С Хованского кладбища звоню, где меня похоронили пятьдесят лет назад.

— Это что, розыгрыш какой-нибудь?

— Розыгрыш, розыгрыш. Давай поиграем в дурака, милый. Карты сданы, ход за тобой, Гарри.

— Гарри?

— Да, это твое настоящее имя. Поиграл и хватит, пора на службу. Не понимаю, чем тебя привлекает жизнь этого эмигранта, бывшего советского человека. Ты переживаешь ее снова и снова, хотя мог бы... Насколько мне известно, ты и в СССР никогда не был. Так привлекает, что ты каждый раз забываешь, кто ты и где ты, и чем на самом деле занимаешься. Хочешь, чтобы шевалье прочистил тебе мозги?

Со мной говорил гудящим баритоном человек в черном, стоящий рядом со мной в крохотной комнатке, в которой не было никакой мебели, кроме платяного шкафа и топчана, покрытого верблюжьим одеялом. Говоря со мной, он то и дело превращался в Большого Козла.

Шит! Наваждение в наваждении. Это уже слишком. Даже для такого существа, как я. Хамелеона, бродящего по нижним мирам.

— Прошу вас, не надо. Я исправлюсь в самом скором времени.

— Сделаю вид, что поверил тебе. Потрудись привести себя в порядок, одеться соответственно и через четверть часа явиться в большой зал.

— Будет сделано, монсеньор. Если вам угодно, объясните, какую роль мне придется играть.

— Угодно, угодно. На сцене большого зала будет разыграна казнь некоего Петера Штумпа, плохого крестьянина, но недурного оборотня, двадцать пять лет терроризирующего окрестности Бедбурга. Как определил суд, этот человек с помощью волшебного волчьего пояса, который якобы подарил ему я сам, превращался в волка и разрывал в

кочки людей и скотину. Убил тринадцать детей. У трех беременных женщин выдрал не родившихся младенцев из чрева и сожрал. Был любовником собственной дочери, сына которой тоже убил и съел. Показания Штумп дал, естественно, под пытками. И ангел бы сознался в чем угодно. Приговорен к колесованию и сожжению на костре. Дочь его тоже приговорена, как пособница чародея, к порке, удушению и сожжению.

— Спасибо. А какова будет моя роль?

— Как обычно, роль палача. Или ты хочешь побывать в роли колесованного или его дочери? Не беспокойся ни о чем. Небезызвестный Хитрый Суфлер подскажет тебе, что надо делать. Глубокоуважаемые члены братства святого Флориана привыкли к твоему участию в заседаниях, ценят твою энергию и изобретательность и ни за что не согласятся на замену тебя другим исполнителем.

Проговорив это, он опять превратился в Большого Козла и заголил косматый зад. Мне пришлось поцеловать его в пахнувший яблоками анус.

Казнь Петера Штумпа и его дочери так понравилась братьям, что была три раза повторена на бис. Особенно яростно рукоплескала известная троица самоотравителей — Гитлер, Геббельс и Геринг. Сидящий недалеко Сталин снисходительно поглядывал на них и бормотал в усы: Как дэты...

Я был награжден трехдневным отпуском, который провел на пляже в Пицунде июля 1972-го года. В своем тогдашнем обличье.

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕРЦОГА О

Не знаю, человек ли я... или чудовище. Или чудовище живет во мне, или это я живу в чудовище. В его ноздре... или в брюхе. Живу... и совесть меня не мучает.

Кришна привез к нам миленькую девочку — Беатриче. Ее ему порекомендовала госпожа Ристаль из «Миракля», эта женщина-спрут, обхватившая своими щупальцами все Средиземноморье.

Кудрявую, худенькую, с тонкой, полупрозрачной, очень чувствительной кожей.

Ручки ее с покрытыми перламутровым лаком ногтями дрожали от страха, а темные выразительные глазки сверкали как черные жемчуга.

Боже, как романтично!

Госпожа Ристаль уверяла, что она — девственница. Отец и мать якобы долго готовили ее специально для зна-тока...

Им хорошо заплатили, и вот, Беатриче в моей спальне.

Красавица и чудовище.

За ужином отведал устриц и дорогих орехов, после десерта проглотил две синие пилюли... вызвал своего слугу Просперо и приказал ему поработать с моим членом губами и языком. А Кришну попросил заняться Беатриче. Кришна понимающе кивнул...

Роль зрителя — не самая плохая. Мне доставляло удовольствие смотреть на то, как Кришна осторожно ласкает ребенка. Не торопясь, со знанием дела... гладит и лижет ее

эрогенные зоны на руках, бедрах и шее, тянет, тянет и вытягивает струны наслаждения из аморфной массы. И придает ей женскую форму. Медленно-медленно подводит малышку к первому в жизни оргазму, чтобы на пике ее блаженства я смог пробить проход в ее заросшее молочной плотью влагалище.

Пусть и не с первого раза, но получилось!

Какое же это удовольствие! Зайти туда, где до тебя никого не было.

В самый сладкий момент коготки Беатриче хрестоматийно впились мне в спину, а ее узкие пяточки бесстыдно атаковали мои ягодицы.

Чтобы закрепить успех и не позволить дырочке в юной вульве опять сузиться до диаметра карандаша, любил девочку часа полтора. Делал небольшие паузы. Постепенно довел ее до второго оргазма, сотрясшего ее тело как землетрясение японский город. Кришна и Просперо заплодировали.

Утром умница Беатриче разбудила меня нежными ласками в области промежности.

Миниатюрные ручки ее больше не дрожали, а темные глазки посерели. В них отражалось что-то вроде деловой озабоченности.

Подвижный ее алый язычок теребил попеременно мои яички, анус и кончик члена. Видимо этому научили ее заботливые родители.

Убедившись, что я проснулся, моя юная подруга показала мне знаками... что хочет, чтобы я напоил ее золотым дождем. Я не заставил себя долго ждать. Что может быть сладострастнее этой игры? Я так возбуждился, что через несколько мгновений после того, как перестал мочиться, кончил малышке в рот.

Вечер мы посвятили миссионерским радостям.

На следующий день я катался на ней верхом. А она каталась на мне.

На четвертый день я играл роль строгого отца, сделал ей выговор и наказал за плохую успеваемость в школе. Выпорол розгами по розовой попочке. Бил не сильно. После этого она мне очаровательно отдалась.

На пятый — попросил ее исполнить роль оскорбленной и разгневанной Лолиты, называть меня Гумбертом, сквернословить и бить меня голыми ножками в пах, а потом жадно молотил ее своим телом, рыча и кусаясь.

На шестой — Кришна привел ко мне в спальню Данте, сына кухарки, и мы разыграли детскую свадьбу. Сколько же было смеху! И Беатриче и Данте были так серьезны. Лежали подо мной и Кришной и нежно смотрели друг другу в глаза.

Мы кончили после трех гортанных криков Кришны.

Во время оргазма я явственно видел статую синего четырехрукого Шивы с трезубцем, возвышающуюся посередине спальни. Вокруг его сияющей головы кружили опаловые шаровые молнии...

Кто показал мне его? Что предвещало это видение?

Самое странное в сношениях с Беатриче было то, что в ее объятиях я не чувствовал разницу в возрасте. Прекрасно понимая, что она — не более чем молоденькая шлюха. Профессионал. Мастер имитации.

Я становился подростком. Ну да, никаких чудес не происходило... я оставался опытным развратником, чудовищем, на моем горбу лежал тяжелый мешок со старыми грехами... но в сердце я все еще был ребенком. Наивным, испуганным, страстным, ненасытным.

В завершение «обязательной программы» вечером седьмого дня мы устроили оргию. В большой гостиной на первом этаже замка, на толстом ковре. Все обитатели замка в ней участвовали. Даже собаки. Позволено было все, кроме настоящего насилия.

Описывать оргию у меня нет ни сил, ни желания. Представьте себе ее сами.

До начала оргии мы все выпили по полстаканчика приготовленного Кришной зелья, афродизиака из корней мандрагоры, затем бешено кружились вокруг огромного лингама, посыпанного лепестками розы. Обнимали и лизали лингам, а потом...

Кришна, собственноручно доставивший лингам на остров из Индии, говорил, что внутри него живут инкубы и суккубы, высовывающие из него свои длинные языки, состоящие из голубоватого огня.

На восьмой день Беатриче внезапно исчезла.

Утром я проснулся в постели один. Сердце ёкнуло... я понял, что что-то произошло. Возможно что-то очень скверное или даже трагическое. Разбудил Кришну, сказал ему, что Беатриче пропала, и что у меня неприятное предчувствие.

Кришна, как всегда, нежно обнял меня, прижал к себе, целовал в грудь и уверял, что через час-два девчонка найдется, и мы сможем продолжить нашу райскую жизнь.

И убежал.

Мое предчувствие, однако, шептало мне, что прежняя жизнь не вернется. Что я совершил роковую ошибку и не заметил этого. Что над островом и над моей головой нависли тяжелые черные тучи, из которых вот-вот полетят лиловые молнии.

Да-да, мы жили на островке в Адриатическом море. Длиной в полкилометра и шириной всего в сто пятьдесят метров. Недалеко от архипелага Палагружа. Островок был образован выпирающим из моря невысоким горным хребтом.

Десять лет назад остров был необитаем, прежние владельцы отдали его мне в аренду на сорок лет. Строительная

компания «Эрмлеры и сыновья» вырубилa в доломитовых скалах в середине острова прямоугольную площадку и построила на ней замок. Так мы называли скромный двухэтажный дом на двенадцать комнат с глубоким подвалом. Дом окружали крепостные стены с башнями, сложенные из местного камня.

Я провожу на острове по три-четыре месяца в год. Уезжаю туда, когда мне осточертевают обе мои резиденции — в Ницце и в Альпах, в которых хозяйничают принцессы герцогини.

На моем острове живут только несколько преданных мне людей. Кришна, кухарка Мессалина с мужем Клавдием, нашим пилотом, и Данте, двое слуг, Просперо и Горацио, и трое охранников Вишну, Брахма и Варуна — эти пятеро, как и Кришна, альфуры, и ходят весь день обнаженными.

Тут тихо. Пахнет морем и горячими скалами. Климат изумительный, мягкий.

У нас есть причал для яхт и катеров.

В двухстах метрах от замка — площадка для вертолета.

Кроме нас на острове ни души. Не считая двух овчарок во дворе, а также змей и ящериц на скалах.

Я не стал мешать Кришне и его людям искать девушку. А сам... методично, помещение за помещением, обошел вначале второй этаж дома, затем первый этаж и подвал. Заглянул в каждый темный угол, посмотрел под всеми кроватями, раскрыл все шкафы. Даже в печь для пиццы заглянул.

Потом я обошел двор, осмотрел стены и башни, вышел к причалу... все было как всегда. Нестерпимо синее море слепило глаза. Небо недобро багровело. Парило. Погода предвещала шторм.

Никаких следов беглянки!

Побеседовал с кухаркой и ее мужем. Разговор ничего не дал. Ничего не слышали, ночью спали как сурки.

Поговорил с Брахмой, охранником, дежурившим ночью. Понял, что вместо того, чтобы ходить всю ночь вокруг крепостных стен и смотреть по сторонам — он мирно спал. Сменивший его ранним утром другой охранник, Варуна, вел себя так же. Надо было бы их наказать... но не сейчас.

Пригласил к себе Данте.

И сразу, уже по одному его внешнему виду, по красным пятнам на щеках и неестественному прищурю глаз понял, что он что-то знает. Знает, но не скажет, даже если я буду жечь ему кожу калеными щипцами. Поэтому я оставил его в покое и опять позвал к себе его мать.

Мессалина повторила то, что я уже слышал... ночью спала, возилась на кухне с шести утра... слушала радио... готовила панини с ветчиной, сыром и томатами для персонала и яблочное суфле для меня и Беатриче. Варила куриный суп с сыром и патиссонами на обед. Когда вставала, муж и сын еще спали. Беатриче не видела.

— Ваша светлость не должны сомневаться, я ничего об исчезновении вашей малышки не знаю. Знала бы, сказала.

— Слушай, Мессалина, а твой сын...

— Что мой сын? Не трогайте моего сына.

Что это за тон! Еле сдержался, чтобы не ударить ее...

— Может он что-то знает? Когда я стал его расспрашивать — покраснел весь, задергался...

— Это у него нервное, ваша светлость. Он мальчик хороший, послушный, да вы и сами...

В глазах Мессалины сверкали неприятные желтые искорки. В голосе слышались дерзкие интонации. Понял, что у Мессалины в душе скопилась обида и решил, что, как только появится возможность, найму новую кухарку.

Обида на что? Своего сына она сама привела ко мне в постель. За отдельную плату. Ему тогда только что исполнилось восемь. И ревниво наблюдала за нашим первым интимным опытом. Видимо дело как всегда в деньгах.

Подал ей заранее приготовленный пакет.

— Вот, возьми, тут десять тысяч франков, это премия. Столько же получит твой муж. Помогите найти Беатриче.

Пакет Мессалина быстро спрятала в огромный карман фартука, закрывающийся на молнию. Желтые искорки из ее зрачков тут же исчезли, а в голосе появились модуляции испуганной шлюхи.

— Ваша светлость, чувствую, что прогневила вас, простите, простите. Вот, вот, вот, накажите меня и простите.

Мессалина расстегнула платье и вынула две увесистые груди. Встала передо мной на колени и зажмурила глаза. Она знала, как это на меня действует. Я взял со стола алюминиевую линейку и несколько раз ударил ее по грудям. Затем встал на колени рядом с ней, приподнял руками ее груди и нежно расцеловал их. Потом ласкал ее соски, чуть-чуть пахнущие кухней.

— Никогда не видел таких красивых грудей, как у тебя. Век бы сосал.

— Простили?

— Я не держу на тебя зла... вставай, застегнись...

А сам про себя твердил: Уволить эту оболъстительную самку, обязательно уволить, выгнать эту похотливую свинью...

Мое чутье твердило мне, что Мессалина лжет.

— Позови ко мне еще раз твоего мужа. Может, он что-то знает.

Клавдий был удивительно похож на многочисленные скульптурные изображения его тезки-императора. На лице его запечатлелись: Мужественная дубоватость, добросердечие, осторожность...

В отличие от императора, он знал, что его жена чуть ли не каждую ночь ублажает своим пухлым телом всех мужчин на острове... знал, но не противился этому, не ревновал. Ему самому нравился тучный и женственный Горацио. Во

время вчерашней оргии Клавдий сполна наслаждался его припухшими губами, отвисшей грудью с сосками, похожими на финики, и жадным анусом.

— Звали, ваша светлость?

— О да, Клавдий. Прошу тебя еще раз поклясться, что ты прошедшей ночью и сегодня утром — никуда не отвозил девушку на вертолете.

— Клянусь тремя королями, не отвозил.

— Хорошо. Я поговорил с твоим сыном, и мне показалось, что он что-то скрывает. Не знаешь, что?

— Не знаю, клянусь богородицей. Прошу вас наказать меня, если я в чем-то провинился и простить.

Клавдий встал предо мной на колени и спустил штаны и трусики.

Я взял алюминиевую линейку и несколько раз ударил его по члену.

— На сей раз хватит. Вот, возьми, это твоя премия.

Подал ему пакет с деньгами.

— Спасибо, ваша светлость.

— Обещай мне поговорить с сыном, объясни ему, что мне нельзя врать.

— Обещаю.

— Скажи ему, что если это он помог Беатриче сбежать отсюда... но чистосердечно все мне расскажет, то я прощу его. Но если он и дальше будет лгать мне в лицо, я могу рассердиться... и тогда ему не будет пощады. И не только ему.

Говоря это, я думал: Дерзкий мальчишка, его грудастая мать и римский император вздумали меня дурачить... Ни за что не скажут правду. Придется их пытать и казнить.

Мое старое тело сладко заныло.

Тут ко мне заглянул Кришна и спросил: Можно ли мне поговорить с моим добрым господином?

— О да, мой любимый льстец, заходи, садись.

— У меня есть плохая и хорошая новость. Какую новость хотите услышать первой?

— Плохую.

— Дерзкая девчонка действительно сбежала с острова. Искать ее бесполезно. Ее тут нет.

— Почему ты так в этом уверен?

— Мы нашли веревочную лестницу. Она плавала в море, метрах в двадцати от скалистого берега. Горацио случайно ее увидел. Беатриче спустилась по ней прямо в море. Там ее ждала лодка. Или катер.

— А хорошая новость?

— Без помощи кого-либо из обитателей замка она этот трюк проделать бы не смогла. Среди нас — предатели.

Я не смог сдержать гнев. Ударил Кришну по спине лангетой.

— И это, по-твоему, хорошая новость? То, что кто-то гнусно предал меня? Вероятно, подлая девчонка уже на пути в редакцию какой-нибудь желтой газетенки в Неаполе или в Риме — и собирается рассказать, не упуская ни одной мелочи, что она тут делала. Нельзя исключать и то, что эта девушка — с самого начала исполняла роль сладкой ловушки. Что мои недоброжелатели тщательно подготовили ее для этой роли. Подкупили или заставили госпожу Ристаль порекомендовать нам Беатриче. Заранее договорились о времени и месте побега. А эту проклятую веревочную лестницу спрятали во втором дне одного из чемоданов юной негодницы.

А завтра или послезавтра тут уже будут хозяйничать карабинеры. Они перевернут все вверх дном и будут допрашивать всех нас с пристрастием. Кто-то из вас выложит им всю подноготную. Расскажет не только о последних семи днях, но и о том, что тут происходило последние семь лет. Вы, чертовы негритосы, выкрутитесь, вас в худшем случае вышлют на Молуккские острова. А меня — обдерут как липку и бросят на съедение гиенам. Вижу га-

зетные заголовки: Герцог Орсини — насильник и педофил. Показания кухарки и ее сына. Кому верить, несчастной жертве или старому развратнику? Все, все на меня свалят. И инфляцию, и безработицу, и застой, и внешнеполитические неудачи. Опозорят и ограбят. И дадут пожизненное. Я взорву этот чертов остров! А перед этим запорю вас до смерти!

— Как вам будет угодно, ваша светлость.

— Убирайся к дьяволу!

Кришна ушел.

Начал напряженно думать.

Неожиданная пропажа Беатриче. Возможная измена персонала. Вереочная лестница в море. Почему-то все это не укладывалось в моей голове в ясный и понятный сюжет... Почему?

Прежде всего потому, что Беатриче и ее любовь были куплены мной не навсегда, а только на две недели. В договоре, один из оригиналов которого лежит у ее родителей, сказано: «Противная сторона обязуется вернуть девочку ее родителем тогда-то и тогда-то. Поздоровевшей физически и психически». Ведь мы продавали ее пребывание тут, как курс оздоровления с помощью тантрических практик.

Какого черта ей бежать с острова, если через неделю Кришна все равно отвез бы ее в Неаполь и вручил под расписку маме и папе? Причиняли мы ей настоящую боль? Издевались над ней? Требовали от нее чего-то, что она не могла сделать? Нет, нет и нет. Любовью с Беатриче занимался только я. А я знаю, как обращаться с детьми. Да и не была она такой уж молоденькой. Ростом доходила до моего плеча. Волосики на лобке и под мышками уже растут. Очень возможно, что на самом деле ей — двенадцать или тринадцать лет. Кроме того, она знала, что перед отъездом я подарю ей подарок — платиновое кольцо с изумрудом и бриллиантами. Я ей его показывал... она не могла оторвать от

него глаз. Надо проверить, на месте ли кольцо. На месте. Какого же черта она сбежала без кольца? Кольцо лежало в футляре в моей незапертой тумбочке...

Версия с веревочной лестницей конечно привлекательна. Но Кришна забыл о собаках. Они лают на чужих и на своих. Если бы Беатриче вышла ночью во двор, овчарки залаяли бы и разбудили всех. Хорошо, забудем об овчарках. Может быть они крепко спали. Спуститься от замка к морю по веревочной лестнице — рискованное дело. Это все равно, что спуститься с крыши десятиэтажного дома. Далеко не у каждого хватит на это мужества. И главное — зачем это делать?

Не поленился, сходил к Горацио, попросил его показать мне веревочную лестницу. Вместе мы ее развернули, растянули... ее хватило бы только на три этажа.

Да, господа, Беатриче не сбежала с острова. А лестница — ложная улика. Кто-то ее подбросил, чтобы сбить меня с толку.

Не сбежала. Что же тогда? Или она все еще тут... или ее похитили злые люди. Как? Зачем?

Глубокой ночью, часа в три... эти твари, Мессалина и Клавдий... с помощью Данте... выманили малышку из моей спальни. Затем они запугали или оглушили ее. Клавдий положил бесчувственную крошку на плечо и унес. Разогнал винт вертолета и улетел. А в километре от острова их уже ждал корабль. Клавдий спустил девушку на канате в корзине и полетел назад. Вертолет благополучно приземлился. Я спал и ничего не слышал, потому что сильный ветер шумел в скалах. Охранники дрыхли. В море бросили веревочную лестницу. Могло такое случиться? Да, могло.

А кому все это надо? Сам же сказал — конкурентам, завистникам, врагам.

Пойдут с Беатриче в редакцию Ла Стампа, или на телевидение. Или в полицию. Или прямо к министру внутренних дел. А он кстати мой старый приятель. И тоже клиент госпожи Ристаль.

Или... эти люди начнут тебя шантажировать. Потребуют кучу денег.

Или это месть князя Эстерхази? Мы тогда славно его разыграли... Нет, он слабак. Разве что его кузен постарался. Этот способен на все. Надо бы узнать, где он сейчас находится.

Или... все это параноидальные фантазии... а девчонка все еще тут, на острове... Спряталась? Для смеха спряталась, маленькая сучка? Пошалила?

Или пошалила и попала в переплет?

Тут меня осенило. Конечно спряталась, и помог ей бастрюк Данте. Потому что он в нее втюрился. Родители Данте видели их вместе и решили набрать воды в рот.

Мысль моя катилась как шар из раскаленной лавы по склону вулкана, разбрасывая вокруг себя искры.

Где, где, где спряталась? Что я пропустил?

Ах, да, конечно... в подвале... за той самой загадочной дверкой. Как я мог забыть? Младший Эрмлер, как же его звали по имени? Вручая мне связку ключей от дома, раскланиваясь и улыбаясь... перед тем, как уйти, подал мне еще два ключа и сказал: Это ключи от одной двери в подвале. За этой дверью — вырубленное когда-то в скалах подземелье. Похоже, там во времена Габсбургов было что-то вроде тайной тюрьмы. Везде валяются ржавые цепи, кандалы, острые спицы. Железные крюки свисают с потолка. Я запретил своим работникам туда заходить. Мы заменили старые полусгнившие дверь и дверную раму на новые, дубовые. Врезали замок. Прошу вас туда не ходить... опасно.

Где же эти чертовы ключи? Как я мог забыть об этой проклятой двери?

Нашел Кришну. Погладил его по спине. Подарил ему два луидора. Кришна встал передо мной на колени, обнял

меня руками и заплакал. Все еще плача, он рассказал мне, что Данте тоже пропал. Что его родители везде его ищут, а мне сказать не решаются. Боятся, что я буду их бить.

Поднял Кришну, попросил его успокоить обитателей замка и вернуть их к исполнению обычных обязанностей.

А сам начал обыскивать ящики моих комодов. Потому что подозрение уже превратилось во мне в уверенность. Да, дети там, за той дверью.

В спальню вошли Мессалина и Клавдий. И сразу рухнули на колени. Мессалина заговорила.

— Ваша светлость, не гневайтесь, прошу вас. Мы пришли рассказать все, что знаем.

Я взял в руки линейку. Мессалина и Клавдий зажмурили глаза.

— Когда и где вы видели Данте с Беатриче?

Ответила Мессалина.

— Сегодня ночью. Точнее — ранним утром. Мне не спалось, и я что-то услышала. Муж спал. Заглянула за ширму — Данте не было в кровати. Я быстро разбудила мужа, и мы, босые, вышли в коридор. А оттуда на главную лестницу. Шум доносился снизу. Кто-то очень тихо что-то говорил и хихикал.

— Что вы сделали?

— Пошли по малой лестнице вниз, в подвал.

— Что дальше?

— Вошли в подвал. Обошли его верхний этаж, там никого не было. Спустились по лестнице на нижний этаж подвала. Там, где хранятся продукты и где лежат бутылки.

— Дальше.

— И там никого не было. Замерли. И вдруг — как будто смех откуда-то донесся. Мы не понимали, откуда. Как вы знаете, ваша светлость, нижний этаж подвала — это одна, не очень большая прямоугольная комната. Все видно.

— Дальше.

— Вдруг открылась небольшая дверь в стене. Мы ее и не заметили. Из этой двери выбежал Данте. Голый, трясущийся, с красными пятнами на лице. И прежде, чем он ее закрыл, мы успели разглядеть Беатриче. Она была там, за дверью, и осталась там, когда Данте выбежал оттуда. Но она была не такая, как обычно.

— Что ты имеешь в виду?

— Не могу объяснить. Не такая. Что-то в ней изменилось. Она была... почти прозрачная. Вроде как медуза. А за ней был сиреневый свет, мелькали тени, какие-то страшные рожи показывали свои акульи зубы. Мы испугались. Я взяла за руку Данте и мы ушли к себе.

— С Данте говорили?

— Да, конечно, мы его спрашивали, что он там, в подземелье делал.

— И что он ответил?

— Он сказал, что они с Беатриче хотели поиграть в подвале. Спустились. А там... они услышали голос. Он звал из-за той самой двери. Назвался Стефано. Обещал показать что-то чудесное. Дверь была приоткрыта. Они вошли в подземелье.

— А что было там, за дверью, он рассказывал?

— Он сказал только, что за дверью было все по-другому, как во сне или в раю... Большое стало маленьким, а маленькое большим. Короткое долгим, а долгое коротким. Беатриче куда-то ушла. Или ее увели. А он попал в паутину и висел — недели или месяцы — среди разноцветных огней и беседовал с умершими людьми. Затем какая-то невидимая сила вытолкнула его за дверь, и он увидел нас.

— Это все?

— Все.

— Ладно. Идите к себе.

Я нашел ключ от подземелья. Один. Значит, второй был похищен. Кем?

Беатриче? Я часто оставлял ее в спальне одну. Предлагал ей почитать книгу или посмотреть комиксы. И она читала и смотрела, но больше всего любила играть с различными предметами. Фотографиями, карандашами, ручками, колечками, старыми часами, увеличительными стеклами, стеклянными шариками, костяшками домино, картами для бриджа, серебряными монетками и прочим барахлом, накопившимся на полках моих комодов за восемь лет. Нашла ключ... и непонятно как догадалась, что он от этой таинственной двери в подвале?

Или кто-то ей его дал? Кто?

Кроме меня эти ключи никто не видел.

Хотя, кто знает, что вокруг нас происходит на самом деле?

Кто нам друг, а кто враг?

И что там, за стеной?

Не важно. Проехали. Вот он, ключик...

Пошел вниз.

Ноги почему-то не хотели идти. Как будто в них по пуду жидкого свинца впрыснули.

Сел в кресло в гостиной и мгновенно заснул.

И вот... подхожу я во сне к той самой двери... вставляю ключ в замочную скважину, поворачиваю два раза против часовой стрелки и открываю дверь.

Вхожу в помещение, увенчанное готическим сводом. С розетки смотрит на меня смеющийся демон и показывает раздвоенный язык.

Все залито мерцающим сиреневым светом.

В нескольких шагах от меня неожиданно появляется Мессалина. Голая. Тело ее — из резины. Мессалина подает мне молоток и два больших серебряных гвоздя и подходит к письменному столу. Становится рядом с ним на колени и кладет свои большие груди на стол. Подзывает меня.

— Ваша светлость, я готова.

Подхожу к ней и прибиваю ее груди к столу гвоздями.

Мессалина стонет. Подхожу к ней сзади и совокупаюсь с ней. Деру ее за длинные черные волосы и реву ослом. После оргазма сажусь на Мессалину верхом.

Рядом с нами появляется Клавдий. Голый. И тоже резиновый.

Клавдий показывает на Мессалину пальцем и провозглашает: Что, попалась, лисица!

Его светлость пригвоздил тебя! Не будешь больше бегать от меня к негритосам, потаскушка.

Мессалина кричит Клавдию: Сам ты хорош, со мной под одеялом уже много лет как бревно, а этого гадкого жирного уродца облизываешь с ног до головы.

Клавдий шепчет: Нет, я не могу это вытерпеть... Горацио, где ты? Простите ваша светлость. Ухожу. В гости к синим людям. В чистилище.

Он всовывает голову в свисающую с потолка петлю и поджимает ноги. Висит и дергается на веревке.

Повесился и обмочился.

Появляется Данте. Тоже обнаженный и как будто отлитый из пластика. С красными горошинками-пятнышками на атласной коже. Смотрит на мать и отца. Говорит: Ваша светлость хорошо поработали. Разберитесь теперь со мной и девчонкой. Тело ноет. Хочет в мясорубку.

И влезает в стоящую рядом Железную Деву. Сам закрывает створки Девы и кричит изнутри: Девчонка в лабиринте, спешите, спешите... пока синие демоны не сожрали ее мясо.

Появляется Беатриче. Она не похожа на себя, но я знаю, это она...

Беатриче обнажена, тело ее — как огромный цукат. Правой рукой она отламывает кисть левой руки и подает мне: Отведайте, ваша светлость, хрустящие сладкие пальчики. Настоящее объедение. Вы же любите свежую плоть. Или вы хотите кусочек с филейной части?

Ее милое личико искажается сардонической усмешкой.
Я крошу ее тельце гигантским кухонным ножом.

Ужасные чудовища, похожие на живые кактусы, жадно их пожирают. Ухмыляются и показывают мне длинные острые шипы на спинах.

Проснулся в гостиной, мокрый от нервического пота. И вместо того, чтобы спуститься в подвал и открыть наконец чертову дверь, пошел к себе и принял горячий душ. Лег в постель.

Попросил Просперо поласкать меня сзади. А когда он вошел в меня, укусил его за руку.

Ночью началась гроза. Остров и замок сотрясали самые мощные удары молнии и грома, которые я тут пережил. Море штормило. Мучили духота и жажда. Пил воду, но не мог напиться. В голову лезли ужасные мысли.

Казалось, что замок вот-вот сползет с хребта дикого животного — опрокинется и упадет в черное море, где его разобьют о скалы пятиметровые волны.

Просперо стоял в углу спальни на коленях и молился на не известный мне деревянный идол, губы которого он смазал собственной кровью из ранки.

Каждый раз, когда рядом с замком била молния, он вздымал свои синие руки с растопыренными пальцами и жалобно всхлипывал.

Мне он сказал, что на нас прогневался Шива. И чтобы умилостивить его, требуется жертва — человека или животного.

Я попросил его сходить к Мессалине и сказать ей, чтобы она приготовила мне большую чашку горячего шоколада.

Он быстро вернулся и сообщил, что Мессалина и Клавдий лишились разума, оба лежат под столом на замковой кухне и едят без остановки различные продукты. В том числе сырое мясо и рыбу.

Я спросил, что делают Кришна и другие.

— Все пятеро сидят в гостиной в кружок на ковре и молятся Шиве. Кришна просит разрешения у вашей светлости принести в жертву одну из овчарок.

Я разрешил.

Утром шторм утих, а грозу унесло в сторону Хорватии.

Мессалина пришла в себя и убиралась на кухне. Клавдий пошел проведать вертолет. Ущерб от их временного помешательства был невелик.

Я вызвал к себе Кришну и спросил его, пойдет ли он со мной в подземелье.

— Разумеется, мой господин.

Мы взяли с собой два фонарика и пистолет, и тронулись.

Не сразу, но нашли ту дверь в подвале. Кришна открыл ее дрожащими руками.

Мы ожидали увидеть разные ужасы, но не увидели ничего.

Затхлое подземелье.

Все тут выглядело так, как описал мне тогда младший Эрмлер.

Повсюду валялись орудия пытки, ужасные крюки свисали с потолка. Мы с Кришной осторожно обошли все подземелье. Оно состояло из трех комнат, нескольких коридоров и десяти камер-одиночек. Интересно, кто в них томился во времена Габсбургов. Знатные османы?

В одной из камер на узкой железной койке лежал полуистлевший скелет со связанными проволокой руками и ногами. Рот у черепа был раскрыт. Некоторые зубы отсутствовали. Я узнал в нем моего нерадивого слугу, Стефано, которого я как следует, проучил линейкой. А он попытался меня отравить. Случайность спасла мне жизнь. Я застрелил его и приказал Кришне выбросить труп в море. Это случилось восемь лет назад. И он говорил с Беатриче и Данте?

Кришна тоже узнал Стефано и дрожал.

— Почему ты тогда не выполнил мой приказ?

— Я сделал все, как вы сказали. Отвез его на лодке километра за два и бросил в море.

— И тем не менее он тут.

— Тут. Видимо течение принесло его назад, к острову, и кто-то подобрал его и спрятал в подземелье. Или он сам приплыл...

— Ты в своем уме? У него нет половины головы. Посмотри.

— Вижу.

В одной камере мы нашли маленькую золотую серёжку колечком.

Спросил у Кришны: Ты не помнишь, носила Беатриче такие сережки?

— Нет, у нее не были проколоты уши.

— А у Данте?

— Данте серьги не носит. А вот Мессалина обожает серьги. У нее их много.

— Поговоришь с ней?

— Как вам будет угодно, господин.

Кришна вернулся минут через сорок. Взволнованный и озабоченный.

— Ну?

— Когда я вошел, Мессалина шепталась о чем-то с Клавдием. Что-то они замышляют, господин. Увидели меня и тут же изобразили покорность и преданность, лицемеры. Мне это сразу не понравилось. Представьте себе, Мессалина может подмешать нам в еду и питье яд, а Клавдий вместе с ней и с вашей шкатулкой, той, с драконом на крышке, — в любой момент улететь на вертолете. Ищи-свищи.

— Продолжай.

— Показал Мессалине серьгу. Спросил, ее ли. Что тут началось! Сначала она зашипела как взбесившаяся кошка.

Потом бросилась на меня. Вцепилась мне в уши, чертовка. Я был удивлен и обескуражен... Клавдий оттащил ее от меня. Я видел, как она царапает его ногтями. Затем упала на пол... начала биться... а потом стала, вы не поверите, как крокодил ползать по полу с открытой пастью. Пыталась кусать. И меня и мужа.

— Что было дальше?

— Вскочила как ведьма, выбежала на лестницу, и вон из замка. И ловко так карабкалась по скалам, как горная коза. И затаилась где-то. Или в море прыгнула и уплыла как русалка. Не знаю. Мы с охранниками ее искали. Но не нашли.

— Какое представление... Приведи Клавдия ко мне. Пора с ним поговорить серьезно. Если не пойдет, позови охранников и слуг, свяжите его и приволоките ко мне силой.

— Как вам угодно, ваша светлость.

Клавдия нашли на пути к вертолету. Сопrotивления он не оказал.

Охранники привязали его к старинному комоду, стоящему у меня в спальне.

Попросил Кришну и охранников оставить нас одних.

— Скажи мне, Клавдий, был ли я строг или жесток с тобой или с членами твоей семьи? Был ли придирчив, жаден, груб?

— Нет, ваша светлость.

— Почему же ты решил предать меня?

— Я вас не предавал.

— Тогда расскажи, что знаешь о пропаже девочки.

Клавдий молчал. Играл желваками.

Что заставляет его молчать? Стыд? Или толстая пачка банкнот?

— Последний раз прошу тебя. Расскажи чистосердечно все, что знаешь. Прощу и отпущу. Будешь и дальше молчать, буду пытаться. Пока не заговоришь.

Подождал еще минутку.

Заклеил ему рот широкой клейкой лентой. Достал из шкафа широкий кожаный ремень, купленный когда-то в Праге.

В спальню без стука вошел Кришна.

— Извините, ваша светлость! Мы поймали Мессалину и Данте.

— Где?

Они прятались в хижине у вертолета.

— Данте отпустите, а Мессалину тащите сюда.

Трое охранников ввели кухарку ко мне в спальню. Мессалина редела как машина скорой помощи, брыкалась и пыталась освободиться. Пришлось и ей заклеить рот клейкой лентой.

Мессалину раздели и привязали к спинке и ножкам тяжелого деревянного кресла. Руки ее были связаны сзади, а бедра широко раскрыты. Груды то и дело прыгали как белки.

И вот, я один на один с двумя связанными людьми и мне не жалко ни дуру-кухарку, ни дубового императора.

Я поднял вдвое сложенный ремень.

— Будете говорить? Кивните.

Не кивнули.

Тогда я начал стегать ремнем Клавдия и Мессалину. По чему придется. Они корчились и мычали.

Нет, я не хотел превратить их в инвалидов, хотел только причинить им боль. Сдерживал себя. Но вошел в такой раж, что чуть не кончил.

Кивать они начали только через пять минут.

Говорила Мессалина, Клавдий ей поддакивал, трясся и кривил рот, как в тике. Видимо боль еще не прошла.

Оказывается, они не ушли тогда с Данте к себе, а отправили сына наверх одного. А сами решили забрать из подземелья Беатриче, надеялись на мою награду.

— За дверью мы видели только испуганную девушку. Беатриче посмотрела на нас, помахала нам рукой и после этого убежала куда-то. Испугалась, наверное, что мы отвеем ее к вам, а вы ее выпорете за то, что сбежала. Мы пошли за ней. В подземелье было темно. Прошли несколько метров. Решили, что дальше идти опасно. Клавдий остался внизу, а я побежала за фонариками. Волновалась. Не нашла. Знала, что фонарики есть у охранников, но к ним не пошла, боялась, что честь находки и спасения Беатриче достанется им. И они получают деньги. Взяла на кухне несколько свечей, спички и побежала вниз.

Вошла в подземелье. Зажгла две толстых свечи. Там, где меня должен был ждать муж, никого не было. На полу валялись ржавые спицы и цепи. С потолка свисали крюки. Для рыбы? Не знаю. Позвала: Клавдий! Беатриче! Никто мне не ответил. Только тихий свист услышала в ответ. Испугалась.

Куда муж мог деться? Еще пять минут назад он был здесь.

И тут началось. Как в фильме ужасов.

Услышала стон. Женский. Подумала — Беатриче стонет. Позвала ее... не отвечает. А затем заблестело что-то... под потолком. Я не сразу поняла, что это огромная пила, такая, какими дровосеки толстые деревья пилят, двуручная. Острой стороной кверху. А на пиле этой сидит беременная женщина. Прямо на зубьях. Кровь у нее между ног сочится. А держат пилу двое турок или черкесов, узнала их по шапочкам. Только не люди это были, а бесы-иблिसы.

— Как узнала, что бесы?

— Больно синие у них рожи были. Не похожие на человеческие. И злые.

— Продолжай.

— Потом и они, и беременная, и пила исчезли, как будто их и не было. Но появился большой котел на трех медных опорах, с окошечком. Из окошечка человеческая голо-

ва высывалась. На тонкой шее. Голова эта истошно кричала. Под котлом горел костер. А рядом с котлом сидел на табуретке босой демон с длинными мохнатыми ушами. Смотрел на свои пальцы на ногах.

— Тоже иблис?

— Конечно. Темно-синий, жуткий. В этом котле он варил грешника. Живьем.

Не знала, что делать. А котел и демон — пропали.

Тут я услышала что-то... напоминающее звуки поцелуя. И вот... передо мной длинный черный гроб, в гробу — покойница лежит. Старая, длинная, худая. Ноги ужасные согнуты в коленях, расставлены и подняты. А мой муж, Клавдий, держит ее за бедра и страстно ласкает ее половые органы. Я к нему подошла, хотела его от этой покойницы оторвать. Не тут-то было! Поднял голову, посмотрел на меня... Я мигом поняла, что обозналась. Это был демон страшный, синий, с пузырями на коже, и горбатый. Схватил меня за руку и потянул. А я ему горящими свечами в рожу ткнула. Вонь пошла... Отпрянула от него, наступила на что-то острое. Железный штырь мне в икру впился. Заметалась. На крюк налетела. Чуть жизни не лишилась. Потом нашла в себе силы и успокоилась. Зажгла свечи.

И вот... будто в камере тюремной я. Сажу на грязной койке. Слышу, плачет кто-то. В углу камеры — стоит Беатриче. Голенькая, жалкая. Посадила ее рядом с собой, обняла. Спросила, как она сюда попала. Она не ответила...

— Что дальше было?

— К нам в камеру пришли демоны. Не пришли, а по воздуху приплыли. Как воздушные шары. Двое. Похожие на шахматных слонов. Без ног, без рук. Лица — без носов и глаз. Темно-темно-синяя кожа. Они нами управляли как кукольники куклами. Заставили нас встать и выйти из камеры, подвели к большому каменному алтарю.

Рядом с алтарем стоял носорог. Не такой, как в зоопарке.

Жуткой толстой головой поводит.
Глазками маленькими жадно на нас смотрит.
Пыхтит, раздувает ноздри.
Из пасти его слюна сочится.
Рог сверкает.

Бедная девушка за мою спину спряталась. Кудряшками трясет.

Демоны заставили ее лечь на алтарь. На спину. И бедра раскрыть.

А носорог сразу лег на нее. И давай...

Она и кричать не могла. Ну а дальше самое страшное случилось.

— Ой, Мессалина, если врешь, кожу с тебя сдеру.

— Всеми святыми клянусь, что не вру.

— Продолжай.

— Носорог начал ее рогом бодать и лапами когтистыми на куски ее тело рвать. А потом сожрал все, что от нее осталось и кровь своим ужасным языком вылизал.

Я решила, что теперь моя очередь на алтарь ложиться. С белым светом простилась.

Но тут ко мне муж подскочил, поднял меня и вынес из подземелья.

У себя в комнате мы решили вам ничего не говорить, а сына спрятать... И как можно быстрее улететь с этого острова на вертолете. Не вышло. Вот как все было. Против вас, ваша светлость, мы ничего не замыслили.

Я догадался, что Мессалина солгала мне и сейчас.

Носорогом в ее рассказе был конечно я. Я же был и иблисом в феске, и демоном с мохнатыми ушами, и ужасным горбуном. И даже котлом для варки грешников. И пилой. Искать Беатриче было бесполезно, я сожрал ее и вылизал ее кровь на каменном алтаре. Все намеки Мессалины я понял сразу...

Видения ее объяснял для себя легким отравлением газом радоном, известным галлюциногеном.

Приказал развязать и отпустить кухарку и ее мужа. Лег в постель и попросил Просперо помассировать мне ноги.

Ночью мы с Кришной спустились в подземелье. Обошли и внимательно осмотрели его еще раз на всякий случай. Но конечно не нашли там ни Беатриче, ни беременную на пиле, ни черный гроб с покойницей, ни носорога.

Положили кости и череп Стефано в холщовую сумку и долго били по ней молотками. Поднялись на свежий воздух, нашли и всунули в сумку увесистый камень, похожий на шар для боулинга, вышли на причал и бросили сумку в море.

На следующее утро после завтрака я объявил, что мы должны срочно покинуть остров. Иначе нас арестует итальянская полиция. Приказал всем упаковать ценные вещи и через час собраться у вертолета. Каждому разрешалось взять с собой одну сумку или чемодан. Варуна должен был позаботиться о собаке.

Через час все толпились у вертолета.

А через полтора — мы уже летели.

Когда мы были примерно в километре от острова, я достал радиовзрыватель и нажал на красную кнопку. Видал, как замок взлетел на воздух. Вертолет качнуло взрывной волной.

Мне не составило большого труда потихоньку засунуть небольшой футляр в объемистую сумку Мессалины.

Через два дня я, Кришна и пятеро его соотечественников уже плыли на яхте «Аркадия» — на Маркизские острова. В последний момент к нам присоединился Данте. Он сбежал из гостиницы, в которой остановились Мессалина и Клавдий, за несколько минут до того, как полиция их арестовала. Супругов обвиняли в краже у своего работодателя дорогого кольца с изумрудом и бриллиантами. На суде присутствовал мой адвокат. Он зачитал мое заявление. Им да-

ли по полтора года тюрьмы. Через полгода Клавдия задушили во сне сокамерники, а Мессалину чуть позже прирезала приревновавшая ее к другой заключенной охранница.

Заветная шкатулка с драконом на крышке лежала в тумбочке в моей каюте.

Овчарка бегала по палубе и лаяла на чаек.

Неделю назад я созвонился по радиотелефону с госпожой Ристаль. Попросил ее связаться с родителями Беатриче и сообщить им, что их дочка погибла на острове в Адриатическом море в результате обрушения скалы во время необыкновенно сильной грозы, и что известное лицо выражает им свои глубокие соболезнования, и готово заплатить указанную в контракте страховую сумму...

Родители согласились принять деньги и хранить молчание.

Через год после моего переселения в Америку, в окрестности Сан-Франциско, я получил по почте странную открытку с видом на Алькатрас. Без обратного адреса, но, судя по почтовому штампу, из Акапулько.

На обратной стороне было написано: Как поживаешь, папочка Гум? Передай привет Кришне. Твоя Б.

ВИЛЛА УРАНИЯ

Побережье северной Калифорнии.

Одиночество. Безлюдье. Просторы. Воздушные и водные пути. И всего одна дорога по земле.

Тихий океан. В нем киты и белые акулы. И туман.

Плотный, резать можно. Стена, вроде китайской. Каждый раз, глядя на эту белесую стену тумана, вспоминал одноименный фильм Карпентера. Слышал удары колокола. Представлял себе испуганного священника со старой книгой в руках.

Волны, волны... Вода ледяная.

Серфингисту тут нечего делать. И купаться нельзя. Волны ломают хребты.

Рядом с пляжем — ядовитые цветы. И гремучие змеи.

Скалы как будто изъедены каменными червями. Это вам не Лазурный берег.

Миль пять от Сан-Франциско отъедешь — и уже никого нет. Только овцы на лугах пасутся. Ни кино, ни театра. Ни Пикассо, ни Модильяни, ни Шагала. Зато есть Хичкок с его «Птицами». Природа может запросто заклевать человека.

И ресторанов приличных нет. А те, что есть — предлагают гостям жареную рыбу с майонезом и картофель фри с несвежей зеленью. Приносят их смазливые официанты-мексиканцы с нечистыми руками и недобрыми мыслями.

Лес. Деревья высоченные. Секвойи. Бурелом и следы многочисленных пожаров. От самых больших деревьев остались только широкие, выгоревшие изнутри пни.

Дома местных жителей построены из дерева. Во время лесного пожара они превращаются в смертельные ловушки.

Горы. Красные скалы. Говорят, там живут пумы, койоты, черные медведи и рыси. Хорошо, что не саблезубые тигры. За горами — на востоке — зеленая Калифорнийская долина. А потом опять горы — Сьерра-Невада.

Красивый край. Заводов и фабрик нет, воздух свежий. Вода и в океане, и в впадающих в него небольших живописных речках — чистая, прозрачная.

Поехали на север по хайвею номер 1 на большом, старомодном рыдване, взятом напрокат в специальной конторе в Сан-Франциско, автомобиле Форд Кантри Седан.

По дороге глазел по сторонам. Грандиозная плеорама. Оценил и умилился. Вспоминал волнистых попугайчиков в клетке.

Проехали Бodega Бей. Дом на той стороне бухты все еще стоит. Но в нем нет ни властной матери Митча Лидии, ни его очаровательной сестрички Кэти.

Часа через полтора заметил справа, ярдах в двухстах от дороги, высокий, почерневший от сажи деревянный забор и ворота. За воротами, в глубине мелькнул двухэтажный дом, напомнивший мне мой замок на островке в Адриатическом море. Перед воротами стояла белая табличка. Приказал Кришне затормозить и припарковаться.

Спутники мои вылезли из машины и отошли в сторону, чтобы помочиться. Крикнул им, чтобы ждали меня у машины, а сам подошел к воротам. Прочитал на них почти стершуюся от времени надпись — «Вилла Урания». На табличке, как я и ожидал, было написано «на продажу».

Вошел во двор, засаженный неизвестными мне экзотическими деревьями. Узнал только желтые лиственницы, гинкго и баобаб.

Подошел к дому. Постучал в массивную резную дверь с изображением охотника, целящегося в медведя.

Никто мне не открыл.

Хотел было уйти, но вдруг услышал глухой кашель. Ко мне подошел загорелый старик с чрезвычайно породистым лицом и узкой зеленоватой бородой, одетый в шорты и синюю майку, с топором в руках, и спросил, не хочу ли я купить его участок и дом.

Осведомился о цене. Старик назвал пятизначную цифру в долларах.

Удивился. Цена показалась мне заведомо заниженной.

— Почему так мало просите? Термиты прогрызли стены?

Старик нахмурился. Наморщил лоб.

— Плохо же вы, мистер, разбираетесь в термитах.

Ударил тыльной стороной топора в стену своего дома. Не осталось даже вмятины.

— Видите? Дерево цело и держит удар. Да, забор и ворота малость пострадали во время последнего лесного пожара, надо заменить кое-какие доски, но дом цел и невредим. А мало прошу по очень простой причине. Мне осталось не долго жить, и я хочу поскорее продать недвижимость и отдать деньги внучке.

— А почему внучка не хочет тут жить? Место роскошное. Океан недалеко. Лес и горы. Покой.

— Она живет в Сан-Франциско, играет в оркестре на виолончели, а сюда даже в гости не приезжает. Она тут выросла...

— Покажете дом?

— С удовольствием.

Дом оказался не только внешне, но и внутри похож на мой замок в Адриатике. И подвал у него был. Но никаких потайных дверей в нем не было.

Массивная и крепкая мебель внушала уважение. Показывая мне комнаты, старик ласково поглаживал крепкими длинными пальцами тяжелые стулья и кресла, могучие шкафы с инкрустациями из дерева, перламутра и меди, дубовые столы, за которыми запросто могли бы сидеть рыцари короля Артура.

Мне все в доме понравилось... это было жилище добросердечных, работающих, оптимистично настроенных людей. В доме хорошо пахло. Старым деревом, табаком и кофе. В некоторых углах я заметил бронзовые статуи индийских божеств. На крыше была оборудована маленькая обсерватория.

— Статуи заберете? И телескоп?

— Оставлю, если заплатите за них тысячу наличными. Исторической или художественной ценности они вроде бы не представляют. Но за много лет они стали частью дома и моей жизни. У телескопа испортились линзы. Мне он не нужен.

Я не стал торговаться. Похвалил дом и спросил у старика, где мы сможем оформить сделку.

Глаза его загорелись. Видимо, ему было приятно, что дело наконец стонулось с мертвой точки и он сможет сообщить внучке добрую весть.

— Чудесно! Я видел, у вас есть машина. Свою я давно выкинул. Езжу на велосипеде... Оставьте ваших спутников здесь, в доме, пусть располагаются, камин разожгут, а мы с вами съездим к моему нотариусу в город. Это всего в семи милях отсюда. Если сделка состоится, заплатите за все в местном банке.

— Если вы не возражаете, поведет машину мой телохранитель, я давно не садился за руль.

— Не возражаю. Кстати, как вас зовут? Откуда вы? Из Европы конечно. Француз или бельгиец?

Я представился. Кратко рассказал о себе. Мне показалось, что старик нервно дернулся, когда услышал мою фа-

милию. Сам он тоже назвал свое имя — Шива Рассел, и объяснил: Нет, я не индус. Мои родители страстно любили Восток. Много путешествовали.

До города мы добрались за четверть часа.

Подкатили к одному из нескольких старинных зданий, на первом этаже которого находилась нотариальная контора «Джонс и сыновья».

Нотариус оказался аккуратным седым старичком лет семидесяти. Прежде чем он позволил мне подписать купчую, позвонил в полицию и пригласил шерифа для того, чтобы тот проверил мои бумаги и расписался, где надо, как свидетель совершения сделки. Шериф появился через две минуты, здание полиции находилось напротив нотариальной конторы. Толстый, похожий на шар в униформе, усатый шериф дружески мне подмигнул.

— Так это вы хотите купить эту развалину? Мужественный поступок, скажу я вам. Очень даже мужественный.

А затем, не спеша, бормоча что-то себе в усы (мне удалось расслышать: И откуда только берутся такие идиоты...), рассмотрел мой французский паспорт, вид на жительство и другие документы в лупу, после чего рывкнул: Олл райт!

Расписался и удалился, покачиваясь, как водокачка. Казалось, что он сейчас покатится.

Пошли в банк. Там история повторилась. Банковский клерк вызвал директора, чтобы тот осмотрел мои документы. Директор, длинный как вязальная спица, сухой и молодой янки лет пятидесяти пяти, прошептал, как будто не мне: Я надеюсь, вы хорошо подумали. Этот дом пользуется дурной славой. Да, очень дурной. В окрестностях так много недвижимости на продажу. Зачем вам этот ужасный дом? Неужели из-за баобаба во дворе?

Рассел отвел глаза.

Банкир минут десять рассматривал мои бумаги. И тоже в лупу. Ушел к себе в кабинет и оттуда позвонил в Уэлльс Фарго Банк в Сан-Франциско, проверил содержимое моего счета.

Видимо, тут не очень доверяли иностранцам.

Мне пришлось выписать десять отдельных чеков. Один из них — на ту сумму, которую мне назвал старик. Остальные, поменьше, в налоговое управление, нотариусу, в городской совет и совет штата, в электрическую компанию, чтобы они включили электричество, отключенное за неуплату долга, в телефонную компанию, чтобы восстановила телефонную связь, в службу забора отходов и мусора...

Я заполнил чеки и вручил их директору банка.

Тысячу наличными отдал старику в машине. Тот попросил высадить его в городе у малоприметного домика, одиноко стоящего на высоком берегу. Рядом с домиком кривилось и выгибалось дерево Джошуа, непонятно зачем пересаженное сюда из пустыни.

На прощание Рассел сказал: Все ключи вы найдете на первом этаже в коридоре. Они лежат в ящике, спрятанном за большой картиной, изображающей Кришну в окружении пастушек. Воду из крана лучше фильтровать и кипятить... но мыться ей можно и поливать растения тоже. В сарае справа — запас дров для камина. Не хотел вам говорить про электричество и телефон, боялся, что вы раздумаете покупать дом, извините. Кондиционер испорчен, даже не пытайтесь его включить. Лучше выбросьте. И последнее. Как вы уже поняли, про эту виллу рассказывают бог знает что. Услышите еще что-нибудь от местных, не пугайтесь. Все это вздор. Никому не верьте. Живите долго и счастливо!

Через два месяца все в доме было в порядке. Рабочие починили забор и ворота. Мне пришлось заплатить за их работу и машину леса четыре тысячи. Загорелись торшеры

и люстры, зазвонил телефон, заработал новый кондиционер, огромная машина высосала из подземного резервуара накопившиеся там за годы фекалии. В колодце установили новый насос.

Кришна с Горацио съездили в Сан-Франциско и купили там постельное белье, одеяла, фарфоровую посуду, стиральную машину, холодильник, новый телескоп и многие другие достижения цивилизации. Из комнат охранников и слуг стала доноситься радио-музыка.

В кухне захлопотали две чернокожие женщины среднего возраста, Сара и Ева. Продукты они заказывали у знакомых поставщиков в городе. Жили — в комнате на первом этаже. В воскресенье у них был выходной день, Кришна отвозил их в субботу вечером в город, а утром в понедельник привозил назад.

Мои охранники получили от меня в подарок гладкоствольные ружья, патроны, легкую синюю одежду, куртки и спортивные туфли.

Два раза в неделю к нам приезжал на велосипеде чернокожий садовник. Он подстригал траву и кустарник, поливал и приводил в порядок деревья во дворе. Звали его Джон. В свободное время он курил янтарную трубку и слушал по карманному радио репортажи с бейсбольных и футбольных стадионов.

Несмотря на свою темную кожу, садовник этот ужасно походил на моего бывшего пилота Клавдия. Бывает.

Иногда он как-то особенно смотрел на меня, усмехался и качал головой. Как будто подозревал меня в том, что я не тот, за кого себя выдаю.

Как-то днем, перед самым обедом, садовник превратился в огромную жабу.

Только на несколько мгновений.

Однажды, теплой калифорнийской зимой... с океана дул пронзительный ветер, облака летели над нашими го-

ловами как крылатая конница, волны тяжело бились о почерневшие скалы, и глухие их удары доносились и до нас, хотя вилла Урания отстояла от океана на милю или чуть больше. Удары эти наводили меня на тяжелые мысли. Почему-то в голову назойливо лез проклятый старик Рассел. Он потрясал трезубцем Шивы, что-то шептал, приплясывал. К нему присоединялись давно забытый покойник Стефано, раздробленные кости которого мы с Кришной утопили в Адриатическом море и демоны-иблисы из рассказа Мессалины. Иблисы показывали мне двуручную пилу, Железную Деву и большой котел для варки грешников.

Терпеть это представление у меня не было сил. Я беззвучно кричал им: Сделайте одолжение, сгиньте!

А они делали неприличные жесты и предлагали мне сесть на пилу, влезть в Железную Деву или в котел.

Тогда, в этот мрачный зимний день к нам приехал почтальон Билли на своем подержанном бьюике и передал Брахме ту самую открытку. Из Акапулько.

А потом мы сидели с Кришной в гостиной на втором этаже за обеденным столом, пили какао из глиняных кружек, ели прекрасное американское овсяное печенье и рассматривали открытку. Делились мыслями.

— Как ты думаешь, неужели это она... крошка Беатриче... осталась в живых. Откуда-то узнала наш адрес. Откуда? И послала нам весточку. Уверяю тебя, не для того, чтобы поиздеваться. Нет. Я чувствую в ее словах угрозу.

— Вам виднее, ваша светлость.

— Не темни, скажи мне, что ты думаешь.

— Вы господин, очень богаты. Возможно, ей понадобились деньги.

— Почему бы ей в этом случае не раскрыть карты и прямо не попросить. Ты меня знаешь, я бы дал.

— Всем известны ваша доброта и щедрость.

— Может быть, ее родители, эти жадные продавцы свежего детского мяса, собираются шантажировать меня? Наняли частного сыщика, тот нас нашел... и они начали артиллерийскую подготовку перед наступлением. Эти люди не остановятся, пока не сожрут меня с потрохами.

— Все возможно, ваша светлость...

— И что же мне делать? Опять бежать? Покупать фиктивные документы и бежать? Яхта ждет в Сан-Франциско.

— Простите, мой господин, но делать ничего не надо. Мы неплохо тут устроились. Поживем еще... Сделаем вид, что нам все равно. Ну написала открытку. Она или кто-то еще. Ну и что? Пусть они делают следующий шаг, а там посмотрим.

Так и решили.

Через две недели почтальон принес вторую открытку. Точно такую же, как первая, с видом на Алькатрас и без обратного адреса. Почтовый штемпель — Сан Диего.

— Дорогой папочка, ты, наверное, решил, что я хочу твои деньги. Как же ты смешон. Подумай о РП. До встречи. Твоя Б.

РП? Это что еще?

Догадался. РП это Роман Полански. Знаменитый режиссер был недавно обвинен в том, что изнасиловал тринадцатилетнюю девушку. Опоил ее алкоголем, дал ей наркотик и поимел...

Никто не знал, чем закончится это дело. Пресса гадала, во сколько сотен тысяч долларов обойдется создателю «Бала вампиров» и «Ребенка Розмари» эта афера. Или — сколько лет он будет теперь сидеть в тюрьме.

Роман Полански дожидаться приговора не стал, благоразумно покинул Америку.

Стало быть, Беатриче грозит мне подобным процессом.

Главным свидетелем и обвинителем будет конечно она сама. Собственно, ей и врать не придется. Только добавить ко всем интимным описаниям словцо «вынудил». Или «заставил». Поди проверь!

А я скажу, что она все выдумала. Что я ее не знаю. Что ее не было на острове.

Тут конечно появятся ее родители и положат судьбу на стол наш контракт.

А я скажу, что контракт — липовый. Что это подделка, а процесс — попытка меня опорочить и выманить у меня деньги.

Тут прокурор начнет вызывать на свидетельское кресло моих людей. По одному.

Будет грозить тюрьмой за дачу ложных показаний.

Возможно, всех нас возьмут под стражу до суда. Посадят в одиночки.

Стоит одному из моих альфуров признать, что девочка неделю провела на острове, и моя защита развалится.

У всех их фальшивые французские паспорта. Ввез я их в Америку нелегально, на моей яхте. У Кришны — купленные за пятьдесят долларов водительские права.

Суд об всем этом узнает и использует как средство давления.

Кто из них запоем первым?

И что я могу сделать, чтобы этого не случилось?

Ясно, как день, что. Я в Америке. Тут свидетелей устреляют. Физически. До суда.

Легко сказать! Кришна мой старый друг и советчик, единственный человек на свете, с которым я могу поговорить по душам. Просперо — нежный и преданный любовник. Остальные тоже мне не безразличны. Привязался к ним за столько лет. Они стали для меня чем-то вроде этих индийских статуй для старика Рассела.

Прошло еще месяца три с половиной.

Третья открытка так и не пришла. Какое облегчение!

Ни Рассел, ни его внучка-виолончелистка за все это время так ни разу у нас и не появились. Я попросил Горацио и Просперо собрать личные вещи старых хозяев и положить в три высоких деревянных ящика, стоящих в пустующей комнате на первом этаже. Ничего ценного там не было, но я думал, что они рано или поздно захотят забрать многочисленные фотоальбомы, акварельки в затейливых рамочках, связки писем и документов, посуду, постельное белье, одежду, обувь, школьные тетрадки, игрушки, бейсбольные карточки, сотню любовных романов в пестрых обложках, справочники, телефонные книги, бижутерию, несколько сломанных ковбойских револьверов, напольные часы, патефон с пластинками, ламповое радио с волшебным глазком и прочий скарб.

Я пытался узнать в справочной Сан-Франциско телефон внучки старика, но мне это не удалось. Позвонил несколько раз по номеру, оставленному Расселом, но там никто не ответил. Позвонил нотариусу, напомнил о себе и попросил передать мистеру Расселу, что он или его внучка могут забрать свои личные вещи.

Нотариус сообщил, что по его данным, мистер Рассел уехал жить в Гонконг или Сингапур через несколько дней после продажи виллы. По-видимому, сразу после того, как деньги поступили на его счет.

— К слову говоря, — добавил нотариус, — у Рассела нет внучки, а есть дочь. И живет она не в Сан-Франциско, а где-то в Европе, в санатории для психически больных людей.

— Странно, зачем же он врал мне про внучку? Говорил, продает дом и участок, потому что хочет отдать деньги внучке... перед смертью.

— Так он говорил? Непонятный человек. Во-первых, он далеко не так стар, как хотел бы выглядеть. Ему сорок восемь лет.

— Что вы говорите?

— Во-вторых, он абсолютно здоров. Так что все разговоры о его скорой смерти — чепуха. Есть еще и в-третьих.

— Что еще?

— Он никогда тут не жил, пока не получил виллу в наследство — два года назад. Специально приехал сюда непонятно откуда. Мы и не знали, что у старого бобыля Купера, умершего такой ужасной смертью, бывшего столяра, любителя астрономии и кубанских сигар, где-то на краю света живет двоюродный племянник. Рассел вступил в наследство и пропал. Дом стоял пустой. Чуть не сгорел во время лесного пожара. Повезло, ветер сменил направление в критический момент. И только неделю назад Рассел опять появился. Я не уверен в том, что Рассел — его настоящее имя. Говорю, вам, он человек-загадка. Зеленая борода! Учитывая то, что вы теперь владелец дома, я мог бы рассказать вам еще кое-что, только не по телефону.

— Заинтриговали. А какой смертью умер бобыль Купер? Если не секрет.

— Долгая история, но если кратко — он был растерзан дикими зверями в собственной постели. Голову его так и не нашли. А части тела валялись по всему дому. Полиция долго возилась с этим делом, но так ничего и не поняла. Ни пумы, ни медведи так близко к океану тут не подходят. Не залезают в дома и не рвут на части их обитателей. Была еще версия о зловещем религиозном ритуале, но наша полиция не в силах расследовать подобные преступления. Написали — звери, и закрыли дело.

— Фантастика... так куда и когда мне подъехать?

— Приезжайте в мою контору завтра, часа в три. Расскажу вам еще кое-что. Поседеете от страха.

Странно все это. Растерзан дикими зверями? Но... какое мое дело?

Зачем Рассел мне врал? Зачем? Положи под лупу любого человека — и увидишь столько всего, что его и не узнаешь.

Приказал охранникам вырыть во дворе большую яму, бросить туда ящики, облить их бензином и сжечь, предварительно вынув из них фотоальбомы. Решил просмотреть их на досуге. А яму, после аутодафе, зарыть.

После окончания работы охранники затеяли на месте, где была яма, дикие голые пляски, закончившиеся спонтанным спариванием с кухарками. Участники действия рычали и хрипели как каннибалы. Зрелище было не из приятных.

Поехали к нотариусу.

По дороге попросил Кришну: Отвези меня, пожалуйста, вначале к тому домику на высоком берегу, где мы высадили Рассела. Может, он все еще там, а не в Сингапуре. Ты помнишь дорогу?

— Разумеется, ваша светлость. Тут все просто, потому что мало людей, мало дорог...

Приехали. Я вышел из машины. На месте, где стоял домик... росла травка. И цветочки желтенькие. Кривое дерево Джошуа тоже было тут, а домика не было. Вот это сюрприз!

Спросил Кришну: Ты куда меня привез?

— Туда, куда вы просили, господин. Вот, посмотрите, тут дерево, тут обрыв, тут океан, тут два холма.

— А где домик?

— Не могу знать, ваша светлость. Я свою работу сделал, а куда домик делся, решайте сами. Вы в Кембридже учились, а я в школе при миссии.

Я тогда не знал, что настоящий сюрприз ждал нас с Кришной впереди, всего в полумиле отсюда.

Спустились с высокого берега в город. И поехали туда, где должны были стоять старые дома. Да, да, дома стояли на своих местах. Только...

Только они были давно брошены их обитателями.

Почти все окна и витрины были грубо заколочены досками или фанерой. Крыши во многих местах провалились. Кое-где на них росли кусты и деревья. Не заколоченные окна зияли как глазницы черепа дьявола. Казалось, что внутри этих зданий обитают огромные насекомые, которые внимательно смотрят на нас своими красными глазами. И стоит только хлопнуть в ладоши, и они выползут, выбегут, вылетят из этих жутких домов и набросятся на нас...

Глаза моего шофера наполнились ужасом, руки задрожали.

Я не стал выходить из машины, прошептал: Едем отсюда. На въезде в город была заправка, остановись там.

Я мог поклясться, что десять минут назад, когда мы въезжали в город — заправка работала, неоновая реклама на ней сверкала, двое ее улыбчивых служащих в смешных оранжево-черных комбинезонах хлопотали у роскошного голубого кадиллака, один заправлял машину бензином, другой — протирал ветровые стекла тряпкой. Все было так красиво, так хорошо. Что тут случилось? Или это произошло не с городом, а с нами?

Вот и заправка. Заброшенная и разрушенная много лет назад. Я так и знал.

— Не останавливайся, не смотри, едем домой. Поторопись.

Что же это... океан потерял свою чудесную голубизну и стал металлически серым, а обычные его двух-трех-ярдовые волны выросли до десяти ярдов, зловещие темные фигуры катались на них на серфинговых досках...

Лес вокруг нас тоже потемнел. Между деревьев стояли косматые обезьяны-бигфуты. Они показывали мне страшные передние зубы и гадко гримасничали. Били себя огромными волосатыми кулаками в грудь и приплясывали.

Потемнели и горы, и само небо. По нему летали незнакомые мне хищные птицы. Или птеродактили?

Еще издали увидели забор и ворота. Слава Богу! Все вроде бы на месте.

Вошел в дом... и сразу понял, что и тут что-то произошло. Что-то необычное и страшное. Все в гостиной было разгромлено. Шкафы и комоды лежали на полу, стулья и столы были опрокинуты. Повсюду валялась разбитая посуда.

Ко мне подбежал Горацио. Он был смертельно испуган, говорил, заикаясь.

— Господин, тут без вас...

— Вижу.

— Обе кухарки превратились в чудовищ. В змей, в драконов, в ламий, в горгулий. Точнее не могу сказать. И начали все крушить.

— Когда это случилось?

— Минут через двадцать после того, как вы с Кришной уехали. Я был на кухне. Попросил Сару сделать мне сэндвич с вареными яйцами, майонезом и креветками. Она сделала. Мы с ней немного пококетничали. Она смеялась. Я обнял ее, потрогал ее груди и поцеловал в толстую шею. В этот момент ее кожа вдруг превратилась в кожу варана, состоящую из шестигранных щетинок, глаза округлились, голова вытянулась, на пальцах выросли длинные когти... Она попыталась укусить меня в плечо, но я оттолкнул ее и убежал в кладовку, закрылся там. Ева тоже превратилась в чудовище. Пока сидел в кладовке, они разгромили гостиную... Обратни...

- А где были остальные?
- Смогли вовремя убежать во двор. Залезли на деревья.
- А что было потом?
- Оба адские создания убежали в лес... Как такое возможно, не знаю. Мы ничего не стали убирать, хотели, чтобы вы сами посмотрели, боялись, что вы нам не поверите.
- Почему охранники не стреляли?
- Они так перепугались, что побросали ружья.
- Бравые солдаты.
- Какие есть, ваша светлость.

Приказал охранникам и слугам привести гостиную в порядок. Запереть все двери, закрыть ставни на окнах, зарядить ружья и быть наготове. И еще, закрыть купол обсерватории и растопить камин.

А сам я сидел в кресле в моей спальне и старался ни о чем не думать, ничего не вспоминать. Боялся сойти с ума. Ждал что-то вроде штурма дома дьявольскими существами.

- В спальню вошел взволнованный Кришна.
- Господин, я должен вам кое-что сказать.
- Говори.
- По двору прыгает жаба размером с осла. Охранники говорят, что это Джон. Что делать?
- Ничего. Если он попробует открыть ставни — стреляй.
- Я не умею стрелять, ваша светлость.
- Пошел вон, идиот!
- Кришна поклонился и ушел.

Неожиданно зазвонил телефон. Чувствовал, что надо снимать трубку, но все-таки снял. Привычка.

- Алё.

— Здесь нотариус Джонс. Мистер Орсини?

— Да.

— Позвольте спросить, ваша светлость, почему вы не приехали, мы так вас ждали. Все приготовили для торжественной встречи такой важной особы.

— Что приготовили?

Говорил я машинально, не вдумываясь в услышанное.

— Приготовили все то, что вы заслужили. Алюминиевую линейку, чешский ремень, березовые розги, римские плети, длинные толстые иголки, кандалы, аппарат для электрошока, пассатижи для вырывания ногтей, щипцы, мечи, кинжалы, топоры, сверлильную машину для зубов и для костей, испанский сапожок по размеру, крючки и крюки всех возможных размеров, дыбу, клистир на десять литров, хирургические пилы, тяжелый деревянный столб, веревки, гвозди. И много других прекрасных вещей. Смее вас заверить — все это от вас, не от нас. Мы собрали только то, что вы или использовали, или страстно мечтали использовать. Материализовали ваши сладкие мечты, ваша светлость. Мы всегда так поступаем. Все по закону. Никакой самодеятельности. Упаси Бог! Нас за самодеятельность по головкам не поглядят!

— Что же, по-вашему, я уже в аду?

— А что вы сами думаете?

— Я ничего не думаю. Устал думать и представлять. Видимо, у меня галлюцинации. Или я в наркотическом бреде. Мне надо принять холодный душ.

— Как примитивны ваши мысли. Какое у вас глубокое презрение к религии. Стопятидесятипроцентный материализм, как в незабвенную эпоху Просвещения. Ни капли романтики, ваша светлость. Да, в вас нет ни капли Байрона или Мильтона. Один сад-сухостой. И чем суше ваша жизнь, тем влажнее страхи, желания и мечты. А фантазии... одна другой ужаснее. Ничего не стесняющееся сладоустрастие. Дети, младенцы, подростки... старухи, стари-

ки. Мучения, пытки. Хорошо хоть, что мертвецов там нет, в ваших фантазиях. И какие финтифлюшки-завитушки! Барокко просто! Вихрь, торнадо, ураган.

— Может быть, заткнете, наконец, фонтан, и скажете, что вам от меня надо?

Ответа я так и не дождался. Мой собеседник прервал разговор.

Интуитивно понял, что сейчас должно что-то произойти. Сжался. Подтянул колени к подбородку. Взял в рот согнутый указательный палец правой руки. Зажмурился.

Тут кто-то дал мне подзатыльник.

Глаза пришлось открыть.

Передо мной стояла покойница Мессалина. Голая.

В руке она держала приснопамятную алюминиевую линейку.

— Ваша светлость! Как я рада снова вас увидеть. Помните небось, как футлярчик с колечком мне в сумочку сунули? Меня засудили, а потом в тюрьме зарезали. И все из-за вас. И не стыдно вам? Вам хоть раз в жизни было стыдно, господин любезный? Вот, возьмите линейчку и накажите меня как в старые времена. За барские грехи всегда холопы отвечают.

Она приподняла руками свои полные груди, покрытые трупными пятнами, и я ударил ее несколько раз линейкой по соскам. Не соображал, что делаю. Обезумел.

И вот... Мессалина исчезла, а передо мной стоят мои новые кухарки, Сара и Ева, тоже голые, соединенные телами как сиамские близнецы. И я вижу, как их голубая кровь перетекает из тела в тело.

Стоят, корчатся и смотрят на меня глумливо.

— Милый наш повелитель, не хочешь ли наказать и нас? У нас две головы, три груди, но только одна...

И я уже был готов начать бить их линейкой, но они прямо у меня на глазах превратились в двух бенгальских варанов...

Вараны эти встали на задние лапы, передними лапами обняли друг друга и начали танцевать квикстеп. И так быстро танцевали, что у меня закружилась голова, и я упал на дубовый пол спальни.

Очнулся я в постели. В объятьях... носорога. Того самого, о котором рассказывала Мессалина. Носорог пыхтел и рычал, он явно хотел войти в меня своим огромным членом. Когда это ему удалось, я потерял сознание от боли.

И тут же очнулся. Я все еще лежал в моей постели, но носорога в ней уже не было.

Рядом со мной лежала Беатриче. Я обнял ее и поцеловал в губы. Она не ответила на мой поцелуй.

— Милый папочка, ты сейчас испытал боль... которая очень быстро кончилась. А я испытывала такую боль часами. И делала вид, что мне хорошо под тобой. Мне было только десять лет, папочка. Десять, понимаешь? Тебя так это возбуждало. Моя узкая талия, тоненькие ручки и ножки и моя глупая рожица... И главное — моя детская вагина.

Тут я ощутил, что становлюсь короче, моложе, мои руки и ноги стали тоненькими как руки и ноги десятилетней девочки, мой член и мои яйца исчезли, и на их месте появились половые органы девочки-подростка.

А Беатриче, наоборот, стала расти и стареть, поменяла пол и превратилась в бородатого плотного шестидесятидвухлетнего мужчину с длинным и толстым членом.

Что последовало за этими превращениями, объяснять не нужно.

Вилла Урания исчезла вместе с Калифорнией.

Я лежала в спальне герцога в замке на острове в Адриатическом море.

Герцог несколько часов терзал меня, причиняя мне чудовищную боль, но не замечал этого. И в конце концов кончил, рыча, царапаясь и сверля меня глазами. Его тело пахло железом и потом. И еще — чем-то кислым.

Утром я разбудила моего мучителя нежными ласками в области промежности. Так мне приказали.

Лизала и тербила попеременно его яички, анус и кончик члена. Научили меня этому не мои родители, которые продали меня еще в младенчестве, а строгие наставницы в борделе.

Убедившись, что он проснулся, я показала ему знаками... что хочу, чтобы он напоил меня золотым дождем. Он понял, поднял и потащил меня в ванную. Пока он мочился, я с трудом боролась с рвотными позывами. Мой мучитель так возбудился, что кончил мне в рот.

Вечер мы посвятили миссионерским радостям. Для него это были радости, для меня — пытка. Боль во влагище была невыносимой.

На следующий день он катался на мне верхом. Ржал и пускал ветры. А я, преодолевая боль и отвращение, каталась на нем.

На четвертый день он задумал поиграть в ролевые игры. Разыграл строгого отца. Сделал мне выговор и наказал за плохую успеваемость в школе. Дал мне несколько пощечин и выпорол розгами. Бил очень сильно. После этого мне пришлось несколько раз ему отдаться и имитировать оргазм.

На пятый — он заставил меня сыграть роль оскорбленной и разгневанной Лолиты, называть его Гумбертом, сквернословить и бить его ногами в пах, потом он зверски трахал меня, рыча и кусаясь.

На шестой — мой мучитель и его слуга-подонок, Кришна, привели в спальню Данте, сына кухарки, и устроили «детскую свадьбу». Так они это называли. Как же

громко они смеялись! Нам с Данте было не до смеха. Затем он и Кришна грубо овладели нами анально. Я видела, как Данте корчился от боли.

Вечером седьмого дня герцог и его люди устроили оргию. Нас всех заставили выпить какое-то адское зелье. Что мне пришлось испытать во время этой оргии, я описывать не буду. Скажу только, что и меня и несчастного Данте заставили совокупиться не только с герцогом, но и с овчарками, тремя охранниками, двумя слугами и с Кришной.

Позже мы с Данте поклялись друг другу в том, что отомстим.

На восьмой день...

БОРДОВЫЙ ДИВАН

Нам — за сорок. Поэтому такой размеренный темп.
За окном — город, сделанный из бетона, свинца и асбеста.

Шумит, свистит, рычит, скрежещет.

Что можно противопоставить свисту и скрежету там,
за стеклом?

Метроном.

Анданте. Модерато. Аллегро.

Где-то в паховой глубине мира уже забил источник наслаждения, который позже превратится в горную речку, а в конце — в цунами, затопляющее нашу вселенную. Сладкое и радостное цунами, после удара которого и в ее, и в моем теле образуется яблоко. То самое, с дерева познания добра и зла.

И вновь хочется жить, жить и не тужить...

Яблоко...

Ради него вся канитель и затевается.

Или это груша? Персик?

Самые лучшие персики я ел когда-то в Крыму, в Каче. Никаких отелей на берегу моря тогда в Каче не было. Была Кача дыра-дырой, но на маленьком базаре продавались удивительно вкусные персики. Размером с голову рембрандтовского Ганимеда.

В Качу начальство обсерватории разрешало сотрудникам и студентам раз в неделю ездить на казенном грузовике... искупаться... развеяться... и полакомиться персиками.

Я ухаживал тогда за одной прелестной татарочкой. Ее ноздри напоминали мне ноздри породистой арабской лошади, а ее глаза — глаза газели (сейчас я бы написал — глаза Софии Бутеллы или Евы Грин).

Но сколько я ни пытался влюбить ее в себя, ничего у меня так и не получилось.

Мне было шестнадцать лет. Чтобы не сойти с ума от неразделенной любви, я покупал в Каче персики и ел их без перерыва, пока моя любимая купалась в море и кокетничала со студентами-астрономами. В результате у меня начался понос.

А груши? Где ты ел самые вкусные в твоей жизни груши?

В Абхазии, конечно. В довоенной Абхазии, на пляже в Новом Афоне.

Ты лежал на мелкой гальке... как тюлень... на утреннем солнышке. С моря дул легкий теплый ветерок. Рядом с тобой лежала худенькая девушка Олечка, твоя тогдашняя возлюбленная, мы осторожно ласкали друг друга и ели тающие во рту груши. Подошвы наши омывали пеной Афродиты волны.

Мы догадывались, что лучше этих быстролетающих минут — ничего в жизни не будет. Но это не печалило наши молодые сердца.

Не будет? Ну и шут с ним! Посмотрим еще...

— Что ты сейчас себе представляешь?

— Боюсь тебе не понравится, милый.

— Мне все понравится. Говори.

— Я представляю себе, что работаю в борделе. И беру в рот у всех его посетителей. И они кончают в меня. Прежде чем уйти в отдельные кабинеты с женщинами по своему выбору и продолжить дело. А что ты себе представляешь?

— Это тебе точно не понравится.

— Не честно. Я сказала правду, говори и ты.

— Я представляю себе, как совокупаюсь с еще не рожденными детьми, лежащими в утробе матери.

— Господи! Я шлюха, а ты маньяк. Чудесная парочка.

За завтраком Ми сказала мне: Неужели ты на самом деле представлял себе что-то подобное?

— Да. Но это не мечта и не желание, это эхо. Отражение. Усиленное и искаженное дьявольской резонансной машиной самораствления. Ради всех античных богов, не подумай, что я бы хотел осуществить что-то подобное в действительности. Мне ведь и в голову не приходит, что ты на самом деле хочешь работать в борделе. Беременные женщины не вызывают во мне ничего, кроме сочувствия и желания помочь донести до дома сумку. Не родившиеся дети и младенцы — внушают ужас. Жутко осознавать, что жизнь этих крохотных существ висит на волоске.

— А дети постарше — вызывают у тебя сексуальное желание?

— Роешь глубже? Золотую жилу ты там не найдешь, не надейся. Я согласен с твоим любимым Набоковым, молоденькие девочки — с девяти и до двенадцати лет — могут быть нимфетками, астрально-сексуальными существами... но меня к ним не тянет. Кроме того, они обычно ужасные стервы. Не тянет меня и к молодым девушкам. Они стерильны как чистые листы бумаги. Или кузнечики. О чем с ними говорить? Мне нравятся женщины постарше. Имеющие жизненный опыт. Такие как ты. Я без ума от твоей груди, от рук и губ...

— Убедил. Конец дискуссии. Поедем сегодня куда-нибудь?

— Конечно. Как всегда?

— Как всегда. Только вот гроза собирается. Парит. Как бы под сильный дождь не попасть.

— А если и попадем. Не сахарные, не растаем.

«Как всегда» означало следующее. Мы шли на центральный автобусный вокзал нашего города, находящийся в полукилометре от дома Ми. И садились там в первый автобус, отправляющийся в сторону Рудных гор. Минут через двадцать-тридцать-сорок мы выходили. Черт знает где. Выходили, если нас чем-то привлекала окружающая местность. Если видели невдалеке густой еловый лес, заросли ежевики или малины, вход в заброшенную шахту, старинную церковь, каменную стену с растущим на ней диким виноградом и маленькой дверью, ведущей в покинутый хозяевами сад, башню, замок, озеро, манящую своей зеленой протяженностью долину, речку с плотиной, невысокую гору с крестом на вершине или деревенское кафе с смешной пивной кружкой и бронзовой форелью на вывеске.

Старались только избегать известных нам мест, в которых располагались хранилища радиоактивных отходов, смертоносное наследство печально известного комбината «Висмут», раскинувшего свои щупальца от Кёнигштайна до Цвиккау.

И в этот раз мы вышли из автобуса, направляющегося в сторону города губных гармошек и бандонеонов Клингенталя, минут через тридцать езды по живописной дороге. Вышли, потому что во мне что-то ёкнуло и внутренний голос прошептал: Пора выходить.

Мой внутренний голос обычно молчит, я не шизофреник. Поэтому, услышав его, я удивился и мысленно спросил: Эй ты, всезнайка! Что мы тут забыли? Дорога, как дорога, со всех сторон — лес.

Голос разозлился.

— Сказал выходить, значит выходи, болван. Как же неприятно говорить с дураком.

— Не ругайся, ты ведь тоже я. Лучше дай зацепку, куда идти, чего искать.

— Я не ты, и не надейся. Терпеть не могу эти командировки. Как будто мне больше всех надо... Идите вперед, потом сверните направо. И топайте по грунтовой лесной дороге пока не дойдете до дома с оленьими рогами. Зайдите в дом. Там вас ждут.

— Кто нас там может ждать? Рюбецаль?

— Делай то, что тебе говорят, бестолочь.

Все мои дальнейшие попытки разговора с внутренним собеседником успехом не увенчались. Мы вышли на следующей остановке и пошли вперед.

Ми спросила: Что это ты бормотал там, в автобусе? Говоришь с самим собой? Безумствуешь потихоньку? Лучше скажи, а то потом зарежешь меня в лесу и смоешься. Я боюсь. У тебя перочинный ножик с собой?

— Нет, дома оставил. Но зачем же непременно резать? Можно и задушить. Или столкнуть в пропасть.

— Не говори так, это меня пугает. И рожи жуткие не строй, у тебя и так лицо...

— Что у меня за лицо?

— У многих местных жителей оно не вызывает доверия. Помнишь того коротышку, писателя-очкарика, Харальда, который работает смотрителем у Вернера в галерее?

— Помню.

— Так вот он недавно увидел меня на рыночной площади, я там покупала ореховый сыр прямо под статуей Роланда, подбежал, за руку схватил, глазами засверкал и прошептал на ухо: Зачем ты связалась с этим русским? Что ты в нем нашла? Он же паршивый эмигрант... назойливый, жадный. И невежа. Картошку разглядел на гравюре Дюрера.

— Какой мерзавец! Я сто раз признавал, что ошибся. И устно, и печатно. А мне все тыкают и тыкают этой проклятой картошкой в харю. В следующий раз, если встречу его, дам ему по уху. Хочу, чтобы он упал и кусал своими гнилыми зубами асфальт от боли. Скотина.

— Размечтался, садист... Не советую тебе на него нападать. Харальд очень злой. Носит с собой опасную бритву. Показывал мне. Сделана в Золингене. У него мания преследования. Считает, что все его предали... обманули и обокрали... подозревает, что его хотят убить. Подойти сзади и... поэтому он все время оглядывается. Харальд везде рассказывает, что один писатель, чуть ли не Гюнтер Г., украл у него идею романа, за два месяца его написал и выгодно продал. А он сам трудился над этим романом чуть ли ни тридцать лет, но ни одно издательство его не напечатало. Потому что роман «слишком мрачный». Наверное, так и есть. А тебя он считает везунчиком. Завидует жутко. Из-за того, что о тебе газеты пишут, а о нем нет. И из-за меня. Он ведь ко мне еще много лет назад клеился. Но я его и близко не подпустила. Потому что он зануда.

— Да... если кто зануда, то это на всю жизнь. Так утверждал Спиноза. Или Гегель. Или оба.

— Держу пари, ты не читал ни того, ни другого.

— Конечно не читал, еще чего. Если много читать — рога вырастут. Так в Библии написано.

— Ты и Библию не читал.

— Опиум для народа.

Минут через десять — свернули направо и зашагали по лесной дороге. Болтали и дурачились. Передразнивали общих знакомых и политиков. Идти было легко, дорога шла под гору.

Ми то и дело останавливалась, замолкала, рассматривала муравейники, наблюдала птиц, гонялась за бабочками, ловила синих жуков, показывала пальцем на деревья и несколько раз громко повторяла их немецкие названия. Чтобы я запомнил. А у меня уже тогда память была дырявая. Зря старалась. Я путаю бук с платаном, а осину с клёном.

Минут через сорок Ми спросила: Куда это мы собственно направляемся? У тебя, что, есть цель? Обратного придется в гору тащиться.

Рассказал ей про внутренний голос и дом с оленьими рогами.

— С оленьими? Внутренний голос тебе сказал? А что он еще тебе сказал? Что в этом доме ковчег Завета хранится или ваша баба Яга живет? Боже мой! Ты что, спятил? Ты будешь в падучей биться, а я даже скорую помощь вызвать не смогу, тут телефона нет (все это происходило еще до появления мобильных).

— Я не спятил. Причем тут баба Яга? Если через полчаса не увидим дом с рогами, повернем назад. Пойдем потихоньку, часа за два дотащимся до остановки. В шесть часов будем дома. Ты мне приготовишь пиццу с салями и шампиньонами. Лежит у тебя в морозилке. Сваришь какао.

— Пицца — для гостей. А тебе приготовлю штраммер Макс. Чтобы ты вконец не ослабел. Купила вчера вечером свежий фарш у знакомого мясника за углом, рядом с итальянским кафе.

— Знаю я твоего мясника, у него на мясе зеленые мухи ползают.

— Нет у него на мясе никаких мух.

— Нет есть, я сам видел.

— Тааак... может, повернем назад прямо сейчас? Как бы чего не вышло.

— Дай мне еще десять минут.

— Хорошо, я засекла.

Ми значительно посмотрела на свои часики с несколькими маленькими бриллиантами на сапфировом циферблате. Подаренные ей ее вторым мужем, человеком состоятельным, с которым она рассталась из-за меня, художника с пустыми карманами. И взбрыкнула как молодая лошадка.

В этот момент мы заметили, что нам навстречу по лесной дороге поднимается человек. Высокий мужчина... с ружьем в руках. В тирольской охотничьей шляпе с пером. В кожаных штанах, темно-красной рубашке и черном бархатном жилете с многочисленными карманами. Лица его было не разглядеть.

Ми прижалась ко мне как испуганная собачонка. И завиляла хвостиком.

— Одет он странно. Только не вздумай с ним заговорить. Он заметит твой акцент и непонятно что подумает. Они все иностранцев ненавидят... Может и из ружья пальнуть. Прикончит нас с тобой и в землю зароет. Кто нас найдет? А меня, перед тем как убить, еще и изнасилует.

— И не мечтай!

— Это черный охотник, я знаю.

— Что ты несешь?

— Ты не отсюда... А мне мама рассказывала, что по горам бродит по ночам черный охотник, он убивает людей и забирает их души. Живет он в заброшенной шахте, где раньше аметисты добывали. Я его в детстве видела... на каменоломне... он стоял на огромном валуне и пристально смотрел на меня... с ружьем... мы туда бегали окаменелости собирать, когда рабочие уходили. Видел аммонит у меня на полке? Это оттуда.

— Ты же вроде говорила, что у немцев нет души, примеры приводила...

— Одно дело в галерее чушь молоть после фуршета, совсем другое — тут, в глуши по лесу рыскать. Вон он, прямо на нас идет...

Когда между нами и охотником было метров двадцать пять, мы с ужасом поняли, что у него вместо человеческого лица — волчья морда. Оборотень!

Запаниковали. Хотели было в лес убежать...

Но человек в тирольской шляпе быстро поднял свое оружие, мгновенно прицелился и выстрелил. В меня. Я ощутил страшный удар в грудь. И боль. Упал на спину. Последнее, что слышал — второй выстрел. Он явно предназначался моей спутнице, бешено визжащей Ми.

Трудно поверить в то, что произошло потом. Даже мне самому поверить трудно, а скептически настроенный читатель, наверное, и читать дальше откажется. Вольному воля...

Да-да, мы очнулись через какое-то непродолжительное время. Стояли все на той же лесной грунтовой дороге, непонятно куда ведущей. Тени от деревьев не удлинились. Парило. Но гроза так и не началась.

Осмотрели друг друга, ни крови, ни пулевых отверстий не обнаружили.

Человек с ружьем исчез.

Ми обняла меня и спросила: Что с нами случилось, милый? Обморок? Затмение? Галлюцинация?

— Не знаю. Слушай, мы на завтрак случайно никаких грибов не ели?

— Ты серьезно? Какие к черту грибы?

— Ты в кофе ничего не подмешала? Я тебя знаю, ты колдуешь с травами.

— Ты что, ошалел? Я колдую?

— Не сердись, я пошутил.

— Шуточки у тебя...

— Может быть, мы умерли?

— Не похоже, — прошептала Ми и поцеловала меня в губы. Упругий ее язычок обвился вокруг моего языка...

Тут мы оба заметили дом с оленьими рогами.

Чуть в стороне от дороги — неожиданно открылась широкая поляна, на ней возвышался дом... каменный, трехэтажный, солидный. С островерхой крышей, башенкой и большим полукруглым балконом на втором этаже.

Кто тут, в лесу, построил такой домище? Тут ведь нет ни канализации, ни водопровода, ни электричества, ни телефона.

Над входными дверями дома были укреплены три оленьих черепа с ветвистыми рогами. На одном из рогов висел как погремушка скелет какого-то неизвестного мне зверя, енота или барсука. На другом роге — болталась голая фарфоровая кукла с большими злыми глазами и оторванной ногой. На балконе валялось разбитое колесо от телеги, запачканное чем-то красным, и сломанная газовая плита на четыре горелки. Дверца в духовку была открыта, казалось, что оттуда, из темноты, на нас кто-то смотрит.

А в остальном — обыкновенный дом, таких тут сотни.

И крыша и стены его были покрыты темным натуральным шифером, типичным для многих построек в Рудных горах. Не очень тонкая работа. Превращающая здание в подобие чешуйчатого дракона.

В одном из окон мы заметили силуэт ксеноморфа. Так нам показалось. Фильм Ридли Скотта «Чужой» мы вместе неделю назад смотрели по телевизору.

— Слушай, крошка, давай сделаем отсюда ноги, пока целы. Неизвестно, кто в этом ведьмовском гнезде живет. Может тут людоеды обосновались. А у меня даже перочинного ножика нет...

— Я хотела предложить тебе то же самое.

Мы повернулись и быстро пошли назад, к остановке.

Ничего у нас не вышло. Неведомая сила остановила нас, развернула и заставила идти к дому. Через минуту мы уже стояли на крыльце перед тяжелой входной дверью с резными вставками. На одной из них мы распознали сцену охоты на вепря. Элегантно одетый охотник стрелял из старомодного ружья в убегающего зверя, за которым гнались собаки. На другой — наоборот, несколько свирепых

вепрей преследовали охотника. Шансов у него не было. Ружье он бросил. Собаки его валялись на земле. Растерзанные.

Мы решили покориться судьбе. Я постучал.

Дверь бесшумно открылась. Мы вошли в дом.

И оказались в просторном зале, заставленном странными статуями на небольших пьедесталах.

Кроме статуй, в зале ничего не было. Никакой мебели. Жалюзи на окнах были закрыты. Освещался зал шестью напольными светильниками — в форме аметистовых чаш на высоких подставках. В чашах этих бурлила зеленоватая светящаяся жидкость. Пахла она чем-то восточным, дурманящим. Миррой?

Откуда-то снизу доносился мерный гул. Как будто в подвале дома работал электрогенератор... и не один.

Нет, это не генераторы, там внизу... находились машины посложнее.

Статуи... отлитые из неизвестного мне материала вроде стеклопластика... двухметровые нагие женские фигуры в полный рост были соединены многочисленными кожаными или резиновыми трубками с пьедесталами. Трубки эти выходили из всех отверстий женского тела, даже из сосков и глаз. По трубкам явно что-то текло. Статуи судорожно подрагивали, казалось, что они живые.

Тела этих пластиковых самок были деформированы, настоящей человеческой плоти в них похоже было немного или не было вообще, ее заменяли обтянутые эластичной кожей-оболочкой механические конструкции. Позы этих загадочных существ, их внешние формы подчеркивали состояние иступления... длящегося оргазма... экстаза. Экстаза, в котором высшее наслаждение тела сопрягалось с болью.

Что это?

Современное искусство?

Фантазия больного гения-сатаниста?

Или искусственные люди, созданные в лаборатории вневременной расы?

На мою подругу эти фигуры произвели тяжелое впечатление. У нее округлились глаза и дрожали руки.

— Что это за скульптуры... или это живые существа, скажи.

Пришлось быстро придумать объяснение. Хотя я знал не больше, чем она. Но таково было мое предназначение. Уже несколько лет я разыгрывал с Ми роль любовника-болтуна, который все знает и бесконечно разглагольствует. Болтовня моя, как это ни странно, спасала нас от принятия непростых решений... непостижимым образом освобождала от ответственности, от уз брака, необходимости завести и воспитывать детей, от совместной покупки недвижимости и прочего.

Жизнь не брала нас за горло необходимостями, а растекалась во все стороны капельками-словами... мы сознательно пробалтывали жизнь. И оба испытывали от этого облегчение.

Да, Ми работала в своем бюро, заботилась в меру сил о гигиене и экологии Саксонии, а я рисовал, устраивал выставки, но единственным по-настоящему серьезным делом, которым мы с ней регулярно занимались по несколько часов в день — было совокупление. Во время которого мы не только любили друг друга, но и наслаждались сексуальными фантазиями разного рода, от невинных, до извращенных, неслыханных, сумасшедших, даже преступных, которыми редко делились друг с другом. При этом мы были уверены, что фантазии эти — не наши вовсе. Что для нас открыт канал в мир космической эротики, созданный демидургами вместе с Эдемским садом.

— Похоже, это люди будущего. Постепенно мы все превратимся в таких биомеханических монстров. Потеряем

внутренние органы... Если конечно, мы и дальше пойдем по тому пути, по которому идем сейчас. По пути уничтожения органического мира и бесконтрольного размножения. Люди станут статичным придатком машин по производству и переливанию крови и прочих телесных жидкостей. Мир людей будет прост, в нем не будет динамики, событий, судьбы... мы все будем, как фигуры в этой комнате, держаться в вечном, непрекращающемся никогда оргазме.

— Ужас!

— Полагаю, многие и сейчас бы согласились перейти в такое состояние и охотно заняли бы место на пьедестале в этой комнате.

Ми потрогала ребристое плечо одной из статуй. И тотчас трубки, входящие в глаза статуи, вышли оттуда, и мы увидели ее неестественно большие зеленоватые зрачки. Ми застыла, как загипнотизированная.

Между тем остальные трубки тоже вышли из тела этой женской фигуры и втянулись в пьедестал. Исчезли в нем, как мышцы исчезают в норах.

И вот, это удивительное существо соскочило с пьедестала и...

И превратилось в Ми. Стала ее копией, клоном. Это касалось и тела, и волос, и одежды, и обуви.

Две совершенно одинаковые Ми смотрели друг на друга.

Я был так потрясен, что не мог произнести ни слова... не мог даже переступить с ноги на ногу.

Затем одна из двух Ми влезла на пьедестал и превратилась в нагую пластиковую фигуру. Из пьедестала вылезли как умные змеи, трубки, и вошли в соответствующие отверстия. До меня не сразу дошло, что мою подружку на моих глазах заменили искусственным существом.

Что я мог поделать?

Попытался потрогать Ми, стоящую на пьедестале.

— Настоятельно не советую вам это делать. Не трогайте ее. Вы не знаете, с кем имеете дело.

Со мной говорил мужчина с волчьим лицом. Охотник. Ружья у него в руках не было. Не понимаю, почему я не заметил, как он вошел в зал.

— Что вы с нами сделали там, на дороге? Убили?

— В каком-то смысле да. Но вы существуете, не правда ли? А ваша новая старая подруга стоит рядом с вами. И смею вас заверить, она ни в чем не хуже оригинала. Будет вас любить так же, как любила Ми. И никогда не состарится.

— Зачем все эти метаморфозы?

— А это, милостивый государь, вопрос не ко мне.

— А к кому же мне стоит обратиться?

— Как вы нетерпеливы. В свое время вы получите ответы на все ваши вопросы. А сейчас прошу вас проследовать за мной на второй этаж.

После этого он шепнул в сторону: Лестницу подайте.

И сейчас же, как по волшебству, перед нами появилась шикарная мраморная лестница с мраморными же перилами.

Когда я поднимался по лестнице, новая Ми шла чуть позади меня, справа. Также ходила и старая Ми. Я вспомнил клонированную овечку и спросил: Можно ли мне называть тебя Долли?

— Конечно, милый, называй меня как хочешь.

Голос ее был такой же, как у Ми, только с лёгким отзвуком металла.

И еще... я заметил, как после моего вопроса — она бросила на меня исподтишка взгляд, полный высокомерного презрения. Моя Ми никогда так на меня не смотрела. Мы уважали и ценили друг друга. Очевидно, человек с волчьей мордой лгал.

Когда мы вошли в зал на втором этаже, лестница исчезла.

Ставни и на втором этаже были закрыты, тут тоже стояли чаши-светильники на высоких подставках. В этих яшмовых чашах кипела синеватая жидкость. И она тоже светилась, но пахла иначе. Горьким миндалем.

В этом зале были только четыре мужские статуи. Также соединенные с пьедесталом трубками. Мне они показались даже более гротескными и жуткими, чем нагие женские фигуры на первом этаже.

— Заменяли мою спутницу, теперь хотите заменить и меня?

Охотник осклабился, насколько это позволяла его волчья морда.

— Да, теперь ваш черед. Но у вас, в отличие от вашей спутницы, есть выбор. Перед вами четыре милейших представителей человеческой расы, воссозданные нашими техниками в форме биомеханических существ. Вы должны выбрать одного из них.

Получить его тело и поучаствовать в одной из особых игр, которую задумали... Назовем их ОНИ. В это время ваш двойник вместе с двойником вашей любимой подруги продолжит жить вашей обычной жизнью в городе К. Не стоит строить иллюзии... то, что для вас является «обычной жизнью» — тоже лишь одна из их игр. Добавлю от себя — одна из многих. Не самая интересная, зато долго длящаяся. Для вас. Их время течет по-другому, они научились им управлять. Еще до того, как произошло то, что вы называете Большим Взрывом.

— Как я полагаю, моего согласия на участие в игре не требуется? Все решено, и мне остается только подчиниться?

— Боюсь, дело обстоит именно так. Но я не стал бы расстраиваться. Если игра пройдет без сучка, без задорин-

ки, вас щедро наградят и спросят, хотите ли вы остаться с ними, или вернуться на Землю, в свое прежнее тело. И если вы захотите — скок-поскок, и вы вернетесь на ту самую грунтовую лесную дорогу, за мгновение до того, как вы увидели меня. Ни меня, ни этого дома вы тогда не увидите, и сможете и дальше продолжить вашу, как вы сами сегодня выразились, рутинную жизнь.

— И на том спасибо.

— Пожалуйста. Мы заболтались, а дело не терпит. Прошу вас, встаньте тут. Перед вами... герцог. Человек редкой жестокости и похотливости. Настоящий жеребец. Убийца. Трус. Очень рекомендую. Далее. Епископ, его брат. Тот еще подонок. А вот и судья. Долговязый и крепкий. Насильник и убежденный кровосмеситель. И последний, возможно самый гнусный из всех четырех, банкир. Пассивный педераст. Вампир и садист. Подробности я опускаю, ведь вы конечно читали незабываемую книгу маркиза.

— Читал по диагонали. Плююсь от отвращения. Сколько же можно описывать ягодицы и казни? Тошно.

— Плевались, но читали. И даже пробовали рисовать иллюстрации. И не без успеха. Было?

— Было.

— Благодаря вашим милым фантазиям и этим самым иллюстрациям вас и выбрали на одну из ролей. Скажите самому себе спасибо.

— Все эти рисунки я уничтожил. Сжѐг.

— Должен вас разочаровать, ничего из сказанного, написанного, нарисованного, придуманного, нафантазированного, задуманного и совершенного или не совершенного людьми — не остается скрытым от игроков. Не забываете, что, хотите вы этого или нет, вы остаетесь рыбками в аквариуме или... пешками на шахматной доске, пардон, на вашей прекрасной планете, которая благодаря дружным усилиям человечества совсем скоро пре-

вратится или в пылающую Венеру или в безжизненный Марс. Так что, кого вы выбрали? Кем хотите побыть следующий эон?

— Хотел бы побыть самим собой.

— Вы так говорите, потому что сами себя не знаете. Или знаете, но не хотите в этом признаться. Что, впрочем, не ново. Почти все ваши коллеги, двуногие бескрылые — живут в вечном самообмане.

— А что будет, если я все-таки откажусь становиться персонажем романа маркиза?

— Боюсь, это кончится печально.

— Есть ли у меня время подумать?

— Есть. Садитесь вот тут, на диван, рядом с вашей подругой и думайте. У вас пятнадцать минут.

Человек с мордой волка быстро проговорил куда-то вбок: Диван подайте. И столик.

И тотчас перед нами появился удобный бордовый диван с бархатными подушками...

А рядом с диваном — журнальный столик. На этот столик он поставил большие старинные песочные часы.

Я сидел, вспоминал свою жизнь и смотрел на струйку песка, падающую на пирамидальную горку.

Мне почему-то только сейчас стало ясно, что жизнь моя была вовсе не такой нудной, рутинной, какой часто мне казалось. Да и сам я не был таким плохим человеком, каким все время себя чувствовал. И что закончить жизнь, исполняя роль распутного мерзавца в пьесе-игре каких-то вземных игроков, было бы ниже моего достоинства.

Время шло и шло. Почти весь песок высыпался.

Новая моя подруга Долли гладила меня шершавой ладонью по щеке и причитала: Ничего, ничего, все могло быть гораздо хуже. Выбери кого-нибудь и согласишься. А после игры ты получишь свою награду. Посмотри, сверху падают последние песчинки.

Я вздохнул, сжался, заставил себя встать... взял со столика тяжелые песочные часы и подошел, покачиваясь, к фигуре банкира. Затем размахнулся и как мог сильно ударил часами по пластиковой морде. Трубки с шипением вылезли из статуи, биомеханический банкир зашатался и упал на мраморный пол... я схватил его, поднял и начал крушить его телом остальные статуи и светильники.

Никто мне не мешал. Долли сидела на диване и не двигалась, как будто окаменела.

Охотник стоял в дальнем углу комнаты и делал вид, что смотрит в окно.

Когда все статуи и светильники лежали на полу, он щелкнул пальцами и все в комнате стало опять таким, каким было до моей яростной атаки.

Последняя песчинка с грохотом упала на песчаную пирамидку в песочных часах.

Человек в тирольской шляпе пробурчал: Я все еще ожидаю от вас ответа.

Собрав мои последние силы, я крикнул: Полижи мне задницу, сволочь, сгори в аду.

* * *

Ми спросила: Пойдем сегодня куда-нибудь?

— Давай погуляем в городе. Я слышал, что в кинотеатре рядом с сберкассой, в котором восемь залов — большой выбор комедий. Посмотрим фильм, поедим мороженое, может быть на лодке по Замковому пруду покатаемся.

— Отличная идея.

— И еще... все, что я тебе плел про мои сексуальные фантазии, — не более чем вранье с претензией. Просто не хотел тебе признаваться, что во всех интимных делах я примитивен как таракан, нормален... такой же как все. Хотел выглядеть интересным, загадочным, жутко порочным...

— Ничего, и такой сгодишься. И пожалуйста, приберись в кухне и помой посуду, мне надо накраситься, в кино можно старых подружек встретить.

Проговорив это, Ми вышла из кухни в коридор, в одно мгновение превратилась в биомеханическую пластиковую куклу, показала мне огромный овечий язык и заблеяла.

КРУИЗ (рассказ-инсталляция)

Один мой дальний родственник со стороны разведенной жены совершил недельный круиз по Карибскому морю на только что спущенном на воду лайнере «Икона морей» (не правда ли, дикое название?). Рассказывал мне об этой поездке с восхищением. Брызгал слюной.

Мы встретились случайно на улице Унтер-дер-Линден. Я так и не вспомнил, как его зовут. С трудом выслушал его излияния.

— Ты бы конечно сказал — китч, смесь Лас-Вегаса, Диснейленда, контейнеровоза и сумасшедшего дома... а я тебе скажу, что для семейной пары с двумя детьми ничего лучше и придумать нельзя. Шесть огромных водных горок, бассейны, рестораны, кафе, бары, магазины, аттракционы, аквапарк, цирк, театр, кино, фитнес-клуб, массаж, спа, казино... Викторины всякие, шоу, концерты... Сёрфинг на стоячей волне. Мы с детьми «Волшебник из страны Оз» посмотрели. Даже стена для скалолазания есть на корабле. Подвесная канатная дорога, ледяной каток и водопад. Каюты удобные, с балконом. Какие там закаты волшебные! Мина от умиления плакала. И везде так весело, празднично, музыка играет. А в центре корабля — жемчужина громадная. Красками переливается. Команда улыбается. Гости улыбаются. Повара и стюарды чистые, довольные, кланяются, танцуют. На прощанье нам с женой подали по коробке шоколадных конфет, а детям — игрушки. Слоника и пожарную машину.

— Я бы от одной музыки на стену для скалолазания полез. А сладости я не ем.

— Подарил бы кому-нибудь... Хотя, что это я... Ты всегда был бобылем и нелюдимом. Людей не любишь, жила!

— Какой есть.

— Ты не понимаешь... на этом корабле есть все, что только можно пожелать...

— Да ну?

— Все, все, что может пожелать себе в отпуск обычный много работающий человек. Плавучий райский сад.

— Для меня этот корабль был бы адом. Я бы там и часа не выдержал.

— Ну конечно, мы же особенные... мы с Марса прилетели. Бирюк! Для таких как ты старых сычей с претензиями, кстати, есть свои круизные лайнеры. Тихие. Без музыки, аттракционов и аквапарков. У них свои маршруты. Например, вдоль побережья Аляски и Канады, по Северному морю и норвежским фьордам. Говорят, там красоты неземные. Ледники... Только дорого страшно, холодно, туман, дождь... и море штормит. Волны чуть ни двадцать метров высотой. А в Карибском море — как в луже. Мы и волн никаких не видели. Вода изумрудная. Песчаные пляжи.

— Это до первого урагана...

— Ты всегда только ложку дегтя замечаешь, а бочку с медом — нет.

— Такова уж моя планида, как говорил Нострадамус.

— Кто?

Дурацкий этот разговор запал мне в душу.

Нет, конечно, мне и в голову не приходило прокатиться по Карибскому морю на туристическом корабле с водяными горками... в пластиковом раю для семи с половиной тысяч человек. Даже для наблюдения современных нравов — я на такой подвиг не решился бы.

Но Северное море, фьорды, ледники, тишина, сумерки, меланхолия... это совсем другое дело.

Уже через два месяца я наблюдал в бинокль звезды с верхней, прогулочной палубы «Принцессы Дианы», английского корабля под панамским флагом, совершающего круизы вдоль побережья Норвегии.

Это относительно небольшое судно, в сотне комфортабельных кают которого на третьей и четвертой палубах размещаются около двухсот пассажиров. Самая дешевая каюта стоит больше десяти тысяч долларов.

Мой круиз оплатили спонсоры.

— Тебе надо оторваться от твоей берлинской жизни и развеяться. Иначе окончательно слетишь с катушек. А мы расходы с налогов спишем. Отдыхай, расслабляйся. Посмотри на звезды, прикоснись к вечности.

Вот я и смотрел...

Большинство пассажиров «Принцессы Дианы» составляли престарелые зажиточные снобы, ценящие покой и одиночество, любители северной природы. Каждый третий из них был фотографом-любителем, мечтающим запечатлеть на крупноформатной фотографии северное сияние, тающие ледники или похожие на обрезанные острым лезвием горы взбитых сливок айсберги.

Никаких аттракционов, магазинов и аквапарков на этом корабле действительно не было. На верхней палубе стояли рядами шезлонги и кресла. Отсюда зачарованные гости часами глядели на небо, на море и на горы.

Были среди нас и уфологи. Прекрасно экипированные фанатики своего дела. Не много, человек восемь. Они привезли с собой специальные камеры с углом обзора в 360 градусов. Камеры эти были установлены на массивные двухметровые штативы, привинченные к полу верхней палубы. Снимали они небо от горизонта до зе-

нита. Каждую секунду. Круглосуточно. Но летающие тарелки не появлялись. Природа ревниво соблюдала свои законы.

В уютной кают-компании с картинами художников-маринистов на стенах стоят столы и стулья из благородного дерева. Столы привинчены к полу. В штормовую погоду понятно, зачем.

Там пассажиры принимают пищу, пьют чай и кофе, ведут между собой светские беседы. Фотографы обмениваются сегодняшним уловом. В основном это пейзажи. Крутые горные склоны и обрывы, зеркальная поверхность воды, слоистые лиловые облака, домики, яхты, кораблики и многочисленные водопады — «Семь сестер», «Жених», «Фата невесты».

Еду и питье можно попросить принести и в каюту. Некоторые пассажиры-мизантропы за все четырнадцать дней нашего путешествия так ни разу и не появились в кают-компании. Их можно понять. Люди давно осточертели друг другу.

Обсуждать нечего, все ясно.

Вечерами кают-компания превращается в бар и танцзал.

Небольшой корабельный оркестр играет классический джаз.

В десять вечера оркестр замолкает, бар работает до двенадцати. Немногочисленных его посетителей вежливо, но настойчиво просят не шуметь.

Кроме этой, общей, кают-компании, на корабле есть еще три помещения для гостей. Для карточных игроков, любителей кино и курильщиков.

Кинозал разбит на специальные ячейки, в которых можно посмотреть фильмы на заказ на широких мониторах. Или новости. Или спортивные передачи. В наушниках, разумеется.

Зал для курильщиков оборудован всеми современными средствами пожаротушения и активной вентиляции. Курить на корабле вне этого зала строго запрещено. Капитан Клингер безумно боится пожаров. Сам он не курит, не пьет, не ест мясо и не носит ни бороды, ни усов. Про него говорят, что он — потомок знаменитого художника Макса Клингера. На стене в его каюте висит копия одной из лучших картин мастера — «Голубой час».

Три обнаженных девушки — на камнях. Позади них — спокойное море. У стоящей слева девушки — руки за головой, она задумчиво смотрит в небо. Левый бок ее — от локтя до стопы — инкрустирован красноватыми отблесками невидимого костра. Девушка в середине картины — лежит на скале как на диване. Она смотрит вниз, на воду. Ее большая и в меру эротичная попа похожа на Луну с надрезом. Девушка справа сидит, прижав щеку к бедру правой ноги чуть выше колена. Она меланхолично глядит на костер, щедро покрывающий и ее кожу живописными оранжево-красными пятнами.

Люди конца девятнадцатого века находились в томительном ожидании расцвета цивилизации. И, как известно, дождались... не прошло и пятнадцати лет после наступления нового столетия.

Карточный зал открыт всю ночь.

Круиз наш был особенным. Из-за опасности эпидемии коронавируса «Принцесса Диана» не заходила ни в какие порты. Две недели пассажиры должны были оставаться на борту корабля. Покинуть корабль они могли только в экстренном случае. Все мы были предупреждены — если эпидемия разразится на корабле, или об этом просто поползет слух, то ни один норвежский или другой порт нас не примет. Никому неохота умирать. Или стать

свидетелем мучительной смерти от удушья своих престарелых родителей. К счастью ничего подобного не произошло.

Произошло другое — таинственное исчезновение с «Принцессы Дианы» двух человек.

Мы отплыли из Эдинбурга третьего марта. Взяли курс на норвежский Берген, порт, расположенный в лабиринте фьордов.

По дороге попали в шторм. Слава Богу, волны не были слишком большими — нас слегка потрепало, но «Принцесса Диана» с честью выдержала испытание, а меня даже не тошнило.

Пятого марта мы вошли в систему фьордов.

Волнение тут было небольшое, пассажиры выползли из своих кают и жадно снимали своими Лейками открывающиеся со всех сторон экзотические ландшафты. А некоторые, как и я, неотрывно смотрели на небо, горы и воду в бинокли. Приобщались к вечности.

Что мы надеялись там увидеть? В небе — падающие звезды и северное сияние, в воде русалку или хотя бы кита, а в горах — одноглазого Одина с компанией валькирий.

Я еще не успел замерзнуть на открытой всем ветрам палубе, как ко мне подошел первый помощник капитана Джонсон, отвел в укромное место, представился и попросил пройти в каюту капитана. Я покорно пошел за ним. Первый помощник подвел меня к массивной двери, постучал. Похлопал меня по плечу и ретировался.

Капитан Клингер сидел за своим великолепным столом в стиле ар-нуво. За его спиной на стене висела та самая картина...

Длинные, породистые пальцы капитана барабанили по желто-красной поверхности махагони. Чувствовалось, что он нервничает, и... не совсем уверен в правильности своих действий.

Капитан жестом пригласил меня сесть, глубоко вздохнул, откашлялся и заговорил.

— Я пригласил вас сюда, чтобы попросить о помощи.

— Чем могу служить?

— Не знаю, с чего начать... видите ли, на моем судне никогда не происходило ничего подобного.

— Я весь внимание.

— Да-с... Сегодня днем мне сообщили, что с борта корабля пропала семейная пара — Карл и Паула Хофферы. Это богатые немцы, сделавшие состояние в Техасе и вернувшиеся на старости лет на родину. Об их исчезновении мне поведал стюард. Мы зовем его Томом, потому что его настоящее имя никто не может произнести. Так вот Том, рассказывая об исчезновении Хофферов, трясся от страха. Разузнать, что его так испугало, мне не удалось. Официанты, обычно обслуживающие Хофферов, подтвердили — семейная пара не появилась во время обеда в кают-компании. Это на них не похоже, сегодня главным блюдом были лобстеры, а они любят вкусную еду. Я приказал нескольким моим надежным людям тайно, не привлекая внимания гостей, тщательно обыскать весь корабль. Поиски результатов не дали. В последний раз Хофферов видели сегодня за завтраком. После еды они вернулись в каюту. Туда к ним кто-то заходил, другой стюард, проходя мимо двери в их каюту по коридору, слышал возбужденные голоса. Через какое-то время Хофферы исчезли. Бесследно. Возможно, прыгнули в ледяную воду и утонули. Или их кто-то выбросил за борт. Никто ничего не видел, не слышал. В каюте нет никаких следов борьбы. Или это самоубийство, или убийство, или... Не знаю, что и поду-

мать. Соседи Хофферов по столику — две состоятельные дамы из Майами — Ребекка и Рут (их фамилии должны остаться в тайне) рассказали мне, что Хофферы пребывали за завтраком в хорошем настроении, заказали икру и шампанское...

— Простите, капитан, все это очень прискорбно, но причем тут я? Я ведь не частный детектив и не полицейский, даже не военный, я только писатель... да еще и малоизвестный.

— По закону я должен после получения известия о пропаже гостей начать поиски. Или же прибыть в близлежащий порт и обратиться в полицию. Что это значит на практике? Развернуться и плыть туда, где мы были восемь часов назад? Ожидать там помощи береговой охраны? Да и вообще... Средняя продолжительность жизни человека в океане при такой температуре воды — минут пятнадцать, максимальная — час. Да и в порт нас не пустят. Все боятся эпидемии. Морские законы не соблюдаются. Никто никому не верит. Полиция на борт не прибывает. И еще... прерывать круиз — значит не только потерять деньги, но и заплатить гигантскую неустойку. Это разорит компанию. На меня уже давят. Пока я делаю вид, что ничего не знаю об исчезновении. Но долго так продолжаться не может. Завтра придется объявить о случившемся экипажу и гостям.

— И все-таки, при чем тут я?

— Кто-то должен взять на себя проведение расследования исчезновения супружеской пары. Хоть какого-то расследования. Три наших охранника на эту роль не подходят. Они хорошие и верные люди, но на умственные усилия не способны. Их работа на борту — следить за порядком, предотвращать бытовые конфликты между нашими гостями, охранять гостей на экскурсиях... это они умеют. Мои офицеры-китайцы ни к какой детективной

работе тоже не пригодны. Мой первый помощник, Джонсон, умный и проницательный человек, слишком занят корабельными делами... он постоянно дежурит на мостике. Я внимательно просмотрел список пассажиров. И обнаружил лишь одного человека, который мог бы при желании разгадать загадку исчезновения супружеской пары. И человек этот вы. Остальные заведомо не подходят. Руководство компании предлагает вам десять тысяч долларов только за то, что вы согласитесь попытаться за оставшиеся дни внести ясность в это дело. И пятьдесят тысяч — если ваше расследование будет успешным. Наш корабельный доктор Ганц согласился вам ассистировать. Кроме того, в случае вашего согласия, мы передадим в ваше полное распоряжение очень ловкого во всех отношениях матроса — Вишну. Я знаю его много лет и доверяю ему во всем. И еще, по всем второстепенным вопросам вам можно будет обращаться к мистеру Джонсону. Вот их внутренние телефоны. Капитан передал мне записочку.

Я замялся.

— Прошу вас, дайте мне часок подумать.

— Думайте, думайте. И пожалуйста, никому ни слова.

— Конечно. Да, забыл спросить... В каюту Хофферов заходил кто-нибудь после Тома?

— Только я и мой первый помощник. Но мы там ничего не трогали, только убедились, что там никого нет.

— Смартфоны Хофферов, их корабельные карточки нашли?

— И не искали.

— А по внутреннему мобильному телефону им звонили?

— Да. Связь с их мобильниками прервана. Это и дало основание предположить, что их нет на борту.

Пришел к себе в кабину, приоткрыл балконную дверь, лег на постель. Укрылся одеялом. Задумался.

Решил принять предложение капитана и расследовать исчезновение Хофферов, хотя и опасался, что оно — западня. Понимаю, это звучит безумно, но в моей жизни так уже бывало... я брался за какое-то дело, казалось бы, не имеющее ко мне никакого отношения. В результате все оборачивалось против меня.

Да... Почему-то я совсем не помнил Хофферов, хотя память на лица у меня превосходная. Капитану я не доверял... возможно, он что-то знает. Но специально не говорит, для того, чтобы потом, в случае форс-мажорного развития ситуации, все можно было свалить на меня, а самому выйти сухим из воды. Когда он рассказывал мне об исчезновении Хофферов, то не мог скрыть презрительную ухмылочку, а в его зрачках то и дело появлялись и пропадали разноцветные огоньки.

Ну что же, уговаривал я себя, все не так страшно, поговорим вначале с стюардом Томом, выясним, почему он трясся, затем с соседками Хофферов по столику в кают-компании. Посмотрим видеозаписи. Выясним, кто заходил к Хофферам после завтрака. Проверим, есть ли информация о Хофферах в интернете. Попробуем связаться с их родными... с адвокатом, нотариусом, психотерапевтом... с кем-нибудь. Может быть им позвонили и сообщили, что их акции обесценились после того, как они вложили в них все свое состояние, или что сгорело их единственное поместье вместе с тремя любимыми собаками и коллекцией яиц Фаберже, или что оба их сына и беременная невестка погибли в автокатастрофе... И они сгоряча...

А что, если все это розыгрыш? Коллективная игра, в которой все играют против одного. Против меня! Бред, бред... Но все возможно. Я слышал не раз о чем-то подоб-

ном. Богатые могут позволить себя такую гнусную забаву. Не все же время торчать на палубе, лакать шампанское, жрать икру и на водопады таращиться. Озвереть можно. А тут исчезновение... живая криминальная история... и идиот, который за смехотворную плату согласился корчить из себя Пуаро или Холмса и ведет свое бутафорское расследование, не замечая, что все над ним потешаются.

Капитан налил себе и мне коньяку. Шато де Монтифо. Я похвалил букет. Он тут же достал непочатую бутылку.

— Маленький подарок для вас!

— Мерси. Прежде чем окончательно принять ваше предложение, хотел бы уточнить, что собственно вы от меня ждете? Что конкретно.

— Я представляю себе это так. По окончании расследования вы приходите ко мне и рассказываете, что произошло с Хофферами. Вы должны быть твердо убеждены в том, что говорите. Я спрашиваю вас, есть ли у вас какие-либо материальные доказательства того, что все произошло именно так. Доказательства, имеющие силу в суде. Предположим, вы говорите — нет. Тогда мы расстаемся добрыми друзьями, вы сохраняете свои десять тысяч долларов, а я... как могу пытаюсь уладить дело. Хотя это будет не легко. Если же вы представите мне убедительные доказательства, например двойного самоубийства, то получите пятьдесят тысяч. Разумеется, тайно, наличными. Но в этом случае вам придется выступить свидетелем в коронерском суде.

— Ладно, я согласен. Пришлите ко мне этого вашего Вишну.

Капитан торопливо вручил мне пакет с деньгами. Я поблагодарил и вышел с пакетом и бутылкой коньяка в ру-

ках. Пока я шел по коридору, мне казалось, что я слышу со всех сторон глумливое хихиканье.

Вишну, маленький индус неопределенного возраста, появился передо мной в моей каюте — как будто из ниоткуда.

— К вашим услугам, мистер Сомна.

— Приведи ко мне сюда этого Тома, стюарда.

— Будет сделано.

Через пять минут Том уже стоял передо мной. Переминался с ноги на ногу.

— Как тебя на самом деле зовут?

Том выдавил из себя нечто нечленораздельное.

— Хорошо. А теперь скажи, когда ты пришел к Хофферам в каюту.

— Около одиннадцати утра. Их в это время обычно там нет, и я убираюсь, заменяю постельное белье и полотенца в ванной.

— Тааак. Ты постучал?

— Да. Но мне никто не ответил. Тогда я открыл дверь своей карточкой. Я всегда так делаю.

— Что ты увидел в каюте?

— Чудеса и ужасы.

— Чудеса и ужасы? А поконкретнее нельзя?

Том молчал и дрожал.

— Почему ты молчишь? Я тебе ничего не сделаю.

— Если я расскажу правду, вы мне все равно не поверите. А потом все свалят на меня. Скажут, что я убил старика и старуху. Меня выпорют и бросят за борт. Я переплыл пять лет назад Ла-Манш на резиновой лодке и с тех пор живу в Англии без документов. Работаю без контракта. Если я исчезну, никто не заметит.

— Слушай, Том. Я обещаю тебе, что ни я, ни Вишну ничего плохого тебе не сделаем. Чтобы ты ни рассказал, никто не будет тебя пороть или бросать за борт.

Том молчал.

Я попросил Вишну выйти из каюты. Тот покачал головой, усмехнулся и вышел.

— Ну вот, мы теперь одни. Говори. Что за чудеса?

Молчание.

— Ты не знаешь, кто заходил к Хофферам после завтрака?

Опять молчание. Мне уже осточертела эта комедия.

— Пошел вон.

Том посмотрел на меня полными слез коричневыми глазами и проговорил: Красные шары. Не берите в руки красные шары.

— Какие шары?

Том не ответил.

— Убирайся.

Том ушел. В каюту вошел Вишну.

— Сказал он что-нибудь?

— Сказал, не берите в руки красные шары.

— Нехорошо это. На колдовство похоже.

— Ладно. Колдовство, так колдовство. У тебя есть универсальный ключ?

Вишну кивнул.

— Хорошо. Пойдем в каюту этих Хофферов. Может быть, что-нибудь найдем.

В каюте исчезнувших стариков мне почему-то стало жутко.

Повсюду лежали их вещи. Сохранились их запахи. Пижамы, в которых они спали, были аккуратно сложены. Домашние тапочки ждали ноги своих хозяев. В ванной комнате на стеклянной полочке стояли стаканчики с жидкостью, в которых они, вероятно, сохраняли по ночам вставные челюсти. Зубные щетки были слегка измазаны бело-розовой пастой.

Казалось, что трехмерные тени Хофферов или их астральные, невидимые тела — все еще тут. Шныряют по каюте, ищут свои материальные оболочки и сердятся из-за того, что их тут нет. Я готов был поклясться, что слышу тихие голоса двух человек... мужчины и женщины...

Позвонил первому помощнику капитана и попросил прийти сюда и открыть сейф.

Джонсон прибыл незамедлительно. Он улыбался и доброжелательно хмыкал, этот долговязый англичанин. Посматривал на меня скептически. И он тоже что-то знает, но не говорит. Большая игра в расследование началась? Или он просто радуется тому, что можно сделать перерыв в нудной службе на мостике?

Джонсон носил на груди, на цепочке, специальную флеш-карту, которая открывала все сейфы на «Принцессе Диане». Все, кроме капитанского. Еще одна такая флешка хранилась у капитана.

Джонсон не стал досматривать содержимое сейфа Хофферов. Буркнул: Когда закончите, захлопните дверцу. И убежал.

Что лежало в сейфе Хофферов?

Два синих американских паспорта. Что-то около двадцати тысяч норвежских крон и пятнадцати тысяч фунтов. Роскошное жемчужное ожерелье в три нити. Сапфиновые серьги. Прекрасные, чистойшей воды большие камни были явно добыты на Мадагаскаре. Три изящных платиновых кольца с небольшими бриллиантами. И двое наручных часов фирмы Ролекс. Мужские и женские.

Я особенно впечатлен не был.

Вишну, не отрываясь, смотрел на сокровище.

Паспорта были в порядке. Не похожи на подделки. Хотя, откуда мне знать?

Положил деньги и драгоценности назад в сейф и закрыл его дверцу, а паспорта положил себе в карман.

После этого, не торопясь, обыскал каюту. Вишну мне помогал.

Чемоданы, сумки, сумочки.

В одной из сумочек — лежали два красных бильярдных шара. Те?

Откуда они тут взялись? Не послушал Тома, взял их в руки... они были теплыми... внутри них что-то мелодично звенело. Поющие шары!

Странно... шары как будто хотели вырваться у меня из рук. Один шар упал на пол, и мне показалось, что я услышал стон.

Чудеса и ужасы?

Много дорогих женских шмоток. Разная обувь. Шляпки. Теплые куртки.

Лекарства. Целая коробка. В глаза бросались синие упаковки Виагры.

Оранжевые и зеленые очки. Бижутерия.

Прибор для маникюра и педикюра. Кремы и мази. Шикарный набор для макияжа.

Пять или шесть криминальных романов.

Столько же популярных изданий различных «Гримуров».

Настольная книга мага. Трактат Вайкунтхи «О метемпсихозе».

Телефонная книжка. Ее я тоже положил в карман.

А где же смартфоны и корабельные карточки? Не нашел.

Внутренние мобильники тоже отсутствовали.

Возможно, они лежат теперь, вместе со своими временными владельцами на дне моря. В их карманах. Если их до сих пор не сожрали крабы.

Нашел номер Карла Хоффера и позвонил. На всякий случай.

Боялся, что мне кто-нибудь ответит. Никто не ответил. Автоматически сгенерированный женский голос сообщил мне, что связь с этим абонентом прервана. То же самое он сказал, когда я набрал номер корабельного мобильного Паулы.

Если это и игра, то к ней хорошо подготовились. А деньги и драгоценности положили в сейф, чтобы ввести меня в искушение. Но я ему не поддался. Хотя так тянуло примерить на руке чертов ролекс.

Не нашел я и предсмертной записки.

Закрыл каюту Хофферов, отпустил Вишну, и отнес паспорта капитану.

Сообщил ему о моих наблюдениях. Капитан явно расстроился.

— Ваш вывод неутешителен. Получается, что на борту — убийца. Или несколько убийц. Не воры, не грабители... это было бы еще понятно, у нас тут целое скопище богатых людей, а убийцы. Убивающие по непонятным нам мотивам. Как мне сообщить об этом нашим гостям? Они же тут же потребуют прервать круиз. И будут правы. А что если никаких убийц на самом деле нет? Что если Хофферы перепились, нанюхались наркоты, сбрендили, взбесились и сиганули за борт сами? Я за тридцать лет круизных плаваний всего навиделся. Люди, знаете ли, очень странные существа. Часто творят такое...

— Я поделился с вами только первым, зыбким предположением. Возможно, Хофферы действительно совершили самоубийство, например, спонтанно, после получения какого-то страшного известия. А о корабельных мобильных и о предсмертной записке просто забыли. Взя-

лись за руки, перелезли через балконное ограждение и прыгнули за борт. В аффекте. Я планирую обзвонить всех, кого только можно, из их окружения.

— Разрешаю вам связаться только с детьми этой пары. Если вы их найдете. И не забывайте, самоубийство устроит компанию гораздо больше, чем немотивированное убийство. Попробуйте найти доказательства.

— Я сделаю все, что в моих силах. И еще. Прошу вас и Джонсона забрать в сейфе Хофферов оставшиеся там деньги, драгоценности и часы. Пусть хранятся у вас. Вещи дорогие. Не хочу, чтобы они случайно пропали...

На следующий день, после завтрака, поговорил с Ребеккой и Рут, представительными дамами лет пятидесяти восьми.

— Что вы думаете о Хофферах?

— Не будем отвечать, пока не скажете, что с ними произошло...

Этот ответ они, похоже, приготовили заранее.

— Именно это мне и поручили выяснить. Пока известно только то, что их нет на этом корабле. Все остальное — спекуляции. Так что прошу вас ответить, что вы думаете об этой супружеской паре.

Ребекка, узколицая, породистая, лицом и фигурой, несмотря на возраст, напоминающая юную лошадку, как воды в рот набрала. Только моргала длинными ресницами. Отвечала мне полная и уверенная в себе Рут, очевидная доминанта в этом тандеме.

— Ничего мы об этих людях не думаем. Они немцы, чужаки, а мы коренные американки. Понимаете разницу? Между собой они до сих пор говорят по-немецки, хотя много лет прожили в Штатах. Карл Хоффер сделал состояние на продаже нефтеперерабатывающего оборудования. А мы родились богатыми. Они нам не пара. Но мы терпели их несносные шутки целых три дня.

— А потом, что, за борт их выбросили?

— Не надо так шутить.

— Извините. Вспомните, пожалуйста, о чем вы говорили с ними вчера за завтраком.

— Ни о чем мы с ними не говорили. Они болтали между собой по-немецки. Это против всех правил приличия... Они были взволнованы, возбуждены. Находились в предвкушении чего-то... не знаю, чего. У Карла было такое специфичное выражение лица — вроде, я вам всем еще покажу! Как мы уже сообщили капитану, они заказали шампанского и две порции икры. Утром!

— Это все, что вы можете сказать об этих людях?

— Паула вульгарно одевалась. И любила демонстрировать тут свои драгоценности. А Карл раздувал ноздри как бегемот.

Поговорил я и с двумя официантами-тайландцами, обслуживавшими Хофферов в кают-компании. Знания английского языка у них явно ограничивались сегодняшним и завтрашним меню. Единственное, что я у них узнал — Хофферы редко давали им чаевые. А если и давали, то унижительно мало.

Ну что же, значит, они были еще и скрягами. Но не бросать же их за это за борт?

Полистал телефонную книгу. Обнаружил в ней не более десяти телефонных номеров. Никаких фамилий, только имена. С большим трудом опознал телефон сына Хофферов, Майка, согласно Википедии, процветающего лондонского маклера по продаже недвижимости и владельца арбитражной компании. Позвонил ему. Подошла секретарша. Долго не хотела соединять. Майк заверил меня, что ничего страшного с родными Хофферов не произошло, что их ценные бумаги, которые находятся под его контролем,

в порядке, и что их дом в предместье Гамбурга не сгорел, и что вообще все — ок. Майк уверял, что вчера, около одиннадцати тридцати по Гринвичу он беседовал с родителями, и они были в прекрасном расположении духа. Хотя и говорили загадками. Упоминали зачем-то сочинения Алистера Кроули. Сообщение об их исчезновении привело его в состояние шока. Он не хотел верить... На прямой вопрос о возможном самоубийстве, ответил, что ничего подобного и представить себе не может. Его родители любили свою жизнь и хотели жить вечно.

После всех этих разговоров — я вынужден был констатировать, что ни на миллиметр не продвинулся в своем расследовании. Хофферы стали мне чуть ближе, но я все еще не понимал их... а почему они исчезли, не понимал совершенно.

Вызвал Вишну, попросил его привести ко мне старшего из трех охранников корабля, Тима, чернокожего верзилу из Филадельфии.

— Я заметил много видеокамер на корабле. Не могли бы вы показать мне записи этого круиза? Мне бы хотелось понять, с кем Хофферы контактировали на борту.

— Вынужден открыть вам одну из неприглядных тайн «Принцессы Дианы». Надеюсь, это останется между нами. В целях экономии средств компания установила на корабле только муляжи видеокамер. Это кстати избавляет нас от обвинений в нарушении неприкосновенности частной жизни наших гостей.

— Да... А что вы думаете об этих камерах на верхней палубе... фотографирующих небо?

— Мы разрешили установить эти камеры только после того, как их владельцы клятвенно уверили нас в том, что на фотографиях лица пассажиров будут размыты с по-

мощью специального алгоритма обработки изображений. Я сам убедился... лица размыты. На этих фотографиях вы увидите только призраки.

— Господи...

— Такова реальность.

После обеда капитан очень кратко и сухо сообщил пассажирам об исчезновении Хофферов. Окончил он свое сообщение просьбой всем тем, кому есть что сказать о Хофферах, обратиться ко мне.

Первые два часа никто не откликнулся. Я решил вздремнуть. Уселся поудобнее в кресле. Тут ко мне постучали.

— Войдите, не заперто.

В каюту вошел мужчина среднего возраста, рыжеватый, курносый. С бесцветными глазами. В дорогом спортивном костюме и кроссовках. На руке — часы Патек Филипп. Судя по всему, он был немцем. Представился: Трамп. Да, да, однофамилец президента.

Позже выяснилось, что это не его настоящее имя. Как его звали на самом деле? Точно не помню. Мюллер, Майер или Шульце. И часы его были фальшивкой. Купленной в Эдинбурге на блошином рынке за тридцать фунтов.

— Ваше имя меня не смущает, прошу вас, садитесь тут, мистер Трамп. Не хотите ли коньяку? Шато де Монтифо. Десятилетней выдержки.

— С удовольствием выпью. Хотя и предпочитаю арманьяк.

Мы выпили. У моего гостя сейчас же загорелись красноватые пятна на щеках. Похоже, он не переносил алкоголь. Убрал бутылку в шкаф.

— Что привело вас ко мне?

— Обращение капитана. У меня есть гипотеза, объясняющая исчезновение Хофферов.

— Это очень интересно. Расскажите, прошу вас.

Трамп заговорил не сразу. Чувствовалось, что роль человека, быстро разгадавшего загадку, над которой безуспешно бьются другие люди, льстит ему. Придает ему важность в собственных глазах. Трамп смешно поводит головой, потирал руки и кричал. То и дело смотрел на часы. Выдержал трехминутную паузу и заговорил торжественно. Как самодовольный доцент на первой лекции первого семестра.

— Что вам известно об оккультизме?

Я обозлился. Коньяк подействовал на меня возбуждающе. Мне этот Трамп не понравился. Мыслишка об игре всех против меня снова как мышка пробежала в голове.

— Вы хотите мне экзамен устроить? Достаточно известно, чтобы не верить во всю эту галиматью.

Трамп насупился. Ему не понравились мои слова. Я переборщил. Теперь надо было как-то вернуть его доверие.

— Но то, что я не верю в чудеса, вовсе не означает, что их не существует, не правда ли? Мне было бы очень интересно выслушать вас. Итак?

— Позавчера, то есть в день перед исчезновением, я говорил в курительной комнате с мистером Хоффером об оккультизме. Точнее — о философском камне. Мы сидели рядом друг с другом. Я пускал кольца... меня научил пускать кольца мой одноклассник, в гимназии, в Гамбурге. Хоффер тоже попытался пустить кольцо, но у него не вышло. Он спросил меня, как я это делаю... мы разговорились. На немецком языке. Для меня это было особенно приятно. Английский везде с успехом вытесняет мой родной язык. Немцы, и все остальные европейцы как бы исчезают из истории.

— Очень точное наблюдение, продолжайте.

— Начали с колец, а потом перешли к философскому камню.

— И что?

— А то, что Карл заявил мне, что собирается его создать по старым добрым алхимическим рецептам. И что для этого ему понадобится кровь рыжего мужчины. Совсем немного... грамм пятьдесят.

Трамп любовно погладил свою шевелюру, надо признаться, уже потерявшую густоту и лоск. Посмотрел на посверкивающие золотом часы. Потеребил рыжеватые бакенбарды.

— Ну и что же было дальше?

— Я согласился стать донором. Он обрадовался и пригласил меня после нашего норвежского путешествия погостить в своем доме в предместье Гамбурга. У него там есть специальные комнаты для гостей. Есть бассейн, сауна и джакузи.

— Чудесно! Но какое отношение имеет джакузи к исчезновению Хофферов на следующий день?

— Вот какое. В тот же день, вечером я заглянул к Хофферам в каюту. Разумеется, по приглашению Карла. Познакомился с Паулой. Очаровательная женщина. Она была одета в синее платье. В ушах — настоящие сапфиры. Мы выпили немного и болтали о том, о сем. Заговорили о красной тинктуре. Карл сказал, что не думает о золоте... что это только тяжелый желтый металл, ради которого люди убивают друг друга, что его у него достаточно. Он говорил о золотом напитке, об омоложении человеческого организма, о продлении жизни до двухсот лет, о возможности летать, превращаться в другие существа или предметы и об исполнении любых желаний. О переселении душ... Карл показал мне небольшую старинную серебряную шкатулку с изображением змея Уробороса на крышке

и заявил, что там, на дне, в уголке, хранится частичка великого эликсира... Что купил он шкатулку за двести фунтов на каком-то аукционе старинных вещей за день до отплытия нашего корабля, не подозревая что в ней что-то есть. Говорил, что и прежние владельцы шкатулки, видимо, не знали, что за красный комочек лежит на ее дне. И что он сам не уверен в том, что это такое, и поэтому хочет изучить его возможности, проверить на самом себе его действие. Говорил, что ему приятно, что у него будет не один, а два зрителя. Я испугался... и наотрез отказался участвовать в эксперименте. Мало ли что могло произойти. Через несколько минут я ушел к себе в каюту. А сейчас, после сообщения капитана об исчезновении Хофферов, я подумал... а что если Карл и Паула попробовали красную тинктуру на вкус... тогда, после завтрака. Пожелали что-то... И произошло что-то ужасное... или что-то чудесное. Их желание сбылось... Может быть они стали бестелесными... или улетели... или превратились в вещи... или в других людей, или в демонов, кто знает.

— Дааа... Вот это история, я понимаю. У вас талант. Готовый сюжет для фильма ужасов. Только, боюсь, не оригинальный. Представляю, что со мной сделают капитан и компания, если я напишу им в отчете о чем-то подобном. Мол, Хофферы с помощью красной тинктуры превратились в бестелесные существа и улетели на пояс Ориона для встречи с графом Калиостро и Люцифером... В психушку меня не засадят, но наверняка оштрафуют... за глумление над здравым смыслом.

— Но я вовсе не глумлюсь, не шучу и не иронизирую.

— Если это действительно так, то пожалуйста напрягитесь и вспомните, о каких точно желаниях шла речь в милой беседе с Хофферами.

— Мне и напрягаться не надо. Мы говорили о полетах над фьордами... о перемещении в пространстве больших и

тяжелых предметов. Например, о перемещении нашего корабля — в Карибское море, потому что надоели туман и холод, о заточении злых людей в неодушевленные предметы, о межзвездных путешествиях и путешествиях во времени, о возможности переселения в другие, более молодые и здоровые тела...

— Боже мой, как романтично. Ладно, довольно. Благодарю вас сердечно, мистер Трамп, вы мне очень помогли. Мы с вами еще встретимся, а о ваших словах я серьезно подумаю, обещаю.

Трамп гордо удалился, сверкнув еще раз на прощание Патек Филиппом, а я глубоко задумался.

При всем неправдоподобии и безумии гипотезы Трампа, она единственная, по крайней мере до сих пор, объясняла произошедшее с Хофферами.

В голову мне пришла одна идея.

Я позвонил доктору Ганцу, представился и спросил его, знает ли он не очень старую и абсолютно здоровую в медицинском смысле пару пассажиров на корабле.

Доктор рассмеялся и тут же сообщил мне, что да, знает, это сорокапятилетние Тейлоры, Марк и Вирджиния, по нескольку раз в год делающие круизы на «Принцессе Диане».

— Эта бездетная пара лет пять назад отошла от дел, в обычной жизни они серьезно занимаются благотворительностью и конным спортом. Живут где-то в Кентукки. У нас на борту Тейлоры расслабляются. Они поклонники простой и здоровой жизни... давно отказались от алкоголя и мясной пищи... увлекаются собиранием малой пластики времени Ренессанса и испанского сюрреализма двадцатых, тридцатых годов. Очень милые люди. Я хорошо с ними знаком. Бывал на выставках их коллекции. Могу вас с ними познакомить.

— Сделайте одолжение.

Доктор позвонил мне примерно через час, голос его звучал обескураженно.

— Извините, мистер Сомна, ничего не вышло. Тейлоры никого не хотят видеть. Не знаю, что с ними произошло... обычно они дружелюбны и гостеприимны. Марк говорил со мной так, как будто он меня не знает. Несколько раз почему-то переходил на немецкий. Я явственно слышал плач Вирджинии. Она жалобно лепетала что-то вроде: Как же мы теперь вернемся домой? Как увидим сына? И что будет с моими сапфирами? А Марк кричал ей: Раньше надо было думать. Дороги назад нет. Посмотри на свое тело... да, придется жить в Луисвилле и содержать эту чертову конюшню. Раньше он так любил свой конный завод. Хвастался породистыми лошадьми. Не понимаю, может быть, у них в семье что-нибудь случилось...

— Очень жаль. Благодарю за попытку.

Да... я все понял. Хвастун Трамп оказался прав. Хофферы не исчезли, а...

Беспокоиться надо было не о них, а о тех, настоящих Тейлорах из Кентукки.

Неужели их души заточены в эти ужасные красные шары? Как это возможно?

А где бездушные тела Хофферов?

На дне моря, естественно.

А кто их туда бросил?

Они сами и бросили. После того, как вселились в Тейлоров.

Том что-то видел. Но будет молчать.

Чудеса и ужасы.

Осталось понять, где находится серебряная шкатулка с Уроборосом на крышке.

В каюте Хофферов ее не было.

Я подозревал, что шкатулку похитил Том.

Попросил Вишну провести меня в его каюту, в которой он жил с другим стюардом, имя которого тоже было невозможно произнести. Тем самым, который слышал голоса в каюте Хофферов, проходя по коридору.

В этой, нижней части корабля я никогда не был...

Тут было шумно, душно, воздух пах мазутом и сортиром, коридоры были узкие и низкие.

Вишну постучал. Из каюты донеслось что-то вроде громкого сопения.

Вишну открыл дверь.

Перед нами предстала следующая картина: В середине каюты, на тумбочке лежала та самая шкатулка. Рядом с ней топтались, подпрыгивали и извивались два непонятных существа ростом с взрослого мужчину. Кожа у них была как у рептилий. Оба имели толстые неприятные хвосты и крылья. Четырехпалые лапы с когтями. Тела их были похожи на тела ящериц. Головы — как у боевых петухов, с багровыми гребешками, громадными клювами и яростными глазами. Оба они были гермафродиты.

Василиски!

Существа, вылупившиеся из яиц, снесенных разжившими старыми петухами.

Они злобно смотрели в нашу сторону и уже подняли было крылья, чтобы бросится на нас и растерзать. Я был как будто парализован... но проворный, не потерявший самообладания Вишну успел сам убежать и меня вытянуть из каюты прежде чем клювы и когти чудовищ нас коснулись.

Капитан поверил мне, только когда своими глазами увидел василисков. Это был момент моего торжества. Ухмылка его испарилась.

Вечером того же дня мы с ним посетили Тейлоров. В их каюте. И у нас состоялся долгий и очень тяжелый разговор.

В конце его мы пришли-таки к соглашению.

Официально тайна исчезновения Хофферов так и не была раскрыта. Мне пришлось давать показания в коронерском суде. Разумеется, я ни слова не сказал о красной тинктуре и переселении душ. Через полгода Хофферы были признаны умершими. Их состояние и недвижимость унаследовал их сын Майк.

Тейлоры как жили, так и живут в Кентукки. Только благотворительностью они больше не занимаются. Вирджиния неожиданно полюбила малагасийские сапфиры. Марк Тейлор обожает кататься на лошадях. Коллекцию предметов искусства они продали, чтобы расплатиться с капитаном. Ходит слух, что они хотят перебраться в Европу.

Я получил за мое расследование не пятьдесят тысяч, а сто пятьдесят.

Трампу отвалили тридцать тысяч. За молчание. Но он не молчит, а рассказывает свою версию исчезновения Хофферов кому ни попадя. Ему никто не верит.

На руках Джонсона и его жены появились сверкающие бриллиантами ролексы.

Василисков не без труда превратили обратно в стюардов. Все заметили, однако, что характер их испортился, они стали агрессивны, начали грубить гостям и начальству. Пришлось их уволить. Говорят, они участвуют в боях без правил в частном клубе в Бангкоке и преуспели на этом поприще.

Два красных поющих шара безжалостно выбросили за борт. Вопреки законам акустики, жалобные их стоны еще долго доносились из глубины океана.

И последнее. Шкатулку с Уроборосом на крышке присвоил капитан. Что он с ее помощью делает — неведомо

никому. Известно только, что из его огромного поместья недалеко от Оксфорда то и дело доносятся какие-то соблазнительные стоны, а жители окрестных деревень уже не раз замечали в лесу странных уродцев, состоящих из одних голов, вместо ушей у них — мускулистые руки, с помощью которых эти твари могут удивительно быстро бегать. Может быть поэтому до сих пор никому так и не удалось поймать ни одного из них.

Некоторые полагают, что эти существа — люди будущего.

Авторский комментарий

Это не только «рассказ с ненадежным рассказчиком», это ещё и рассказ с ненадежным пространством и мнимым временем.

Круизный лайнер, на котором якобы происходит действие — существует ли он вообще, или он рассказчику приснился?

Не отлит ли он из льда? Куда мы все на нем плывем, на этом тающем корабле?

Прекрасная Норвегия — извечное наваждение — где ты на самом деле, под перьями у василиска или в его голове?

Исчезнувшая семейная пара — существовала ли она, или соткалась из его клаустрофобии?

Расследующий исчезновение человек — не сомнамбула ли?

А слова в диалогах — не локомотивы ли они игровой железной дороги?

Потому он так и дерзок, что знает, что не существует, и ни за что не будет отвечать. Что можно требовать от красного шара, лежащего на дне океана?

А капитан — не говорящая ли это кукла? Не только без усов, но и без мундира. Голая. Та самая бегающая на руках голова.

А пресловутый сладковатый хэппи-энд этого рассказа, не издевательство ли это над сюжетом, над жанром, над автором и над вами, дорогие читатели?

ЧЕТВЕРТАЯ КОРОНА

В четвертый раз я заболел этой болезнью две недели назад. Какой болезнью?

Ясно какой, треклятой короно-вирусной инфекцией. Ковидом-19 или как его там называют...

Специалисты-профессора вроде бы утверждали, что корона ослабела и перестала быть убийцей старых, больных и толстых, а превратилась во что-то вроде простуды. Или гриппа. Много чего болтали, не хочу пересказывать. Успокаивали и пугали.

Но на главный вопрос — знает ли сама корона, что она больше не убийца, а только временный мучитель человека, — ответа так и не дали. Тайна за семью печатями.

Началось с боли в горле. Потом — недомогание, температура, боли то тут, то там, кашель... а когда воспалились глаза так, что ни читать, ни на монитор компьютера смотреть больше не мог, стало ясно — старая знакомая опять тут. Тест подтвердил очевидное.

До чего же противно!

Пришлось фотографировать глаза смартфоном и посылать мою немку с ним и моей медицинской карточкой к главному врачу, просить заочно выписать мне капли-антибиотик Флоксаль. Добрая Эрма сходила и получила на свою седую голову целое ведро помоев — от издерганной пациентами усталой и злой врачихи и ее мегеры-помощницы медсестры.

— Мы по фотографиям не лечим! Если все начнут с фотографиями приходиться...

Пришлось Эрме нарочито громко спросить: Вы что хотите, чтобы мой, больной короновирусной инфекцией муж, пришел сюда и всех вас перезаразил? У него температура под сорок и кашель жуткий. И непрерывное слюноотделение.

Последнее было вымыслом Эрмы. Но сработало.

Сидящие в комнате ожидания пожилые пациентки глухо зароптали, а врачаха неохотно выписала рецепт. Слава богу, недалеко от нашего дома находятся целых три аптеки. В первой и второй Флоксаль блистал своим отсутствием, надо было заказывать и потом тащиться в аптеку еще раз, но в третьей — о, чудо! Был. Немка принесла антибиотик домой и сразу закапала мне в глаза. Воспаление слизистой оболочки глаз тут же потеряло свою лютость. Какое облегчение! Слава немецкой фармацевтике!

Но остальные симптомы старушки короны и не думали проходить. Особенно мучили боли в горле, в мышцах и суставах. И кашель. Сухой, обдирающий горло наждаком. Голова кружилась. Слабость замучила. Есть я не мог...

И настроение было такое, как у сидящего в камере-одиночке, приговоренного к электрическому стулу преступника за несколько дней до казни.

Корона... скольких людей на Земле она унесла в могилу? Десять миллионов, или сто? Никто толком не знает. Людей на нашей планете нынче так много, что Азия, Африка и Южная Америка и не заметили потери.

Лекарство от этой болезни так и не изобрели. Ибупрофен принимать бесполезно. Боль от него не проходит, а становится тупой... ноющей... То еще удовольствие. Надо терпеть. Ну я и терпел. На кровати валялся...

Ночью — потел и ворочался в плену у ужасных кошмаров.

Мне снилось что-то запредельно жуткое... и соблазнительное... огромные дьяволы-богомолы напали на средневековый женский монастырь. Монахини забаррикадировались в готическом соборе. Пели и молились.

И собор этот — я сам.

Богомолы облепили храм (меня) как саранча дерево. Разбили витражи и проникли внутрь. Устроили кровавое побоище. Прежде чем заживо сожрать монахиню, они ее, не торопясь, раздевали и насиловали. Вполне по-солдатски. Мольбы, молитвы, пение, святая вода и кресты не помогли бедняжкам. Разделавшись с монашками и священниками, которым они откусили головы, руки и ноги, богомолы принялись за статуи и реликвии. Главный дьявол-богомол... спарился с ожившим Христом на колоссальном распятии.

Сон этот возвращался ко мне несколько раз, каждый раз добавлялись новые дикие подробности. Такие, что не хочется и упоминать.

Рассказал об этих снах моей Эрме. Сделал предположение, что корона принесла в наш мир что-то новое... космический ужас.

Эрма укоризненно на меня посмотрела и предположила, что болезнь, видимо, поразила не только мои мозги, но и гениталии. И что она надеется, что меня не надо будет сдавать после выздоровления в психиатрическую клинику и вдобавок лечить от сатириазиса.

Вот так всегда. Во всех наших болезнях для наших родных — мы всегда виноваты сами. Ты не занимаешься спортом! Не следишь за весом. Слишком много пьешь, ешь, куришь... Нельзя столько работать, вот организм и не выдержал. Нельзя целыми днями бездельничать! Чем ты вообще занимаешься? Все твои художества обществом не востребованы. Займись наконец чем-нибудь полезным. Во всех твоих рассказах (вариант: На всех твоих рисунках) слишком много секса и насилия. Ты просто озабоченный садист. Поэтому твои книги (вариант: Твои картины) никто не покупает. Вечно ты плывешь против течения. Доигрался, а мы тебе говорили...

— Виновен! Виновен! — решает суд присяжных из наших близких и друзей. И мы, как ни стараемся, не можем оспорить этот окончательный приговор. Виновен!

Днем мне было полегче. Заворачивался в одеяло и смотрел на мониторе моего компа старые фильмы. Комедии. «Воздушные приключения». «Большая прогулка». «Этот безумный, безумный, безумный мир». Было смешно, но я не смеялся. Все раздражало или пугало. Корона заставляет нас все смотреть через свои очки.

Пил кипяченую воду со сливками и медом. Хорошая Эрмитаж для меня готовила. Корчился от боли в горле при глотании.

Добрые знакомые передали мне какие-то дорогие таблетки. Прими, всем помогают!

Не помогли. От короны помогает только время.

* * *

В то утро я проснулся после крепкого сна без сновидений... поздно, около десяти, и сразу почувствовал, что что-то изменилось. Фатально, непоправимо.

Только в моей жизни или в жизни многих людей — понять не мог.

Боли вроде приутихли. Обычно они просыпались вместе со мной. Как ранние пташки вместе с летним солнышком. И начинали куковать и чирикать. Заливаться соловьем. А тут — непонятная тишина. Но не благостная, как в юности, когда просыпаешься, видишь лучи света из окна, и пылинки в них роятся как мошки, и день впереди муторный, полный ненужных, бессмысленных дел, но ты все равно радуешься. Радуешься тому, что живой, что кровь играет как молодое вино, что впереди годы и годы...

Нет, тишина была жутковатой. Секундочки ее еле слышно хрустели, как будто великан давил их как крошки от пирога своими свинцовыми сапогами.

Хрустели и постанывали.

Кое-как встал, умылся, посмотрел на себя в зеркало.

Ух... Вздрогнул и попятился. Чикагские бойни.

Опухший, обрюзгший, угрюмый... опустошенный, прещенный безумным бытием последних лет и поглупевший. На полпути к Альцгеймеру и Паркинсону. Но по-прежнему — с претензиями непонятно на что. На мировую скорбь?

Портрет старого эмигранта. Написанный масляными красками добрейшим англичанином Бэзиллом Холлом — для назидания молодого поколения. Вот, дети, смотрите на то, что бывает с человеком, который предает и бросает родину ради сомнительных благ чужбины.

На мертвеца еще вроде не похож, но и на живого уже нет. Обитатель Лимба.

Советский Союз не смог его угробить. Зато Кронос настиг его как охотник косулю и всадил в его жирную плоть шестьдесят восемь безжалостных стрел.

А подружка его, корона, добавила еще десяток от себя.

Позвал свою немку: Эрма! Ты где?

Никто мне не ответил. Странно.

Заставил себя медленно обойти квартиру. Упрямо и тупо искал Эрму. Заглянул во все углы. Хотя ясно было, что ее в квартире нет.

Успокоил себя тем, что... мол, она в магазин отправилась или погулять...

Обычное дело.

Но «дело» не было «обычным».

Вселенная изменилась. Наша трехкомнатная квартира превратилась в однокомнатную. Фак!

Когда осознал это, протер глаза и дернул себя за ухо. Без толку.

Да, вся до боли знакомая мне мебель исчезла. Исчезли любимые книги, статуэтки, фотографии, исчез наш скромный телевизор, исчезли компьютеры, телефоны, люстры,

торшеры, доска для глажения, исчез уют. Исчезла наша кухня, гордость Эрмы. Исчез даже паркет. И наши белые обои исчезли, обнажив неровную серую штукатурку.

Так не бывает!

Получается, пока я болел, нет, еще хуже, хуже... пока я спал, кто-то превратил нашу большую квартиру в однокомнатную конуру... и вынес все, что можно было вынести. Убрал паркет и положил на пол дешевый и грязный линолеум. Содрал обои. А затем — внес в квартиру новую мебель. Которую нашел на свалке.

Бедный мой разум, измученный короной и этими ужасными богатомами, не хотел это принимать. Ведь даже двуспальная кровать, с которой я только что встал, превратилась в старей, дырявый и пятнистый матрац.

Посмотрел в зеркало еще раз. Все та же обрюзгшая морда.

Искаженная гримасой страха.

Иди, погуляй, проветришь, посоветовал внутренний голос... надо сказать, не без глумления. Как это, гулять... к тому же я не знал, где шкаф с моей одеждой...

Искал шкаф...

Внутренний голос опять откликнулся: Что ты ищешь, идиот? Разве не видишь, прямо перед тобой на стуле — ключи, брюки, майка... и спортивные туфли. Соберись, развалина.

Оделся, обулся и вышел из квартиры.

Осознал еще одну странность. Мои одежда и обувь... даже носки и трусы — все было серо-голубого цвета. Кроме того, все эти вещи были не новыми, потертыми, с дырками. Почему? Я что, проснулся в тюрьме?

Решил не мучить себя вопросами и принимать реальность такой, какая она есть. Решил-то я решил, но исполнить это решение оказалось труднее, чем я ожидал.

Потому что лестничная клетка, на которую я вышел из нашей квартиры, была не похожа на ту, старую лестничную клетку, обычно пустую и идеально чистую.

Тут же везде валялись сломанные, разбитые вещи и мусор. Стиральные машины, тарелки, чашки, детские коляски и велосипеды без колес, комоды, книжные полки, стулья и столы без ножек, старомодные телевизоры с дырками на экране, грязные шмотки, гитара без струн, книги без обложек, пачки журналов... У стен стояли несколько украденных в домах моды женских манекенов, в глаза, в груди и в лобки которых были вбиты большие ржавые гвозди. Кто это сделал? Что за шутник?

На голове одного манекена сидела черная крыса и нюхала воздух усатым носиком. По полу ползали тараканы.

Лифта не было. В подъезде пахло блевотиной и кошачьей мочой.

Что случилось? Война? Вторжение марсиан? Массовое безумие?

Или все это — закономерные последствия массовой миграции из стран, где подобные сцены никого не удивляют?

Спустился по провалившейся в нескольких местах лестнице и вышел на улицу.

Слепящее, сине-фиолетовое, окруженное розоватыми протуберанцами Солнце не просто светило, оно опаляло огнем и солнечным ветром.

Дышать было тяжело, в воздухе явно присутствовали ядовитые газы.

Само пространство, казалось, изменило свои свойства... сгустилось... скорезилось.

Плохо было на улице.

Одиннадцатизэтажный блочный дом, в котором мы прожили последние двенадцать лет, превратился в незнакомое мне пятиэтажное здание, смахивающее на барак. В левой его части образовалась рваная дыра размером с автобус.

Выглядел этот барак так, что казалось, что он вот-вот рухнет и рассыплется как труха. Стены его были густо размалеваны бездарными граффити, и еще — как будто исцарапаны гигантским котом и изрешечены пулями разного калибра. Стекла в окнах отсутствовали. Похоже, дом пережил ракетную атаку, а затем кто-то долго палил по нему из крупнокалиберного пулемета и другого стрелкового оружия.

На бывшей парковке зияли глубокие воронки метров по десять шириной. На дне этих воронок зеленела какая-то жидкость. Между воронок я насчитал больше сорока остовов сгоревших когда-то легковых автомобилей. В некоторых из них все еще сидели истлевшие трупы. Взрослые и дети.

Кто бомбардировал Берлин? Зачем?

Улица наша вроде бы не изменилась. Если не считать того, что асфальт был разбит гусеницами тяжелых танков или тягачей на гусеничном ходу.

От фонарей не осталось ничего, а от огромных тополей и кленов остались только изломанные пни...

Исчезли и металлические ящики для подключения кабельного телевидения, интернета и стационарных телефонов.

Все дома на нашей улице превратились в пятиэтажные бараки, как две капли воды похожие на тот, из которого я вышел. Разрисованные идиотами, с огромными дырами, обгаженные, изрешеченные пулями стены. Окна с выбитыми стеклами. Внутри — разруха.

На тех местах, где раньше находились супермаркеты высились горы из металла, кусков пластика, разбитого стекла, полусгоревших досок и щебня.

Там, где раньше располагалась детская площадка с различными горками, лежало то, что осталось от рухнувшего тут истребителя неизвестного мне типа.

Похоже, он упал много лет назад. Из его кабины на меня зловеще смотрел одной глазницей скелет. Половина его черепа отсутствовала.

Сколько я ни вглядывался в даль, нигде не заметил ни одного живого человека.

Сколько ни вслушивался, так и не услышал ни разговора, ни детских криков, ни музыки, ни птичьего щебетания, ни шума от автомобиля или мотоцикла. Даже карканья ворон не слышал. Раньше их тут было много.

Сороки не трясли своими великолепными хвостами, воробьи не чертили воздух, голуби не ворковали. На земле не было видно муравьев, жуков или улиток.

Вместо привычного гула и рокотания большого города, я слышал какое-то сухое потрескивание. Как от горящих поленьев. Похоже, тлело само время.

И еще — волчий или собачий вой доносился издалека. Пахло жженой резиной. И неизвестной мне химией.

Какой-то пес вылез из-под разбитого металлического щита с надписью «Дёнеры», понюхал воздух, пролаял два раза и убежал. Пес был слепым на один глаз, худым и жалким.

Там, где раньше красовалась большая цветочная клумба, находилось кладбище. Я насчитал больше тридцати крестов. Простеньких, из двух палочек. Без надписей. Многие уже обвалились. Судя по всему, кладбище это никто не посещал уже много лет.

На бывшем футбольном поле тоже было кладбище. Тут торчали сотен восемь крестов. И это кладбище было заброшено.

На том же поле была вырыта длинная прямоугольная канава. Метров тридцать пять длиной и пять шириной. Из нее доносился запах мертвых тел.

Побежал как безумный в другую сторону, туда, где раньше зеленел небольшой лесок. Любимое место для выгула собак.

Задыхался и хватался за грудь.

Спрашивал себя: Что же произошло? Когда? Почему?

Похоже, катастрофа произошла давно, лет десять или двадцать назад.

Что за катастрофа? Война? С кем? Неужели с Россией? Предупреждали их, предупреждали.

А где я был все это время? Спал? Лежал в коме? Воевал?

Атомное оружие вроде бы не применялось...

Где же люди? Неужели все умерли?

Леса не было.

На его месте и до самого Марцана простиралась огромная неровная пустошь, заросшая полынью. От проезжей части бывшей улицы Хоэншёнхаузер не осталось и асфальта, одни воронки и ямы.

Долго смотрел туда, где раньше был Марцан.

Высоких домов не было видно.

Видел только полуразрушенные пятиэтажные бараки вроде тех, что описал выше. Кучи бетона и щебня. Разорвавшаяся труба центрального отопления. Монументальные руины высоковольтной линии электропередачи.

Сгоревшие автомобили, трупы... еще один упавший самолет. Громадный. Боинг 666. Его фюзеляж походил на раздавленную шиной гигантского автомобиля алюминиевую змею.

Улицу Клара-Иммервар, связывающую наш район и Марцан, по которой мы с Эрмой раньше так любили гулять, тоже было не узнать. Вся она была изрыта взрывами. Не то что проехать, по ней и идти было невозможно. Справа от

нее раньше располагался живописный пруд. Там мы с Эрмой часто слушали кваканье лягушек. Наблюдали за тамошной цаплей.

Нашел пруд. Точнее, большую яму неопределенной формы с ядовито-зеленой жидкостью на дне. Сел на землю...

Тело не болело. В голове было так пусто, как будто кто-то вымел метлой все мысли, ощущения и воспоминания.

Следовало убить себя, не дожидаясь мучительной смерти от жажды или от солнечной радиации. Но я не был способен на самоубийство. Пребывал в глобальном ступоре. Как увязший в болоте бульдозер.

Инстинкт, однако, подсказывал мне, что это еще не конец. Что что-то еще произойдет. И инстинкт меня не обманул...

Неожиданно я понял, что недалеко от меня, шагах в семи, на земле сидит еще кто-то.

С трудом повернул голову.

Это был человек в котелке... Породистый, горбоносый, худой, по-декадентски узкоплечий, в круглых очках.

С непропорционально большими зелеными глазами, ушами и руками.

Как всегда, в элегантной темной тройке и остроносых туфлях.

Стоячий накрахмаленный воротничок.

Узкий темно-красный галстук.

Человек в котелке читал газету.

Никогда еще я не видел этого странного человека так близко.

Обычно, он стоял или сидел далеко от меня и смотрел в сторону.

Непонятным образом он появлялся всегда, когда в моей, не богатой на события, жизни происходило что-то важное или опасное.

Увидел я его в первый раз... в октябре 1962 года, когда мне, шестилетнему, объявили, что мой отец утонул в Сибири. Что он не вернется из экспедиции, что я больше никогда его не увижу. Человек в котелке стоял в конце длинного коридора нашей квартиры на Ломоносовском проспекте. Кроме меня, его никто не видел, моя мать и тетя, и бабушка, и ее сестра, и ее муж, и дедушка, все проходили сквозь него и не замечали этого. А меня душили слезы... и я не понял тогда, что вижу привидение, ангела смерти или другое потустороннее существо.

В следующий раз я увидел его на пляже в Пицунде. Мне было шестнадцать лет, и я полез в море, купаться в шторм. Недооценил высоту волн. Отплыл от берега, подныривая под гребешки, а вернуться на берег не смог. Качался и качался на высоких волнах метрах в ста от берега. Пляж был пуст, Солнце уже зашло, дул сильный ветер, море бушевало с яростной силой. Я был обессилен, попрощался с жизнью. И увидел его на берегу. Человека в котелке. Он не смотрел на меня. Я помахал ему рукой, прошептал: Помогите... И захлебнулся. Черная стена смерти встала перед глазами.

В последний момент, перед тем, как пойти на дно... выблевал из себя морскую воду и бешено размахивая руками поплыл к берегу. Чудом проскочил между двумя пятиметровыми гребнями. Отделался порезами и синяками, последняя волна протащила меня по дну, покрытому неровными камнями... Выполз на пляж на всех четырех... Огляделся. Человека в котелке нигде не было.

В моей советской, доэмиграционной жизни человек в котелке появлялся еще несколько раз.

В тот момент, когда вроде бы надежная каменная насыпь под моими ногами вдруг поехала вниз, заскользила к обрыву, как одеяло, и потянула меня за собой, и мне казалось, что обрушилась вся гора и жить мне осталось лишь

несколько секунд. Человек в котелке сидел метрах в пятидесяти от меня, на скале, и преспокойно читал газету. Непонятно как я спасся тогда. Часть насыпи рухнула в пятидесятиметровый обрыв. Грохот был такой, как будто Луна упала на Землю. Случилось это между Анапой и Новороссийском.

В тот момент, когда моя убитая новостью мама позвонила мне и сказала, что ее муж, мой отчим, стал невозвращенцем. Остался в Нью-Йорке и никогда не вернется в СССР. Я понял тогда, что и мне придется уезжать. Уезжать навсегда. Заново начинать жизнь. Сердце сжалось. В этот момент я случайно выглянул в окно нашей ясеневской квартиры и увидел человека в котелке. Он стоял неподалеку и внимательно наблюдал за тем, как мусоровоз опорожняет ржавый бак. Забрасывает его содержимое в свои ужасные недра.

В тот момент, когда мой поезд из Москвы прибыл на Восточный вокзал Берлина, человек в котелке стоял на перроне и ел мороженое. Это было мое первое свидание с границей. Эмоции переполняли меня. Я вдруг с необыкновенной ясностью осознал, что никогда больше не увижу ни родных, ни друзей, ни города моего детства и это знание, казалось, расколело на куски основу моего существования. На перроне я испытал что-то вроде коллапса, пошатнулся и чуть не упал под прибывающий поезд.

В моей германской жизни человек в котелке являлся мне раз десять. Расскажу только об одном случае. Моя немецкая подруга, Штефани, приревновала меня, не без причины, к одной белокурой девице и в отчаянии попыталась выброситься из окна своей квартиры на девятом этаже блочного дома. Я успел схватить ее за руку, когда она уже падала. С трудом втянул увесистую Штефани назад, в окно. На улице, недалеко от того места, куда упала бы несчастная женщина, стоял человек в котелке и разговаривал с кем-то по мобильному телефону, этой как раз тогда появившейся новой игрушке человечества.

И вот сейчас человек в котелке опять рядом со мной. Значит что-то случится. Что? Мир, в котором я находился, уже пережил свой Армагеддон. Все, что можно было разрушить, было уже разрушено. Почти вся жизнь на Земле была уничтожена. Как я уцелел, я не знаю... Полуслепая собака, крысы и тараканы — это все, что осталось. И я с ними за компанию.

Встал и пошел к нему. А он сделал вид, что меня не замечает.

— Прошу вас, не исчезайте, поговорите со мной...

— Я и не думаю исчезать. Сижу, газету читаю. Задавайте свои вопросы, Гарри.

— Гарри?

— Как же это скучно!

— Что... скучно?

— Мне давно надоело сообщать вам, что это ваше настоящее имя. Впрочем, называйте себя как хотите, думайте о себе, что хотите... все это не имеет никакого значения.

Человек в котелке щелкнул длинными пальцами, и все вокруг нас стало вдруг таким, каким оно было до моей болезни. Мы сидели на берегу прелестного пруда. Травка шелестела. Цветочки кланялись в пояс и улыбались. Квакали лягушки. Раздавали всем желающим золоченые орехи. Сытая цапля отдыхала, стоя на одной ноге и зажмурив глаза. Щебетали синички. Каркали вороны, сидящие на грандиозной высоковольтной линии электропередач. Впереди белели высокие дома Марцана, позади нас зеленел знакомый лесок. Воздух был свеж и легкий, Солнце светило как обычно.

— Скажите, что это было?

— Что значит было? Это есть. Это — будущее.

— Наше?

— А чье же еще?

Человек в котелке опять щелкнул пальцами и ужасный разрушенный мир вокруг нас вернулся. Вместо пруда перед нами опять зияла яма неправильной формы с ядовито-зеленой лужицей на дне. Марцан был разрушен. Синевфиолетовое Солнце обжигало кожу и облучало безжалостными рентгеновскими лучами. Воздух...

Я пожалел о том, что спросил.

— Ни о чем не жалейте. Что сделали, то сделали. Не думаете же вы, что окружающий мир, его судьба... зависят от ваших вопросов. Они не зависят даже от желаний того, того...

— Кого?

— Я же говорю, того...

Человек в котелке сардонически расхохотался. От его хохота окружающий нас мир стал еще ужаснее. По пустоши побежали адские биомеханические мутанты. Небо заволочили ужасные, неестественные черные тучи. С них опустились на землю рокошующие смерчи.

Со дна ямы поднялись жуткая костлявая старуха с козой и ее демонический внук — голый горбатый мальчик лет десяти с клювом ибиса вместо пениса. Зеленоватая кожа его была покрыта розовыми волдырями, из которых сочился гной. В его заднем проходе торчала толстая стрела. Маленькие красные глазки внука, под сросшимися густыми черными бровями, сверлили и жгли мне душу.

Сердце мое ушло в пятки.

— Не смотрите ему в глаза, Гарри, — посоветовал человек в котелке. — Иначе ослепнете.

— Кто это?

— Помощники монсеньора.

— Раньше я их не видел. С бабушкой все понятно... А кто внучек? Милое создание. Только вот... стрела?

— Стрела ему очень мешает. Но вынуть ее нельзя. Получил он ее на той, начатой по недоразумению битве. Бра-

тец Михаэль решил один все прикарманить, мы были против. Он, хитрец, лучше нас подготовился к сражению. Пришлось ретироваться оттуда, сверху. Стрела — напоминание о том, что произошло на небесах.

— А волдыри и член в виде клюва ибиса?

— Как было сказано, «каждый украшает себя как может». На работе он выглядит вполне достойно, поверьте.

— Спасибо за представление. Догадываюсь, зачем вы мне их показали.

— Именно, именно, если не выполните поручение монсеньора, будете иметь с ними дело. И не часок и не недельку, а столетия. И это вовсе не угроза, это констатация факта.

Я насупился. Помолчал, но своим видом дал понять, что бунтовать или отнекиваться не собираюсь.

Человек в котелке моргнул, и старуха с внучком исчезли.

— Не томите, прошу. Зачем я вам понадобился? Я думал, что заслужил что-то вроде пенсии. Или хотя бы покой.

— Разумеется, разумеется, заслужили. Но есть одна деликатная проблемка, которую только вы смогли бы достойно уладить.

— Монсеньор нуждается в услугах такой развалины, как я? Любопытно даже. Кого прикажите казнить или подвергнуть истязаниям?

— На сей раз вам придется заняться чем-то чуть более приятным.

— Может быть, к делу перейдете?

— Какой вы нетерпеливый! Дельце-то совсем простенькое. Двое пожилых немцев... Карл и Паула Хофферы... и еще один капитан корабля по фамилии Клиндер... как бы это выразиться... нарушили некий план.

— План монсеньора?

— Нет, не монсеньора. У нас нет никаких планов, вы должны были давно понять это. Нет, план того...

— Как же они это умудрились повернуть? Этого даже Чингисхан не смог...

— Вот-вот. Именно. Чингисхан не смог, а они смогли. Не сами конечно. Сам человек ничего не может. Нет, к ним в руки случайно попал один очень важный предмет. Серебряная шкатулка с изображением змея Уробороса на крышке. Но не шкатулка важна. И не змей... а то, что в ней случайно сохранилось со старых-престарых времен. Несколько комочков красной глины. Хофферы решили, что это великий эликсир, чудачки.

— А чем же эти комочки были на самом деле?

— Глиной, пропитанной кровью вашего кумира. Того, кто умер на кресте. Кровь его как известно собрал этот неутомимый фарисей, Иосиф... В средневековье комочки эти называли бы — Святым Граалем.

— Вроде бы Грааль — это чаша в Валенсии.

— Пустая агатовая чашка, из которой он якобы пил? Нет, Грааль — это содержимое одной давным-давно утраченной чаши, которую использовал Иосиф.

— И что же они с помощью этих комочков сотворили?

— Хофферы... умники... всего лишь переселились в другие тела. В тела людей здоровых и еще не старых. Марка и Вирджинии Тейлор. А души этих людей они закатали в красные поющие шары. Шары эти теперь — на дне Северного моря. А Хофферы живут себе припеваючи в телах других людей — в Гамбурге, куда они приехали после продажи виллы и конного завода в Кентукки.

— Неужели того... волнует судьба каких-то немцев или конного завода? Или судьба тех, в тела которых они вселились?

— Того волнует все... Вы не понимаете, Гарри. Тут дело в принципе. Если в огромной ванне просверлить одну маленькую дырочку, то вся вода постепенно из нее выльется. Эти Хофферы такую дырочку просверлили. Хуже того, после них шкатулка попала в руки к капитану круизного лай-

нера, на котором все это происходило. И он несколько лет использовал эту реликвию... как виагру. И наплодил в своем поместье монстров, которые разбежались по окрестным лесам. Просверлил даже не одну, а тысячу дырочек в вышеупомянутой ванне.

— Кстати, а куда делись настоящие тела немцев?

— Вопрос по делу. Хофферы сами выкинули их в океан, где их благополучно сожрали акулы и прочие морские твари.

— Вы изволили выразиться так — «дельце-то совсем простенькое»... А оно вовсе не простое. Стариков надо вернуть в их старые тела, которые больше не существуют в природе. Души Тейлоров найти на дне Северного моря, освободить и засунуть туда, откуда они были изъяты. Кроме того, надо поймать и нейтрализовать все материализовавшиеся сексуальные фантазии капитана. Мне это явно не под силу. Осмеюсь предположить, что это и вам будет трудно сделать.

— Мне ничего не трудно. Но тот... настаивает... это должен сделать земной человек... Вроде бы, иначе нельзя. Я пошлю вас в прошлое. На корабль. В кают-компанию. На завтрак. Примерно за час до того, как наши немцы начнут колдовать с красной глиной. Ваша задача — не дать им совершить то, что они задумали. И еще сделать все, чтобы шкатулка не попала к капитану... или еще к кому-нибудь. Проще говоря, доставить шкатулку с остатками ее содержимого ко мне. Если шкатулка окажется в ваших руках, вам нужно будет только щелкнуть по ней пальцем. Помните, вы не можете отнять ее силой или выманить хитростью. Они должны передать ее вам добровольно. Таковы правила этой игры.

— А что будет, если я отниму у немца шкатулку?

— Вам станет очень больно, а шкатулка сама собой возвратится к Хофферам. То же самое произойдет, если вы овладеете шкатулкой обманом. Не делайте этого.

— Не буду.

— Я показал вам кошмарное будущее человечества для того, чтобы вас мотивировать. Посмотрите еще раз вокруг себя. Это будущее, этот ужас непременно наступит, если наша маленькая проблема не будет решена.

— Но как? Как этот ничтожный эпизод с пенсионерами, которые всего лишь хотели хорошо пожить еще несколько лет, и с сексуальным затейником капитаном — мог повлиять на судьбу и будущее миллиардов человек? Ведь это незаметные, малозначительные люди.

— Поверьте, эти незначительные люди, легко пожертвовавшие, кстати, жизнью и счастьем других людей ради своего здоровья и благополучия, вовсе этого не желая, изменили судьбу человечества. Дам вам только одну подсказку. И чудесная метаморфоза, произошедшая с Хофферами, и опыты капитана, и удивительная пропажа настоящих Тейлоров не остались без последствий. Познакомившийся с ними на корабле, хитрющий соотечественник Хофферов, Мюллер, для важности именующий себя Трампом, хоть и получил деньги за молчание, но, где только можно, сплетничал и наушничал — о переселении душ и о красной тинктуре внутри шкатулки. Пытался шантажировать новых Тейлоров, но без успеха. Первый помощник капитана Джонсон, тоже посвященный в тайну, и тоже получивший мзду за молчание — молчал не долго. Слухи о красной глине и ее действии на людей дошли в конце концов и до сующих свои длинные носы во все, что только можно, агентов тайных служб. И побежали вверх по служебным лестницам, обрастая фантастическими подробностями. А теперь, подумайте, что начало происходить в головах стареющих диктаторов, глав тоталитарных государств, обладающих гигантской властью и возможностью использовать для достижения своих целей не только тайные службы, но и полицию, армию и, если понадобится, — атомное или химическое оружие, которым до сих пор заби-

ты военные хранилища многих государств, когда они узнали о существовании той самой серебряной коробочки. Ведь она дала бы им возможность жить и править своими народами вечно. Вечно! Представьте себе, какие колоссальные силы были использованы для того, чтобы добыть эту шкатулку. И какой глобальной, поистине адской войной всех против всех это завершилось.

— Как же я один смогу сделать то, что не смогли совершить целые армии?

— Так, как я вам сказал. Машину времени люди к счастью еще не изобрели. Разумеется, вы будете экипированы и одеты как полагается... Мы дадим вам особую приманку для Хоффера. Разберетесь с ней по ходу дела.

— Погодите, но если мне не позволено применять силу, то почему сильным мира сего это позволено...

— Им тоже не позволено, но они не знают об этом и в своей безмерной слепоте и жестокости посылают новых и новых солдат на убой... и никогда не достигают желаемого. А обессиленные и одуроченные народы не способны противостоять их злой воле. Оттого и погиб этот мир.

* * *

И вот... я уже на круизном лайнере «Принцесса Диана». И у меня есть полчаса, пошататься по кораблю и пообвыкнуться в незнакомой обстановке.

Человек в котелке кое-что утаил от меня. На этом чертовом лайнере — я женщина. По происхождению, похоже — еврейка. И зовут меня Ребекка. Я богатая американка, лесбиянка, мою подругу зовут — Рут. Мы обе — соседки Хофферов по столику в кают-компании.

Хорошо еще, что Ребекка носит мягкую спортивную обувь, а не туфли на высоких каблуках.

В женском платье я чувствовал себя невольным участником водевиля или фарса. А не операции по спасению человечества. Представлял себе, как человек в котелке и дру-

гие обитатели дворца монсеньора наблюдают за мной из специального зрительного зала. Наблюдают и заливаются смехом, попивая виски и поедая свежие сирийские фиги.

Через четверть часа завтрак — а я понятия не имею, как заставить Карла Хоффера подарить мне шкатулку.

Просто сказать ему правду? Выложить все карты на стол, красноречиво описать грядущую катастрофу и попросить его отдать мне реликвию? Не поверит. Сочтет за макабрическую шутку. Или подумает, что я хочу отнять у него и у его жены здоровье и будущее. Решит, что я сам... для себя...

Забаррикадируется с Паулой в каюте. И тут же откроет шкатулку...

Нет, нужно что-то похитрее... Может быть попробовать совратить его? Но я, черт возьми, мужчина, и понятия не имею, как женщины делают это.

Сколько я ни думал, ни гадал — ничего путного в голову так и не пришло.

Решил — как обычно — пустить все на самотёк.

Стоял на верхней палубе и тупо глядел на горы, заснеженные вершушки которых освещало Солнце.

Вдруг слышу: Ребекка, милая, где ты бродишь? Я тебя потеряла. Тут так холодно. Ты наверное замерзла, пойдем скорее в кают-компанию.

Рут подбежала ко мне, тряся животом и бюстом, обняла меня, влажно поцеловала в шею, взяла под руку... Я молчал, боялся выдать себя, мой английский был, мягко говоря, не хорош. Позже, когда я все-таки заговорил, удивился. Произношение было почти идеальным, и грамматических ошибок я не делал. Я и забыл, Ребекка училась в Оксфорде. В английском. Человек в котелке позаботился и об этом.

И вот, мы сидим за столом...

Карл напротив меня, а Паула напротив Рут.

Едим вяло, нет аппетита. Разговор не клеится.

Неожиданно Карл спросил меня: Что это за медальон вы носите, Ребекка?

Минут десять назад у меня на шее еще не было никакого медальона. А теперь — висит. Тяжелый, серебряный, круглый. Похоже, старинный. Наверное, он и есть «приманка», о которой говорил мне человек в котелке.

— Я купила его за день до отплытия из Квинсферри, на блошином рынке, в Эдинбурге. Вместе с цепочкой.

Рут покраснела и вмешалась в наш разговор: А я не видела у тебя никакого медальона. Откуда он вдруг взялся?

— После покупки, я положила его в коробочку, к другим украшениям. А сегодня случайно вытащила его и надела.

— Когда ты его купила? Мы ходили между лотками вместе, и я не помню...

— Ты как раз отошла от меня к лотку с старым фарфором. А я купила медальон у того перса. С рыжей бородой и зелеными глазами. Такой страшный. Помнишь его?

— Перса и бороду помню... а медальон нет. И сколько он стоил?

— Не стоит переживать, всего двести фунтов. С изящной серебряной цепочкой.

Тут опять заговорил Карл: Двести фунтов? Да я за двести фунтов купил серебряную шкатулку с рельефом на крышке.

— Видела я вашу шкатулку. Со змеей, глотающей свой хвост. На лотке лежала, рядом с медальоном.

Карл явно клюнул: Как же я его не заметил? Я ведь знаете ли, собираю подобные предметы. Серебро. Покажите медальон?

— Конечно покажу.

Карл внимательно рассмотрел вещицу и произнес: Можно открыть?

— Можно. Только там ничего интересного нет. Какой-то красный клей. Видимо там раньше была фотография

или миниатюрный портрет. И еще на верхней створке медальона, изнутри, есть выгравированная по кругу надпись на латыни: Эликсир вечной юности. А внутри этого круга — горизонтальная восьмерка, знак бесконечности. Может быть, медальон был на самом деле коробочкой для реликвий... или какой-нибудь шарлатан торговал такими медальонами и обманывал простаков, суля им вечную юность?

Карл, услышав мой ответ, посерьезнел, задумался, медальон открывать не стал, подал его мне. Я надел его на шею, за что был вознагражден ревнивым и злобным взглядом Рут.

Мы заговорили о погоде и меню на обед.

Я исподтишка наблюдал за Карлом. Он был смущен. Обескуражен. Озабочен. Его грызла какая-то мысль.

Перед тем, как уйти, Карл мягко улыбнулся и пригласил меня и Рут через полчаса зайти к ним в каюту, выпить шампанского и сравнить шкатулку с медальоном.

— Они же явно одним мастером сделаны... такое странное совпадение...

Рут не хотела идти.

— Дался тебе этот чертов медальон! Дай его мне. Я его за борт брошу. Нашла себе игрушку!

Но я незаметно ткнул ее ногой, и она согласилась.

Через полчаса мы постучали в дверь каюты Хофферов.

Карл разлил шампанское в бокалы. Мы чокнулись и выпили.

Паула сидела на балконе. Рут к ней присоединилась. О чем они там разговаривали, не знаю. Полагаю, Паула хвасталась своими малагасийскими сапфирами на серьгах. А Рут, дочь одного из сосисочных королей Америки шестидесятых, рассказывала ей о своей вилле в Ницце, якобы не уступающей по богатству и красоте убранства знаменитой вилле Ротшильдов. На самом деле, вилла Рут была уже

двенадцать лет как продана. Деньги пошли на уплату долгов ее третьего мужа. С тех пор Рут больше замуж не выходила и никаких серьезных дел с мужчинами не имела. Ее любимой присказкой стало: Эти свиньи...

С женщинами Рут была помягче, а со мной и вообще была как сахарная вата. Пока не впадала в ярость, конечно.

Мы с Карлом сидели вокруг маленького столика. На который положили шкатулку и медальон. Рассматривали их в лупу и делились впечатлениями.

Только сейчас я понял, что эта серебряная шкатулка, из-за которой якобы должно погибнуть человечество — очень маленькая. Крохотная. Пять на четыре сантиметра, не больше. И глубиной в сантиметр. Мой медальон был только чуть-чуть ее меньше.

Оба предмета были произведены в Эдинбурге в одно время. На них стояло клеймо этого города — замок с тремя башнями. А также буквы «I» и «S» и точка между ними. Это означало, что они были изготовлены в 1666 году. Смысл остальных клейм мы разгадать не смогли.

Хм... в 1666 году миллионы людей по всей Европе ожидали конца света. Эликсир вечной юности очень бы пригодился...

Карл открыл медальон и шкатулку. Руки у него дрожали. Глаза — светились.

Быстро убедился в том, что красная глина в медальоне и в шкатулке — по крайней мере, на поверхностный взгляд — была одним и тем же веществом. Только в медальоне ее было заметно больше.

Я, с разрешения Карла, взял наконец в руки шкатулку и рассмотрел ее внутри.

На внутренней поверхности крышки был гравирован тот же геометрический знак бесконечности, что и на створке медальона.

— Что это за красное вещество, понятие имеете? Никакой это не клей.

— Конечно не клей. В медальоне оно должно изображать эликсир вечной юности. А в шкатулке... право, не знаю.

Я внимательно смотрел на лицо Карла, когда он это говорил. Рот его слегка кривился, глаза часто моргали. Он лгал. Он был уверен, что вещество в шкатулке — это красная тинктура и хотел с ее помощью заполучить новое, более молодое и здоровое, чем его, тело. Для себя и для Паулы. Но эликсир в медальоне обещал вечную юность... это посильнее чужого тела... он не знал, что и думать.

Он размышлял о том, как выманить у меня медальон. Перекупить. Или взять силой.

Взгляд его становился все более безумным. Он потел, был вне себя, но пытался скрыть это от меня. Изображал жадное любопытство коллекционера. А на самом деле, уже был готов на убийство. Я чувствовал это и держался подалеке от балкона.

— Я надеюсь, вы не верите во всю эту алхимическую чушь о вечной юности?

— Нет, конечно не верю.

— А в христианские реликвии верите?

— Даже не знаю, что сказать, меня воспитали в католических традициях.

— Мы с Рут посетили два года назад Иерусалим, в храме Гроба Господня нам показывали и частичку креста, и капельки молока Богоматери, и кровь Христа в флакончике, которую по преданию собрал Иосиф Аримафейский во время казни. Настоящую кровь, а не сладкое красное вино, которым ее постоянно заменяют попы, дурача свою паству. Несколько мутных бурых капелек. Как она сохранилась двадцать столетий — уму непостижимо. А что если эта странная красная субстанция — в наших с вами серебряных вещицах — действительно кровь Спасителя? А при-

везли ее с Святой земли тамплиеры, которые, говорят, после гонений обосновались в Шотландии. Неужели эта красная глина подарит нам вечную юность?

Разговаривая так с Карлом, я опасался переиграть и спровоцировать его на насилие.

Боялся, что он догадается о моей настоящей цели. Потому что он был стальным немцем, прекрасно знающим людей и их слабости бизнесменом, а я, сказать по правде, был простаком. Но за моими плечами, невидимый ни для кого, стоял человек в котелке. И он вдвухвал в меня силу и иногда даже подсказывал мне слова.

Минут через двадцать настал момент, когда и шкатулка, и медальон были уже несколько раз тщательно осмотрены и обсуждены. Все, что можно, было уже сказано. Мы начали повторяться.

Пора было нам с Рут уходить.

Я, признаться, не знал, предложит ли мне Карл обмен или нет. Я об обмене и не заикался, чтобы, не дай Бог, не испугнуть рыбку, заглотившую наживку.

По тону Карла можно было сделать вывод, что он колеблется, не знает, как поступить. Предлагать торг или наброситься на меня с тяжелым предметом в руке. Например, с бейсбольной битой... Откуда она тут взялась? На круизном лайнере для богатых.

Надо было рискнуть.

Я вышел на балкон и сказал Рут: Нам пора...

Та была рада закончить беседу с Паулой.

Медальон опять повис у меня на шее... мы направились к выходу из каюты.

И тут Карл неестественно дернулся, скривил рот и проговорил как бы не своим, а охрипшим старческим голосом: Постойте, милые дамы, у меня есть предложение к вам, Ребекка. Паула и Рут, прошу вас, побеседуйте еще пять минут

на балконе, мне хотелось бы поговорить с Ребеккой наедине. Поверьте, это не направлено против вас... Просто хочу поговорить с Ребеккой как коллекционер с коллекционером.

Паула и Рут не стали капризничать. Молча вышли на балкон и прикрыли двери.

Карл тяжело дышал. Он подошел ко мне, взял медальон в руку и прошептал:

Умоляю вас, продайте мне этот медальон. Я заплачу вам 200 фунтов.

Я усмехнулся: Не маловато ли?

Тут Карл заговорил со мной совсем другим голосом, голосом, в котором слышались нетерпение и угроза: Две тысячи.

Я молчал.

— Двадцать тысяч? Двести?

Я понял, что наступил критический момент. Потому что обезумевший Карл взял в правую руку бейсбольную битую и начал нервно бить ею ладонь левой руки.

— Зачем вам терять деньги, давайте поменяемся. Вы получите медальон, а я — шкатулку. Для вас — вечная молодость, для меня — забавная безделушка.

Карл почти согласился, но виду не подал.

Проговорил тоном капризного мальчика: Но две эти вещи должны находится рядом в коллекции... Разве мы вместе не пришли к этому выводу? Возьмите двести тысяч... умоляю...

Я почувал, что надо немедленно проявить твердость, иначе сделка не состоится.

Встал, постучал в балконную дверь, поманил Рут рукой и сказал: Пойдем, дорогая.

При этом чувствовал затылком, как Карл замахивается битой.

Еще немного и...

Но вместо того, чтобы ударить меня, Карл поставил биту в угол. Конвульсивно задержался и проговорил еле слышно: Ладно, ладно, ваша взяла. Берите шкатулку.

Я немедленно отдал Карлу медальон, а шкатулку положил в сумочку.

Мы с Рут покинули каюту Хофферов.

— Фу, гора с плеч, что это было?

— Ничего особенно, разговор коллекционера с коллекционером.

— Перестань. Я видела лицо этого идиота. Заметила и бейсбольную биту. Все поняла. У меня сердце сжалось.

— Все хорошо. Мы мирно поменялись. Я отдала ему медальон, а он дал мне шкатулку.

— Когда мы приедем после круиза в Лондон, я куплю тебя десять таких медальонов.

— Ловлю на слове.

Я отвел Рут в нашу каюту, а сам вышел на верхнюю палубу.

И, как мы и договаривались, щелкнул по шкатулке пальцем.

Человек в котелке немедленно появился рядом со мной, схватил шкатулку, всунул ее в огромную пасть, в которой я заметил языки адского пламени, и сожрал ее вместе с содержимым... а в следующее мгновение мы уже сидели как ни в чем не бывало на земле рядом с живописным прудиком. Солнышко светило. Лягушки квакали. Цапля проснулась и внимательно смотрела в водную глубь.

А настоящая Ребекка вошла в каюту, обняла Рут и прошептала: Знаешь, я задремала в шезлонге на верхней палубе. И увидела очень страшный сон. Про богомоллов. Я в этом сне была монашенкой. Хочешь расскажу?

— Не сейчас. А про чертов медальон ты уже забыла?

— Боже мой, дорогая, про какой медальон ты говоришь?

Рут потрогала Ребекке лоб, покрутила хорошо наманикюренным пальцем у ее виска, но ничего не сказала.

— Ну и что же я всучил чертовому немцу? Подделку?

— Что вы. Мы ведем честную игру, иначе шкатулка вернулась бы к Хофферу.

Там, в медальоне, действительно находится эликсир вечной юности.

— И что же было с Хофферами дальше?

— Посмотрите сами.

Я увидел, как сразу после нашего с Рут ухода Хофферы переглянулись, взялись за руки и... положили себе под языки по крупнице красного вещества из медальона. И сейчас же исчезли.

— Где они теперь?

— Могли бы и сами догадаться. В Гамбурге конца пятидесятых годов. Им — по семнадцать лет. Они еще гимназисты. Более того, они еще не знают друг друга. Эликсир возвратил им их юность. Без обмана. А на корабле уже начались их поиски. Счастливые Тейлоры благополучно возвратились после норвежского круиза к своим лошадкам.

— И в чем же подвох?

— Нет никакого подвоха. Они молоды, здоровы... В Германии — экономическое чудо. Карл — член бейсбольной команды их гимназии, Паула увлекается чтением приключенческих романов и мечтает стать ювелиром и работать с драгоценными камнями. Все распрекрасненько... Но когда им исполнится двадцать три — им опять станет семнадцать. И они не будут знать о том, что один раз уже прожили следующие шесть лет своей жизни. И так будет продолжаться тысячелетия. Тик-так, тик-так. Они никогда не по-

стареют. Другой вечной юности на свете не бывает. Мир, в котором они живут, специально создан монсеньором для подобных штучек. По просьбе того...

— Последний вопрос. А куда делся медальон с эликсиром после того, как Хофферы исчезли?

— Никуда не делся. Медальон лежит на полке рядом с серебряной шкатулкой в кабинете скурильных редкостей во дворце монсеньора. Там ему самое место.

Авторский комментарий

«Четвертая корона» это вольный приквел рассказа «Круиз». Внимательный читатель конечно заметит, что не все концы с концами сходятся. Но мне это все равно, мне было интересно поделиться с публикой другой вариацией темы «исчезновение на корабле». У меня готова и третья версия, но пока нет сил и желания редактировать и очищать текст.

МРАМОРНЫЙ ДОГ

И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Тютчев

Люблю дремать в нашем итальянском кресле.

Потому что оно не так сильно травмирует зад, как стул, на котором я обычно сижу за столом с компьютером.

Что я только ни делал... клал на стул надувной резиновый тор... различные, рекомендованные врачами, медицинские подкладки... большого плюшевого медведя... книги: Библию, Коран и Алмазную сутру... ничего не помогает.

Десять минут сижу, а затем жжение в задку становится невыносимым, надо вставать и стоять минут пятнадцать-двадцать. Поднимать крышку стола. Лет десять назад купил стол-трансформер с регулируемой высотой крышки-столешницы в магазине ИКЕА.

Не могу долго концентрироваться на тексте. Потому что все время надо вставать или садиться, поднимать или опускать крышку стола специальной вращающейся ручкой, похожей на педаль велосипеда.

Поэтому я не читаю и сам не пишу романы... больной зад не позволяет.

С рассказами проще, их можно читать и писать... как пчела, собирающая нектар. Полетала, села, похлопотала на цветке, пожрала, взлетела, полетала, опять села, опять похлопотала.

Это и на стиле моей писанины отражается. Рубленый получается стиль. Мерцающий и зловещий. И все мои «соколиные повороты» и «неожиданные метаморфозы» — не на поэтической кухне пекутся. А в заднице автора.

Да... кладу левую ногу на подлокотник кресла и дремлю.

По совету моей депрессивной тетки Раисы вспоминаю что-то приятное.

Летнюю прогулку с отцом (мне было пять или шесть лет) по Ленинским горам. Папа знал, где недалеко от главного здания МГУ валяются неубранные еще груды лабрадорита, использованного в облицовке здания.

В моем мозгу любовь к рано умершему отцу, голубой цвет его глаз, синева московского неба и синие огни лабрадорита давно смешались в странном единстве...

Вспоминаю поездку с женой и маленькой дочкой в Барселону. Удивительные дома-растения Гауди, пляж в Бланесе, легкий бриз, барашки на море, а под водой — стайки разноцветных рыбешек...

Вспоминаю удивительные хитиновые конструкции на средней части триптиха Босха «Сад наслаждений» в Прадо. Метафизические прогулки и полеты между ними всегда доставляли мне столько несравнимой ни с чем радости... это место, в которое я хотел бы попасть после смерти.

Засыпаю легко, а затем... после короткого блаженного сна...

Адские качели переносят меня в другой мир. Мир соблазна и похоти, мир ложных воспоминаний.

И я ничего не могу с этим поделать. Потому что постарел и одряхлел, потому что постарела и одряхла моя многолетняя подруга Эрма, а других партнеров для любви и ласок, этого единственного легального средства соответствующих видений и наваждений, у меня уже двадцать лет как не было. И не будет. И на место реального, сладкого и веселого секса пришел нереальный, ужасный, литературоцентричный... которым я ублажаю самого себя и кормлю моих немногочисленных читателей, если они конечно еще не бросили читать мою сиреневую прозу. Прозу почти обезумевшего автора, у которого бесы сидят

не только в ребре, но и во всех других частях телесного болвана. Сидят и нагло распевают свои гнусные песенки. Пользуются как все тираны этого не лучшего из миров — полной безнаказанностью.

И вот... мне представляется, что наша уютная гостиная, а затем и весь огромный дом с двадцатью подъездами, город Берлин, планета Земля, Солнце и вся бесконечная вселенная с ее галактиками, темной материей и темной энергией (я хорошо знаю, что это такое, но физикам не объяснишь)... медленно распухают... вибрируют, делятся на сегменты... а затем падают крупными зелеными каплями.

Как расплавленный воск.

Куда падают?

В черную дыру... в преисподнюю, созданную воображением ушедших поколений.

А я оказываюсь в нигде... в комнате, где нас больше нет, чужой и пустой, или в цеху заброшенной бумажной фабрики. На дне давно высохшего плавательного бассейна, в который люди уже много лет сваливают сломанную мебель и электроприборы, несбывшиеся надежды и всякую дрянь или в кинозале, в котором больше не показывают кино с Чарли Чаплином или Мери Пикфорд, но в котором оживают страхи и ужасы сидящих тут когда-то, но давно покинувших наш бранный мир зрителей.

Предупреждал меня тогда старый врач-хирург в забываемой больнице города К (в палатах лежало по шестнадцать человек, а медсестры не умели капельницу поставить): Эта операция увеличит не только вашу потенцию раза в три, в четыре, а то и в десять... но и вашу зависимость от собственного либидо. Вы будете вести и чувствовать себя как одержимый. Придется вам побывать в корпусе номер семь (там располагался психоневрологический диспансер).

Как в воду глядел хирург. Хотя я смог обойтись и без корпуса номер семь.

Мне тогда не было еще и сорока, я чувствовал себя великолепно, а моя сексуальная одержимость не пугала меня, а заставляла бегать за юбками и жадно искать и искать новые наслаждения... И я бегал и искал, и находил...

А сейчас, когда мне семьдесят, та же буря, все еще почему-то не затихшая, гонит меня в странные, параллельные реальности, в которых я, смеша весь огромный ад, творю черт знает что.

Во сне, в видении, в живой галлюцинации.

Сидя в итальянском кресле.

Вот, я в нашей старой квартире на Юго-Западе Москвы. В тринадцатизэтажном доме. Из окон которого открывается чудесный вид на новые высокие здания непонятного предназначения. Судя по входящей и выходящей из них публике — это институты военной направленности.

Декорации узнаваемые, но не совсем реальные...

Здания на улице — как будто вырезаны из пастилы, небо похоже на картину маслом эпохи Ренессанса, люди расхаживают как персонажи диснеевских мультфильмов, шум от игрушечных машин напоминает электронную музыку Артемьева...

А в квартире — и того хуже. Шкафы и комоды — наполовину мебель, наполовину — слова. Стены и потолок — абзацы. Радиоприемник сделан из звука, окна — из света, а длинный коридор — из чувства равновесия...

Я вроде бы и реальный, но — я тоже только ложное воспоминание, я — имя, звук, аура, память тела, у меня вместо клеток — восторги и апофеозы, я свечусь как черный светлячок и бью током пространство и время как электрический скат. Я стар и немощен. И в то же время молод, здоров и силен. Кровь кипит и стынет одновременно.

Я нехотя встаю, умываюсь... не выспался, потому что весь вечер и часть ночи играл с друзьями в карты, распутничал, курил и пьянствовал, вчера родился, а позавчера умер, перед глазами у меня — сиреневый туман, над головой — кружится летучая мышь, в костях у меня — ртуть, а в мошонке — порох...

Мне пора на лекции.

С трудом натянул на чресла трусы.

Посмотрел на себя в зеркало, но отражения не увидел — не успел себя вообразить. Какие-то собачьи морды лезли в голову... и пахло псиной. Помяукал немного для смеха.

Дома вроде бы я один. Или нет?

Я слышу шорохи, вздохи, приглушенный лай...

Кажется, лай доносится из квартиры соседа по лестничной клетке.

Сосед этот — убитый человечек с черной челкой как у Адольфа и скорбными карими глазами. Еврей, что само по себе печально.

У соседа живет мраморный дог-гигант, доставшийся ему от покойного отца-профессора. Дог смотрит на людей злобно, часто и громко лает. Может наброситься и испугать. Если бы сосед не кормил дога, тот он бы наверное его сожрал. На улице дог тащит хозяина как неодушевленный предмет. Поднимает лапу несколько сотен раз за прогулку. На других собак не реагирует.

Однажды на него напала овчарка. Крупная, злая. Бой длился всего несколько мгновений. Дог убил глупую овчарку. Бедному соседу пришлось заплатить сто рублей ее хозяину, утверждавшему, что это дог напал на его миролюбивую собаку. Чтобы тот не подавал заявления в милицию.

Когда хозяин овчарки прятал деньги в карман, к нему подошел соседский дог, встал на задние лапы и положил передние лапы ему на плечи. Затем раскрыл пасть. Сосед боялся, что его дог скальпирует хозяина овчарки.

Или откусит ему голову. Но дог равнодушно зевнул и полелся к следующему фонарному столбу — чтобы поднять там лапу.

Еще я слышу тихий женский плач.

Это плачет другая наша соседка, фигурой напоминающая пивную кружку женщина с большим носом, по имени Шаганэ, армянка.

Она оплакивает своего мужа, тоже армянина, бывшего директора мебельного магазина, очень богатого человека, убитого и ограбленного собственными охранниками в его и Шаганэ третьей квартире.

Странно. Охранники убили тогда не только его, но и ее. Вывезли из квартиры все до последней мелочи (в том числе бесценную коллекцию золотых монет, ручек с золотым пером со всего света, золотых колец, сережек и браслетов, и почему-то золотых зубов) на гигантской фуре, принадлежащей мебельному магазину.

Квартира убитых, официальным владельцем которой числился пропавший без вести племянник директора Атанас, долго стояла пустая, в ней никто не жил. Но плач Шаганэ доносился из нее еще много лет. Мама, чья комната имела с бывшей спальней в квартире армян общую стену, рассказывала, что слышит, как Шаганэ ходит, тяжело вздыхает и лепечет что-то по-армянски. Иногда Шаганэ вечерами проходила сквозь стену и беседовала с моей мужественной матерью. Жаловалась на то, как мало прожила с горячо любимым мужем. На то, как их пытали перед тем, как убить. Хотели узнать, где спрятаны остальные сокровища. Но так и не узнали. Рассказывала о порядках в аду, куда попала якобы «из-за царящей всюду несправедливости и оговора». Говорила, что в аду правят бал не Сатана со своими демонами, а коррупция и кумовство, и что, имея связи в высших дьявольских кругах, можно даже добиться перевода из горячего или холодного ада в чистилище. А потом тихой сапой перебраться и в рай, где «скучно, но хотя бы сытно».

Или это плачет не Шаганэ, а маленькая девочка Вика, жившая в соседнем подъезде, которую, говорят, ласкал против ее воли новый муж ее матери, дикторши центрального телевидения, когда матери не было дома?

Отчим будто бы дарил ей новую игрушку, сажал ее на колени, целовал в губы, сосал ее язык и ушки, а затем тихонько задирает ей платьице и снимал с нее трусики. Вика не понимала, зачем он это делает, а когда он еще и сам раздевался, и засовывал указательный палец в ее детскую дырочку, начинала плакать, что только разжигало пыл отчима...

Вика рассказала матери, что делает с ней отчим. Но так плакала, что та ничего не поняла и ничего не сделала.

Конец этой истории печальный. Однажды семилетняя Вика осталась дома одна. Мать вышла за сигаретами, отчима не было дома. Он находился в заграничной командировке в Риме. Изучал там античную архитектуру, «ходил по следам Гоголя» и шпионил за бывшими советскими гражданами. Девочка закрыла окна и включила все четыре конфорки их газовой плиты. Поиграла в своей комнате, а затем пришла на кухню и чиркнула спичкой. Огнем вышибло не только окно в кухне, но и его рамы. Очевидцы рассказывали, что гигантский огненный шар вырвался из окна кухни и несколько секунд висел в воздухе рядом с домом.

Говорили, что тело Вики так и не нашли, но нашли большую, в рост ребенка, почти не пострадавшую от пожара раздетую почему-то куклу, которую отчим привез падчерице из очередного заграничного путешествия.

* * *

И вот... я тащусь из туалета к себе... а из маминой комнаты неожиданно выходит в коридор босая женщина лет

сорока пяти в темно-красной полупрозрачной ночной рубашке с черными кружевами. Кожа у нее — оливково-зеленая, волосы растрепаны, лицо — заспанное, но целеустремленное. На голове — две небольшие антенны. Между пальцами рук — перепонки. Фигурой она напоминает Помону Аристида Майоля.

Это моя мама, хотя она совсем не похожа на мою настоящую мать. Не похожа на человека.

Непонятно почему, я называю это существо — мамой, а она меня — сынком. При этом стараюсь не смотреть на нее. Стесняюсь ее наготы.

А она... решительно подходит ко мне и говорит: Сынок, прошу тебя, потрогай мои груди. Мне кажется в них что-то твердое и режущее. Вроде косточек от слив. Боюсь, что это рак.

— Мам, мне стыдно... я не могу твои груди щупать. Я все-таки твой сын.

— Как ты черств и бесчеловечен. Я дрожу от страха, а ты думаешь о стыде.

Она гневно смотрит на меня... антенны на ее голове неприятно вращаются... в ее серых с зеленью прищуренных глазах я замечаю угрюмое упорство... стальную решимость достичь того, что она задумала. Что же у нее на уме? Или она и вправду боится? Поди, разберись.

Да, господа, я понимаю, сколько больших щербатых камней вы хотите в меня бросить. И с какой яростью. Вижу, как вы замахиваетесь. Приседаю и закрываю голову руками.

Но что поделать, если потаенная суть человека, его настоящая глубина раскрывается только в этих, предельных представлениях? Там, на границах внутренней вселенной. Где акт творения личности еще не завершен и внутренняя вселенная человека постоянно творится из ничего.

Вы конечно возразите: Не завершен? Ты же старик. Тебе пора о вечности подумать.

А я отвечу: Да, не завершен. Я только о вечности и думаю. Баста.

Оливково-зеленая мама с антеннами на голове берет мои руки в свои и прижимает их к своим полным мягким грудям, сделанным из лучших сортов резины.

Я осторожно ощупываю груди мамы и никаких косточек не нахожу.

Говорю: Ничего подозрительного в твоих грудях нет. Все нормально. Они у тебя как большие малиновые ягоды.

А сам в это время продолжаю их мять. Все более жадно и страстно. Куда делась моя сыновняя стыдливость? Испарилась.

Мама довольна.

Она торжественно вынимает груди из ночной рубашки. Трясет ими как цыганка — монистами. Засовывает руку мне в трусы и нежно тербит меня за каучуковый член и яички. А подушечками пальцев другой руки иннервирует мне анус.

Я ласкаю ее грудь. Сосу ее темно-зеленые соски и ставлю рядом с ними засосы.

Мне безумно хорошо. У меня от возбуждения кружится голова, а член светится как волшебный кристалл.

Мама снимает с себя ночную рубашку и стягивает с меня трусы. Мы плывем по воздуху в ее комнату.

Мама ложится на широкую софу и расставляет бедра.

Шепчет в пароксизме страсти: Я рожу тебе сыночка или дочку с шпорами и крылышками, и мы будем заниматься этим втроем. Каждый день, каждый день...

Где моя порядочность? Где здравый смысл? Где элементарный инстинкт самосохранения? Ведь я понимаю, что не просто нарушаю табу, а гибну. Что выхода из этой ловушки нет. Но мне все равно. Я готов погибнуть. Хочу лишь того,

чтобы наслаждение не прекращалось. Хочу слушать страстные стоны этой неземной женщины-помоны и прыскать и прыскать семенем в ее влажное влагище.

В мамину спальню неожиданно вбегает тот самый соседский дог. Состоящий из печатных и прописных букв и кусочков мрамора. Сердце мое замирает... я отрываюсь от мамы. Встаю.

Дог занимает мое место, и тут же начинает дергаться как паралитик, а я поднимаю ему хвост и...

Тут я просыпаюсь... и вместе со мной — просыпаются отрезвление, стыд и раскаяние, и все мои боли...

Вселенная не спеша поднимается из ада, наш дом возвращается на свое место, я вновь сижу в уютном итальянском кресле, закинув левую ногу на подлокотник.

Моя добрая подруга Эрма спрашивает меня: Что с тобой, малыш? Ты так хрипел и кричал во сне. Я испугалась. Что тебе снилось?

Я разумеется не стал описывать Эрме свои кровосмесительные и скотоложеские подвиги. Поэтому ответил так: Мне снилось, что ягоды, булочки и творог опять подорожали.

— Не бери в голову, пока я жива, ты голодать не будешь.

Как хорошо, как хорошо тут, в кресле, думаю я, стараюсь не вспоминать о том, что моя добрая Эрма умерла четыре с половиной года назад.

СЕРЕДИНА СЕНТЯБРЯ

Середина сентября.

А жара в Берлине и не думает спадать. Каждый день духота смертельная.

Особенно тяжело по ночам, лежишь на влажной горячей простыне, дышать нечем, ворочаешься, сердце колет, в ушах звенит, в животе тянет, совесть представляет разные картины на внутреннем театре, одна ужаснее другой, тени стонут и заламывают руки... с улицы доносится гнусавая арабская музыка...

Чем не ад?

Дождя не было месяц или два... воздух в Марцане воняет жженой резиной, собачьим и птичьим дерьмом и окурками... у людей на лицах — хорошо всем знакомая по Совку гримаса бытовой осатанелости.

Ездил сегодня в русский магазин LEDO. Ряженку купал. Помидоры «бычье сердце». И желтые персики.

А на обратном пути — попал в историю. Со мной всегда так — обязательно что-нибудь привяжется.

Началось это напротив гипермаркета Линденцентр, на автобусной остановке. Человек сорок ждали автобусов. В основном иностранцы. Вьетнамцы, арабы, африканцы. Но были и аборигены — мамки с детьми. Ошалевшие, замученные, уродливо толстые. С варикозными венами на ногах. Иногда и с слегка одибиленными папашами.

Скучно описывать людей на остановке. Потому что они томятся в ожидании, как узники в тюрьме. Вздыхают, делают замечания детям, болтают друг с другом, обсуждают какую-нибудь мелочь, порют дичь, валят лобзиками лес... Но это дамы. Мужчины мрачно молчат, переминаются с но-

ги на ногу, противно хрустят пальцами, хмуро посматривают на дорогу, курят, глубоко затягиваются, кидают окурки на землю. На других мужчин стараются не смотреть, женщин и детей — не замечать. Молодые люди из стран бывшего СССР смачно плюют себе под ноги.

Естественно ведут себя только дети, играют непонятно во что, веселятся без причины, что-то все время спрашивают задерганных своих матерей... когда устают, начинают ныть и плакать... иногда довольно громко.

Электронное табло как назло не работало. Автобусы запаздывали, вздохи на остановке стали громче... некоторые люди хрипели и нервно чмокали... хрумкали... раздражение росло как ядерный гриб... солнце яростно обдавало ждущих жаром... рубашки и майки прилипали к телу... воздух был насыщен выхлопными газами от проезжающих мимо автомобилей... вместо неба над нами висело коричневое марево, в котором вертелись невидимые бесы... пролетающие мимо вороны казались птеродактилями, а мухи — голубями. И тут...

Тут на остановке появился человек. Не пришел... а именно появился, из ничего. Мужчина лет сорока в черных жёваных брюках и белой неглаженной майке с сивыми пятнышками и надписью «Fuck off!». Небольшого роста. Голова с противной лысинкой. Усики. Курносый. Уши как крылья бабочки. Глазки сверкают как бриллианты.

Очевидно больной... сумасшедший. Энергичный, горячий, опасный псих...

Мужчина этот быстро и громко декламировал слова и короткие фразы.

Не говорил, а кричал... так, что ушам было больно. Так быстро, что трудно было понять, что он собственно хочет сказать, зачем и кому все это предназначено. Я понимал только отдельные фрагменты его речи... не уверен, что смог их правильно воспроизвести ниже.

Бессвязный бред? Нет, какая-то своеобразная, болезненная логика в его эхололии все-таки присутствовала. Его речь была посланием. Месседжем жары и безумия.

— Дьяволы! Все вы — рогатые дьяволы! Свет, свет! Анорексия и колики!

Но я вас не боюсь. Не боюсь ваших оскаленных пастей. Не боюсь я ваших рогов, слышите! Не боюсь и ваших дронов.

Тут, как видите, гнилая яма с мокрицами и тритонами.

Ничего не поделаешь. Тяжелые металлы в почве. Вот все с ума и походили.

Кто из вас размазал жир на ягодицах? Проходите, колья рядом.

Кто колот дюймовочку ржавым шилом в грудь?

Операции... Как я ненавижу блеск этих инструментов.

Свет, свет! Не надувайте слова, ящеры! Надувайте лучше ваши потные щеки! Надувайте, пока не лопните! Губовёрты! Губернаторы собственных подштаников.

Глядите, глядите в свои смартфоны, кретины. Пока гляделки не выпали.

Где же тут Юпитер? Тут, на остановке, всегда был Юпитер. Почему нигде не видно Красного Пятна?

Знаете, что Земля упадет на Солнце из-за таких как вы?

Всех, всех вас в водяную баню!

Сразу после газации пернатых и рептилоидов.

Круши, круши, бульдозер, обезьяний город мехов.

Буль, буль, буль...

Сумасшедший то и дело подходил к стоящим и сидящим на остановке людям, садился перед ними на корточки, провозглашал что-то и, не дождавшись реакции, бешено бил крепкими зелеными ладонями по грязному и пыльному асфальту.

Его сторонились. Никто ему не отвечал. Отводили глаза. Отходили.

Он никого не преследовал, но его ярость, казалось, все увеличивалась. Крики становились громче и громче. Почему он не сорвал голос?

Когда кричащий подошел ко мне, я тоже отвел глаза и посторонился.

Он схватил меня за плечи и проорал мне в лицо: Свет, свет! Традики! Традики и хупрозалы! Задумайся. Промой жабры. Не боюсь твоих истоптанных башмаков, рыжий демон. Оставь strapon проклятой старухе. Вынь наконец Адольфа из больших пальцев. Положи сыр на полку, сушиться. Хороший сыр требует выдержки. Купи кегли и играй. В Навуходоносора. Ешь траву и ромашки. Червяк печёночный.

Тут что-то заставило кричащего отойти от меня. Как раз тогда, когда я начал было его понимать. Псих нашел новую жертву и накинулся на нее.

А затем подъехал мой автобус. Я вошел в него через передние двери, положил две тяжелые сумки на сиденье, а сам остался стоять. Потому что из-за жары боялся прилипнуть к сиденью задом. О сумасшедшем тут же забыл.

Рано. Он тоже вошел в этот автобус. И тут же начал свою кошмарную проповедь.

Говорил, и кричал, и орал в салоне ничуть не тише, чем на улице. Подошел к чернокожей семье, маме, папе и трем детям в нарядных цветных платьицах и закрутил свою шарманку. Свет, свет! Это ты вонзил в грудь Дюймовочки шило? Отвечай! И прочее. Негр-папа вряд ли его понял. Ответил ему что-то бархатным басом. Не надо было это делать. Сумасшедший тут же — как будто его спихнули со скалы, и он упал на камни и больно ударился — заверещал, завизжал... Схватил чернокожего мужчину за широкие плечи, бешено проорал ему в лицо: Анубис! Анубис! И начал бить ладонями в стеклянное окно.

Тут в дело вмешался атлетического вида шофер, сидящий мизантроп лет пятидесяти. Сказал — и тоже очень громко: Не трогай пассажиров, мразь, оставь в покое автобус и заткни наконец свою мерзкую пасть! Вызываю полицию.

Похоже, псих только этого и ждал...

Мне показалось, что от его лица отлетели в разные стороны розовые и синие молнии-метастазы. Мужчина неожиданно подпрыгнул... легко, как пинг-понговский шарик, и быстро, как одержимые в фильмах ужасов, пополз по потолку автобуса к кабине водителя. Никогда бы не поверил, что это возможно, если бы сам не увидел.

Водитель достал из-под сидения разводной гаечный ключ.

Я невольно зажмурил глаза, не хотел стать свидетелем смертоубийства.

Но кровопролития не произошло.

Потому что мужчина в жёваных брюках вдруг пропал, растворился в воздухе. Там, где он только что был — у потолка автобуса — кружились два детских надувных шарика, розовый и синий. И в это я бы ни за что не поверил, если бы сам не был свидетелем. Или у меня от жары помутилось в голове?

Но самое пакостное во всей этой истории случилось после исчезновения сумасшедшего человека из автобуса.

Водитель зачем-то свернул на обочину и остановил автобус. Открыл двери. Достал откуда-то длинную палку с крючком и притянул к себе шары. Протянул их чернокожей девочке лет четырех. Как букет цветов. Та приняла и обворожительно улыбнулась.

А водитель... о, боги... не торопясь, разделся. Догола. На глазах у изумленных пассажиров. Одежду аккуратно сложил на сиденье. Сел на свое место и начал онанировать, громко сопя и бормоча что-то в микрофон. Из салона была видна только его качающаяся как маятник метронома мускулистая спина.

Пассажиры, все, кроме меня, отреагировали на это безобразии так: в панике покинули автобус. Почему я не вышел? Хотя мне было ясно, что псих-крикун или заразил своим безумием водителя... или даже вселился в него, наподобие злого духа. Не вышел, потому что мои сумки были неподъёмны, у меня не было сил куда-то с ними тащиться, ждать двадцать минут на жаре следующего автобуса.

И, по-хорошему, мне было все равно, голый водитель или одетый. Рукоблудствует он или нет. Может, приспичило чуваку... бывает...

Лишь бы довез до места назначения.

Водитель тем временем вел автобус по знакомому маршруту, среди бетонных домов-зигуратов и архитекторов. По-прежнему сопел, громко стонал и совершал ритмичные движения правой рукой, а левой крутил баранку. А потом менял руки, универсал.

Остановил машину у станции эс-бана. Открыл двери.

Обычно тут входит в автобус много народу, но сегодня вошла только одна полная женщина в характерной мусульманской одежде. Увидела и услышала голого водителя, все поняла, покраснела как помидор и тут же, охая и бормоча проклятия, покинула автобус.

Что-то подобное происходило и на других остановках. Хотя два таких же как я циника вошли и не вышли, и ехали себе преспокойно дальше, несмотря на то, что водитель был голым и занимался сексом с самим собой. С удивлением заметил, что эти пассажиры не были людьми. Это были крупные еноты. Или барсуки. Никогда не знал, чем они друг от друга отличаются. Или это были гигантские кроты? Пожалуй, кроты. Они все время рычали и фыркали. И напевали знакомую мелодию Гершвина.

Вышел у магазина REWE.

Перед тем как покинуть автобус, спросил у водителя: Обязательно это делать тут, в салоне? Вы всех пассажиров растеряли.

Водитель невесело усмехнулся.

— Не совсем всех... Понимаете, онанизм для меня единственная защита от мыслей.

— Каких мыслей?

— О смерти.

Поплелся к себе домой, борясь с режущей болью в суставах и проклиная ряженку и персики. Думал, на этом история и кончится. Ошибался.

Подошел к входу в подъезд. И тут же понял, что пропавший в автобусе человек в черных жёваных брюках, тот самый говорящий бессмыслицу псих, стоит у двери в мой подъезд. Мочится, подлец. И явно ждет меня. И конечно, продолжает свою нескончаемую беседу с самим собой или непонятно с кем. И говорит он также громко, как раньше. И также агрессивно.

Решил никак не реагировать, сделать вид, что все хорошо, обойти лужу, открыть дверь своим ключом, пройти в подъезд... и сделать все возможное для того, чтобы он не вошел со мной. Отпихнуть его, если будет нужно. Не дай бог приклеится навсегда...

Маневр мой удался. Пихаться не понадобилось. Дверь за мной закрылась с неприятным клацаньем.

Не стал оборачиваться, поднялся на лифте на седьмой этаж...

А чертов псих уже стоял у двери в мою квартиру. И цапал ее зелеными когтищами. Хуже того — он приспустил свои жёваные брюки и трусы и нагло показывал мне свой, заросший темными волосами зад. Что за цирк с конями?

Сердце ёкнуло и упало. Мозг закричал беззвучно: Все это невозможно! Ты действительно сдурел от жары. Тронулся. Может быть, даже умер. Там на остановке. И не заметил этого. Теперь тобой занялись черти. Этот псих — твой черный монах. Или один из твоих героев. Ты отлично знаешь, какой. Вырвался из текста и притащился к тебе. К автору. Или все это твои глюки, как говорят нынче в России? Или галлики, как выражались раньше?

Не обращая внимания на человека в черных брюках, открыл дверь в квартиру... и успешно захлопнул ее за собой. Так, что стены пошли ходуном.

Снял обувь и одежду, зашел в ванную комнату, принял горячий душ, вытерся... уселся в кресло. Зажмурил глаза. А когда их открыл...

Человек в черных штанах уже стоял передо мной. Держал меня за плечи и сверлил бриллиантовыми глазами. Приблизил свое страшное лицо к моему. Потрогал длинным лиловым языком кончик моего носа. Раскрыл огромную пасть. Показал мне ужасные десны и гланды, напоминающие крылья орла. Я догадался... его горло было входом в преисподнюю. Приготовился к худшему.

А он, вместо того, чтобы сожрать меня, заорал: «Ну что, рыжий, попался! Свербит селезенка? Пора, пора тебе на цугундер. Криши, криши! Рекар, рекар! Дат!»

Авторский комментарий

И этот рассказ ни в каких комментариях не нуждается, конечно.

Написал я его лет семь назад в чудовищную сентябрьскую жару, перекочевавшую в текст и олицетворяющую с одной стороны — бессмысленную злобу жизни, с другой — безумие самоубийственной человеческой цивилизации. Мой кричащий демон — воспоминание о встрече с одним одержимым, бывшим врачом-психиатром, занимающимся разработкой «ассоциативных практик», выявляющих у его пациентов их «затвердевшие в подсознании» иррациональные страхи и комплексы. Он говорил, что они «похожи на созвездия», только вместо звезд там горящие надписи.

Онанирующий водитель автобуса — тоже, увы, не выдумка сексопата, а воспоминание о реальном человеке.

Написал я тогда этот коротенький рассказ и отложил, потому что он показался мне слишком колючим.

Решил дать время тексту отлежаться и обрести патиной времени. И забыл о нем.

Я часто поступаю так с новыми текстами. Так делал Мунк — со своими картинами. Оставлял их иногда на годы — лежать во дворе. Под дождем, снегом, градом, на жаре и морозе... Называл это «лошадиным лечением».

Мунк не любил свежие кричащие краски. Иногда он явно перебарщивал — многие его картины стали блеклыми и невыразительными. Он прекрасно это видел, но все равно упрямо подвергал живопись «лошадиному лечению».

Текст в электронном виде конечно не линяет. Но смыслы и аллюзии — линяют и еще как. И — или прибавляют в экспрессии, набирают вес и значение или наоборот, теряют. Потому что время — это увеличительное стекло, бинокль, особый, живой фильтр, могильщик и ускоритель одновременно.

Вчера, когда наконец кончилась изнуряющая жара сентября 2024 года, я вспомнил об этом рассказе, прочитал его и решил, что, учитывая то, что мои вещи все равно читают полтора человека, можно предать его гласности.

КОМАНДИРОВКА

Приехал в город Ц на поезде. На вокзале, построенном еще во времена Третьего Рейха, купил и съел маленькую шоколадку. KitKat. Вкусно! Настроение сразу улучшилось.

Осмотрел две могучие коленопреклоненные бронзовые фигуры в главном зале. Оказалось, это шахтер и слесарь. Что-то подобное я видел в раннем детстве в «парках культуры и отдыха» моей давным-давно оставленной родины. Это были реликты сталинской монументальной скульптуры. Обычно сделанные из гипса. Поэтому дородные пятиметровые рабочие и колхозницы, спортсмены и военные часто не имели голов или рук. Внутри они были пустые и грязные. Там жили черви, пауки и насекомые.

Приехал я из Нассау. Это там, где источник с целебной водой и замок с знаменитой башней-бергфридом.

В Нассау находится генеральная дирекция нашей фирмы.

Приехал в сумерки. И решил прогуляться по городу, дойти до гостиницы пешком. С собой у меня была только увесистая спортивная сумка.

Шел, шел по главной улице города, напоминающей длинный-предлинный коридор огромного здания. Магазины еще работали, витрины их сверкали разноцветными огнями, но их посетители и продавцы вели себя странно. Все они стояли, не двигаясь, как манекены, и только тогда, когда я проходил мимо них, начинали двигаться, жестиковать, говорить друг с другом.

Лица покупателей походили на демонические маски. Широкие курносые носы, выпученные глаза, отвисшие красные уши... что это тут, в Ц, творится? Карнавал устроили? Или это у меня в голове карнавал?

Стар я стал для этих командировок.

Послезавтра я должен был ехать дальше, в Дрезден, а оттуда в Берлин.

И в Дрездене, и в Берлине работают наши уважаемые поставщики, их надо было навестить. Поприветствовать. Успокоить.

И в Берлине, и в Дрездене я мог остановиться в одном из апартаментов, принадлежащих нашей фирме, там меня ждали уютные отдельные комнаты с двуспальной кроватью и шкаф с свежестырированным бельем, выглаженным костюмом и прочими необходимыми для командированного вещами. А в городе Ц я вынужден был остановиться в гостинице, хотя терпеть этого не мог. Гостиница принадлежала туркам и называлась «Золотой рог». В холле и коридорах ее висели фотографии одноименного залива, Босфора и Мраморного моря. На обед там неизменно подавали мясо жареных пеламид. Не пять звездочек конечно, но хотя бы тараканов и клопов там не было. Зато была бильярдная комната и сауна с девочками по заказу. Как-нибудь продержусь две ночи.

На завтра у меня была назначена встреча с руководством филиала нашей фирмы, находящемся тут, в городе Ц. Я должен сыграть роль почетного гостя на торжественном собрании ведущих сотрудников филиала, посвященном его 33-летию юбилею. Черт бы побрал все эти юбилеи.

Там я должен был раскланиваться, улыбаться, умиротворенно кивать головой, надувать щеки, а затем торжест-

венно передать горячие приветы и добрые пожелания сотрудникам филиала от дирекции в Нассау и лично от шефа... и вручить всем членам правления скромные подарки. Одинаковые для всех. Золотые наручные часы с золотыми же браслетами. Все остальные приглашенные на собрание сотрудники получают от меня по паре платиновых запонок с бриллиантами. На обратной стороне часов и на запонках красовались выгравированные эмблемы нашей фирмы. Башня замка в Нассау, фигура ундины и звезды вокруг ее головы. Это позволит списать стоимость подарков с налога. Якобы эти предметы с эмблемами выполняют функцию рекламы.

Рядовым работникам фирмы уже вручили по тысяче евро в серебряных конвертиках с эмблемой фирмы и цифрой 33.

После окончания совещания я должен был пойти на парти для избранных сотрудников в ресторане, которое устраивала жена председателя правления филиала Рихарда М, узкоплечая, но грудастая и сексапильная не по годам, чрезвычайно в себе уверенная Моника, как она часто сама себя аттестовала, «дочь раскаявшегося нацистского преступника». С развлекательным представлением, икрой и шампанским.

Рихард, высокий, поджарый, благородно седеющий брюнет с удивительно выпуклым затылком, не без успеха изображающий аристократа (хотя был сыном мельника), возглавлял филиал все 33 года его существования и собирался делать это еще семь лет. К вящему неудовольствию шефа и его окружения в Нассау. Потому что филиал в Ц уже почти три года не приносил прибыль, а тянул деньги из других филиалов. И хотя Рихард яростно отбивался от обвинений в безделии и халатности и валил все на заметно упавшую в стране из-за эпидемии ковида и длящихся войн

в Украине и на Ближнем Востоке конъюнктуру и выросшие цены, все были уверены, что большая доля ответственности за потерю прибыли лежит лично на нем и на горе-менеджерах, которых он протащил в члены правления филиала против воли совета директоров в Нассау.

Моей главной задачей было вежливо, но строго довести до М, что руководство желает с честью и щедрым отступным (ему предлагали кейс с полутора миллионами евро нигде не учтенных денег) проводить его на досрочную пенсию. В том случае, если он добровольно уйдет, предварительно уволив всю свою менеджерскую команду.

В нашем последнем разговоре шеф подчеркнул: Ваша задача — не грозить, не давить, не вступать в дискуссию, а только кратко и сухо проинформировать. И сразу же закончить разговор.

Кратко проинформировать... Легко сказать!

Поговорить минутку и раскланяться?

Рихард конечно разразится словесным поносом, а затем побежит, поджав хвост, жаловаться Монике. Он всегда так делает, когда трусит, забыв об аристократической позе.

А Моника выслушает его и наверняка решит, что... что все это интрига ее бывшего любовника Готтлиба С, переселившегося в Нассау и ставшего, неожиданно для всех, вторым номером в руководстве фирмы. И не просто интрига, а коварная и подлая месть за то, что Моника, устроив ужасный скандал, его бросила. Бросила и опозорила, голословно обвинив в коррупции. В интернет тогда попали несколько видео интимных сцен. И не только обычный секс, а еще кое-что, о чем и упоминать не хочется. Враги Готтлиба потирали руки от удовольствия, они полагали, что это конец его карьеры, что его ждут увольнение и суд, но вышло по-другому. Не было никакого суда.

Непостижимым образом Готтлиб сумел убедить кого надо, что он чист как кристалл, а все остальное — клевета и поклёпы. И пойти на повышение. Стать главным помощником шефа, ответственным за кадры.

Моника тоже отделалась легким испугом. Муж простил ей все, расстаться с ней он физически не мог, потому что психологически от нее зависел, да он и сам регулярно заводил шуры-муры с собственными секретаршами. Которых, ему подбирала все та же Моника. Секретарш этих, известных своими дивными фигурами и пышными волосами, меняли не реже одного раза в год. Возможно, из гигиенических соображений.

Скверно то, что у меня с Готтлибом отношения так и не сложились, и я опасался, что он уволит меня и поставит на мое место своего дальнего родственника Джерома, орнитолога-любителя, долгое время жившего непонятно на какие доходы в Лас-Вегасе (злые языки говорили, что он работал там мальчиком по вызову).

Недавно Джером заявился в дирекцию в полосатом костюме, розовой рубашке, с жгуче красным галстуком и с умопомрачительной малахитовой брошью, изображающей летящих гусей. Джером курил сигару и пускал кольца. Готтлиб забыл предостеречь его, шеф терпеть не может сигары.

Учуяв сигарный дым, шеф как ошпаренный выскочил из своего громадного кабинета и заорал: Кто тут курит сигары? Уволю за три минуты!

Джером прилип к стене коридора и стал плоским. А сигару прожевал и проглотил. Знакомые клерки тихонько посмеивались в кулак.

В Нассау отдавали себе отчет в том, что Моника, заподозрив, что ее мужа гонит на пенсию ее бывший любовник, расшвыряет и распустил слухи, порочащие дирек-

цию фирмы. Или обратится в прессу. Она была на это способна. Ее связи были известны всем. И ее лютый характер. Скандал мог сильно повредить фирме. Поэтому мне поручили поговорить и с Моникой, предложить ей смириться и замолчать. За скромную сумму в двести пятьдесят тысяч евро. Тоже из черной кассы. Наличными, разумеется.

Оба кейса с деньгами я должен был привезти в город Ц в мой следующий приезд в случае согласия четы М на любовную сделку.

Боюсь, простого и краткого разговора с Рихардом не получится. Скорее всего, он вцепится в меня как бульдог, возбудится, начнет говорить, говорить, валить все на других и выгораживать себя, потом изящно уйдет от темы и будет долго кружиться надо мной как ястреб. Успокоится только если увидит, что я нахожусь в предобморочном состоянии.

Да и с Моникой все не так просто. Я знаю ее много лет, всякое бывало, просто так она меня из своих когтей не выпустит. Вначале выпотрошит, а потом наспигует салом и положит в духовку.

Ладно, ладно, как-нибудь справлюсь. Шеф не зря поручил мне это дело. Он знает, что я умею решать подобные деликатные дела. Или?

Или все ровно наоборот и шеф уверен, что у меня ничего не выйдет, и он специально дал мне это задание, чтобы я срезался, а он потом мог все на меня свалить? И заменить меня противным Джеромом, безвкусным и нагловатым геем-ловеласом?

Паранойя? Нет, такое возможно, я знаю шефа больше тридцати лет, он взял меня и еще нескольких бывших советских граждан на работу тогда, в середине девяностых, надеясь на то, что через нас фирма выйдет на рос-

сийский рынок, что удалось только отчасти и закончилось бесконечным судебным разбирательством. Этого он нам до сих пор не простил. Уволил одного за другим всех бывших советских, а меня оставил. Припас на роль козла отпущения?

Знаю ли я его на самом деле? Знаю. Бессердечный, эгоистичный делец. Готовый идти по трупам.

Хотя, положи руку на сердце, какого ты бы хотел шефа на фирме вроде нашей? Романтика? Доброго, отзывчивого человека?

С таким фирма прогорела бы уже через полгода, или власть в ней захватили бы подонки похлеще шефа. У нас таких достаточно. Зачем далеко ходить, половина дирекции... Господи, до пенсии еще три года. Надо как-то удержаться.

Ну вот, опять разнервничался. Беззаботной прогулке пришел конец. Поспешу в отель, от греха подальше сдам сумку с золотом и платиной на хранение в сейф, приму ванну и продумаю каждое слово... каждое слово.

Ничего я не продумал. Заснул в ванне как крокодил. Проснулся и не знал, где я. Представилось мне, что лежу на холодном каменном полу в маленькой комнатке без окна, напоминающей тюремный карцер. Из-за двери доносились стоны и храп томящихся в своих камерах заключенных.

И еще я слышал — смех, свист и улюлюканье... публики из театрального зала.

Испугался страшно. Вылез из ванны, растерся и тут же лег спать. Оставил свет в торшере. И перед тем как заснуть долго смотрел на репродукцию известной картины Айвазовского «Галатская башня в лунном свете», висящую на стене напротив кровати. Летал и летал над водяными просторами, садился как чайка на мачты парусных кораблей,

облетел и дворец Топкапи, и храм святой Софии, и Голубую мечеть, и знаменитое творение Синана. Пил как амброзию лунный свет.

Собрание в покоем на внутренность старинного комода овальном помещении филиала прошло великолепно. Я был спокоен и доброжелателен. Не строил из себя ничего, не кокетничал, не грозил. Просто выполнил свою работу. Не обращая внимания на то, что почти все присутствующие на собрании не были похожи на людей. Скорее они походили на шимнусов.

Поприветствовал, раздал подарки. Члены правления наградили меня жидкими аплодисментами. По их напряженным вытянутым лицам я понял, что они ожидают, как нашкодившие псы, плохих новостей, а когда поняли, что ничего подобного не будет, оживились и разворачивали золотистую упаковочную бумагу с неуместным энтузиазмом и восторженными восклицаниями.

Получившие в подарок платиновые запонки сотрудники подходили, жали руку, благодарили, похлопывали по плечу. Улыбались, показывая длинные кривые почерневшие зубы.

Позволил себе съесть крохотный десерт. Крем-брюле. Восхитительный вкус!

Сразу после совещания попросил Рихарда поговорить со мной несколько минут наедине. Он все понял и потемнел.

Выслушал меня тихо, ни разу не перебил. Как-то кисло улыбался все время. Казался задумчивым. Почесывал серебряные виски. И не разразился словоизлияниями после того, как я закончил. Я догадался... он уже все знал.

— Могу ли я рассчитывать на то, что после партии вы мне скажете, согласны ли на предложение генерального директора?

— Да, да, дорогой Нильс. Полагаю, у меня нет другого выбора, я согласен. Позвольте мне еще немного подумать и посоветоваться с женой.

— Разумеется.

Говоря с ним, я старался не обращать внимания на то, что из его ушей несколько раз вылетали маленькие желтые мушки.

Вот и весь разговор. А я боялся.

Да, да он заранее знал все, что услышит от меня. Поэтому решил не валять дурака и не ломать комедию. Игра явно не стоила свеч.

Ну что же, посмотрим, что скажет Моника. Ведь если Рихард обо всем осведомлен, то и Моника тоже. Я давно подозревал, что у нее есть свои источники в Нассау. Интересно было бы узнать, кто это. Может, Готтлиб нашептал? И они и не враги вовсе, а тайные сообщники? И он пытается помочь своей бывшей содрать напоследок побольше с фирмы. Никто не знает всей подноготной. Никто.

Да, меня выставили дураком. Я должен был с серьезной миной сообщать М то, что ему давно известно. Ну и ладно. Мы не гордые. Нам за это зарплату платят.

В самый разгар безобразного представления, когда все три демоницы-стриптизерши сбросили наконец с себя под барабанную дробь нижнее белье, обнажив вполне ординарную женскую натуру, подошел к Монике.

— Не могла бы ты поговорить со мной наедине?

Мы были на «ты» уже лет двенадцать. После того, как... неинтересно рассказывать.

— Конечно, дорогой.

Обдала меня душной волной удовлетворенной чувственности.

Посмотрел на ее все еще милую, хоть и расплывшуюся в последние годы, мордочку. Не помогли пластические операции. Скулы округлились, губы стали похожи на жирных червей, а шея стала еще страшнее.

Ни малейшего признака смущения или гнева! Какое самообладание!

Неужели она смирилась с тем, что ее муж перестанет получать солидную зарплату? Играть заметную роль в жизни общества? Потеряет власть над парой тысяч рабов?

Неужели согласится хотя бы на время переселиться в чудесный домик в Тоскане в получасе езды от Флоренции? Заняться там розами и тамарисками. Или вивисекцией домашних животных.

Сели в уголке. Я сказал ей все, что должен был сказать.

— Это все?

— Все.

— Ты говорил официально, по прямому указанию шефа?

— Разумеется. Деньги и для твоего мужа, и для тебя привезу через неделю. Все честно. Суммы достойные.

— Торговаться бессмысленно?

— Ты же знаешь шефа. Если вы начнете торговаться, ставить условия, короче, ерепениться, он закипит от ярости. Не потому, что ему денег жалко, а потому что он не терпит, когда ему возражают.

— Понимаешь, у нас нет выхода. Мой болван задолжал три с лишним миллиона евро. Об этом никто не знает.

— Как это, задолжал?

— Как мальчик, проиграл в карты. В Гамбурге, в частном клубе. Туда со всей Европы приезжают игроки на большую игру. И шулеры конечно тоже. Асы. Даже пытаться у них выиграть бесполезно.

— Кому проиграл?

— Кубинцу, мафиози средней руки из Флориды. Тот уже два раза присылал своих бандитов, требовал немедленно отдать долг. Грозил в третий раз прислать киллеров.

— Боже мой! Знаешь, что бы я на месте Рихарда сделал? Поехал бы сам в Нассау и все без утайки рассказал шефу. На колени бы встал, если понадобится.

— Ты же знаешь, Рихард не способен на это. Аристократ.

— Извини, сколько стоит ваша недвижимость... и твои драгоценности?

— Мы тайно справлялись. Стервятники как-то пронюхали про нашу беду и много не предлагают. Сговорились. Если все-все продадим, и дом, и тосканскую дачу, и мои изумруды, и платья, и даже коллекцию старинного оружия, которая досталась мне от отца, то вместе с теми деньгами, которые нам предложил шеф — только-только хватит оплатить долг. И мы останемся на нуле. Два никому не нужных старика.

— А дети не помогут?

— Дети нас проклянут за то, что мы их наследства лишили.

— Будете жить на рихардову пенсию.

— Не мне тебе объяснять, что мы еще не все кредиты погасили. На жизнь у нас ничего не останется. Впору бутылки собирать.

— Прости, Моника. Поклянись мне, что ты сказала правду. Тогда я, как только приеду в Нассау, поговорю с шефом. Он вас на улицу не выбросит. Поселит в одной из квартир в доме на холме, принадлежащем фирме. Ты там бывала.

— Клянусь, клянусь. Только я ему не верю. Ты же знаешь, какой он. Будет издеваться на публике и ногами затаптывать за каждый грош.

— Так что же ты от меня ждешь?

— Ничего не жду. Сообщи, пожалуйста, шефу сегодня же, что мы на его условия согласны, а когда приедешь в Нассау, постарайся поговорить с ним тет-а-тет, если будет желание, конечно. Попробуй разбить лед, пробудить в нем человеколюбие. Может быть, накинёт нам миллиончик. Тогда мы выкрутимся и домик в Тоскане сохраним.

— Человеколюбие?

— Да.

— Обещаю, что попробую, только вот согласится ли он... сомневаюсь. Хотя, может, прикинёт все и согласится. Но не из человеколюбия, а по расчету. Не хотел тебе говорить, но ему постоянно нашептывают, что ваш филиал не приносит прибыли не из-за плохой конъюнктуры, даже не из-за скверного менеджмента, а потому что часть денег крадет Рихард. Или кто-то из его людей.

— Если бы это было так, я не стала бы тебя ни о чем просить. Ты веришь мне?

Моника сжала мои пальцы своими холодными, породистыми руками и проникновенно посмотрела мне в глаза. Так, наверное, смотрит пантера на олениху перед тем, как прокусить ей горло и начать лакать ее кровь. Я так смутился, что мурашки по коже забегали.

— Конечно верю. Зачем тебе мне врать? Ведь правда рано или поздно вынырнет на поверхность.

— Вынырнет, вынырнет, если не захлебнется и не утонет в омуте.

Тут до нас долетели откуда-то дружные аплодисменты. Я расслышал крики: Утонет! Конечно, утонет! Bravo! Bravo! Бис! Гарри, опять тебя обдурили, иди теперь, выпрашивай у шефа для этих гадов еще один миллиончик.

Я сделал вид, что ничего не слышал.

Мы говорили еще полчаса... и чем дольше мы беседовали, тем меньше я верил Монике. Но о своем сомнении я ей ничего не сказал. Зачем? Сделал вид, что поверил каждому ее слову. На прощанье мы расцеловались. Так, что у меня закружилась голова.

Моника сунула мне в карман пиджака крохотную коробочку для лекарств с изображением какого-то индуистского бога на крышке. Я спросил ее, не виагра ли это.

— Прими сегодня перед сном пилюлю, узнаешь. Позже мне спасибо скажешь. Редкое удовольствие. Эйфория. Подари потом шефу, пусть и он порадуетя.

Аплодисменты повторились. Кто-то крикнул из зала: Не слушай ты эту противную бабу. Проглотишь пилюлю и отбросишь копыта!

И ведь не соврал. Это был цианистый калий в сладкой оболочке.

Мы расстались друзьями, но я чувствовал себя распиленным пополам деревом. Почему? Потому что мой внутренний голос шептал мне, что Рихард — ворюга, а Моника — патологическая врунья-вымогательница. Вампирша.

Потому что они явно разыграли для меня спектакль.

Потому что это они продумали каждое слово, которое скажут мне, а я — нет.

Потому что они бессовестно мной манипулировали. А я был не в силах им противостоять.

И даже, если я по заданию шефа поеду во Флориду и найду там этого мафиози, и поговорю с ним, тот не скажет мне ни слова про карточный долг М. Хотя, скорее всего никакого флоридского кубинца не существует вовсе, все это сказки для того, чтобы меня запутать и

разжалобить. Моника знала, что я однажды крупно проигрался в карты, поэтому и придумала эту ложь. Мне пришлось платить две трети месячного жалования одному мерзавцу. Мало кто знает, правда, что через какое-то время этот человек погиб при невыясненных обстоятельствах во время туристической поездки в Таиланд. Точнее — утонул. На острове Самуи. Его нашли на белоснежном песочном пляже. На море даже волн не было.

Странно, почему голоса называют меня Гарри?

При упоминании этого имени во мне что-то вздымалось, поднималось, как поднимается при приближении к берегу цунами, и цунами это состояло из множества воспоминаний, спрессованных в одну колючую бурую массу. Но разделить их я не мог.

Поздним вечером я послал шефу голосовое сообщение: Р и М с благодарностью приняли ваше предложение. Приветы передал. Подарки вручил. Продолжаю поездку. Н.

Ровно через минуту от шефа на мой пейджер пришло письмо. Содержащее пять слов: Срочно. Приступить к плану Л.

Как молотком по голове. Я ожидал чего угодно, только не этого. Все вроде бы шло нормально.

«Приступить к плану Л» означало — «приказываю подготовить и быстро осуществить убийство Рихарда и Моника М». Так было между мной и шефом оговорено.

Л — означало «ликвидация».

Видимо во время моего отсутствия шеф получил от своих шпионов неопровержимые доказательства воровства Рихарда. Речь должна была идти об очень крупных суммах. Шеф взвесил все и пришел к выводу, что мирно отпускать вора и его жену, да еще и награждать их за воровство — было бы неправильно.

Сломал и выбросил пейджер в местную речку.

И опять услышал голоса.

Они шептали мне: Не бойся, Гарри, укради в ресторане кухонный нож и перережь суке горло, или трахни ее, а потом задуши, а затем займись и ее муженьком. Отрежь ему его длинные пальцы.

Для осуществления «плана Л» лично шефом был разработан специальный протокол.

Он был родом из Швейцарии и любил планы, протоколы. Сын часовщика.

Я должен был этому протоколу пунктуально следовать.

Завтра, около одиннадцати, я должен был позвонить с уличного телефона по известному только мне номеру. Как только на том конце провода поднимут трубку, я должен был немного посвистеть. Услышав ответный свист, положить трубку.

Это был сигнал. Вечером того же дня, в условленное время, я должен был встретить у городского собора человека в старомодной шляпе, невзрачной внешности, говорящего на саксонском диалекте. Он должен был подъехать к собору на подержанном «поло» с замазанными грязью номерами.

В поясе у меня — на особый случай — хранятся наличные. Только двухсотевровые банкноты. Я должен был дать этому человеку восемь тысяч евро, а он должен был передать мне пистолет Глок с глушителем. Фабричные номера на этом пистолете должны были быть профессионально срезаны.

Этот же человек должен был позже незаметно открыть мне дверь дома супругов М, предварительно отключив сигнализацию и убедившись, что в доме кроме них никого нет.

Спальни супругов находились на противоположных концах длинного коридора. Я должен был вначале застрелить Рихарда, а затем Монику. Лучше — во сне. Так тише. Сразу покинуть дом. Пистолет бросить в речку.

А мой сообщник должен был найти и украсть изумруды Моники, симитировав ограбление, и зажечь дом. Затем он должен был уехать на своем «поло» из города Ц в сторону Рудных гор и пересесть на другой автомобиль, который загодя припарковал в гараже заброшенной фабрики велосипедов.

А я должен был вернуться в гостиницу и постараться незаметно пройти в свой номер. Что было не так уж трудно. Ночью в холле обычно никого нет, ключ от входной двери лежал у меня в кармане.

Таков был план Л.

Позвонить по уличному телефону в одиннадцать часов мне не удалось.

Все обнаруженные мной в окрестности гостиницы уличные телефоны были испорчены.

На этот случай у меня был с собой мобильник без батарейки, принадлежащий давно умершему человеку. Я вложил в него батарейку, активировал его и позвонил, посвистел, дождался ответного свиста и уничтожил мобильник. Вынул из него батарейку, раздавил его ботинком и бросил в реку.

Подойдя вечером к собору — понял, что припарковаться рядом с ним — невозможно. Тем не менее, мой сообщник появился у собора, хоть и с опозданием в четверть часа. Отдал деньги, получил пистолет. Через два часа мы встретились у двери в дом Рихарда и Моники. Человек в шляпе тихо открыл дверь.

Он провел меня к тому самому коридору и показал пальцем на дверь спальни Рихарда. Я кивнул и достал пистолет.

Спальня напоминала янтарную комнату.

Рихард спал на массивной кровати из красного дерева с грифонами и сфинксами по углам и по-детски чмокал. Я приставил глушитель к его розовому, посеребренному волосами виску негодяя и мягко нажал на курок. Он даже не дернулся. Кровь из его развороченного черепа тут же залила атласную подушку с помпончиками.

Я быстро вышел и поспешил к спальне Моники.

Человек в шляпе помог мне сориентироваться.

Спальня Моники была обита голубым шелком. Мебель — эпохи рококо.

Моника проснулась из-за выстрела и недовольно смотрела на меня. Она была близорука. Контактные линзы лежали в специальной коробочке в ванной комнате.

— Кто тут? Милый, это ты?

Она не сразу разглядела мое лицо и пистолет. Эту крохотную заминку я использовал для того, чтобы всунуть дуло глушителя в ее полуоткрытый рот и нажать на курок.

Пуля разорвала ее голову пополам. Меня сильно обрызгало ее синей кровью.

Спальню убитой сотряс гром аплодисментов.

И вот, я уже не в спальне Моники, а на дне глубокой подземной башни.

Гигантская, сужающаяся книзу спиралевидная лестница с удивительными светильниками вела сюда прямо из главного зала дворца, в центре которого висел мельничный жернов вместо люстры.

Рядом со мной стоял монсеньор и молча смотрел на меня сквозь круглые очки своими бесцветными глазами. Безразлично и отстраненно, как смотрит вечность на все достижения смертных.

Моноспектакль мой подошел к концу.

Я почтительно поклонился монсеньору и спросил его, можно ли мне подняться в свою комнату и вымыть лицо и руки. Невидимый театральный зал отозвался сатанинским хохотом.

ФОБУС

Подходил к концу десятый год войны. Убиты или ранены были уже три или четыре миллиона человек. Никто не верил, что эта безобразная бойня может длиться так долго. Что и у агрессора — России, и у его жертвы — Украины найдется достаточно материальных и человеческих ресурсов, чтобы десять лет вести войну на истощение.

Никто не верил, но война все еще продолжалась и во все не хотела заканчиваться. Уносила и уносила жизни. Уничтожала цивилизацию. Буквально расчеловечивала мир.

Жизнь в Берлине заметно ухудшилась.

Однажды вечером в мою квартиру позвонили.

Я не знал, открывать или не открывать. Может, это грабители?

Затаился. Услышал голос из-за двери.

— Тут живет Антон Сомна?

— Предположим.

— У меня к вам дело.

— Какое дело? Я старый и больной человек. На пенсии. У меня нет ничего ценного.

— Это печально. Откройте, и я все вам расскажу. Не говорить же нам через закрытую дверь!

— Ладно. Только помните, у меня есть оружие. И я его, не задумываясь, применю, если будет надо.

На самом деле никакого оружия у меня не было, о чем я очень жалел. А блефовал я — по привычке. Все тогда блефовали. И простые граждане, и правительства. Как-то надо было себя защищать. Хотя бы словесно.

Открыл дверь.

Передо мной стоял немолодой человек среднего роста, в темном пальто и шляпе. Интеллигентное лицо, борода, очки.

— Извините за беспокойство. Меня зовут Мордехай.

— Это... как того типа, в истории Есфири?

— Да.

— Хорошо, что не Аман. Проходите.

— Мерси.

— Пальто повесьте тут. И шляпу. Садитесь в кресло. Выпить хотите? У меня есть Джек Дэниелс. Льда естественно нет.

— Спасибо, мне ничего не нужно.

— А я выпью глоток.

Глотнул крепкой янтарной жидкости из заветной бутылки с черно-белой этикеткой не один, а десять или двенадцать раз. В голове у меня зашумело, но способность ясно думать я сохранил.

Помолчали минут пять. Мордехай внимательно смотрел на меня. Изучал как энтомолог — насекомое.

Я не выдержал и рывкнул: Выкладывайте, зачем пришли или убирайтесь.

Мой собеседник поморщился. Затем начал подробно рассказывать о таинственной машине под названием Фобус, созданной в одном из физических институтов Адлерсхофа по американской и израильской технологии. Машина эта якобы могла вырезать из пространственно-временного континуума целые куски. Размером с комнату. И длительностью — в несколько секунд.

Говорил он долго и умно, использовал термины, которые я забыл сразу после того, как сдал на четвертом курсе мехмата экзамен по квантовой механике. Я только тупо кивал. Затем он заговорил о войне и ее ужасах, доказывал мне то, что единственным способом ее остановить, является устранение президента России.

Я продолжил кивать, хотя опасался, что после П к власти могут прийти подонки еще почище его, и война не только не закончится, но перерастет в ядерный конфликт. И что тогда, пожалуй, придет конец всему.

— Ладно, убедили. П разумеется надо было ликвидировать еще десять лет назад. Только я-то тут причем? Я не киллер.

А в голове у меня стучало: Этот тип кажется приглашает тебя стать соучастником в убийстве президента России. Тебя, немощного старика, патологического эгомана. А вместо табакерки или шарфа уговаривает использовать какую-то особую квантовую машину. Добро пожаловать в новый мир! Надо ущипнуть себя за руку, может проснусь...

— Вы не киллер, но вы очень даже причем.

— Это почему?

— Во-первых, вы бывший советский человек. Москвич. А мы предполагаем, что П прячется где-то в Москве или рядом. Тираны предпочитают не удаляться слишком далеко от центра управления страной, потому что боятся потерять власть. К тому же есть еще одна закавыка. Очень важная.

— Какая такая закавыка? Выражайтесь, пожалуйста, яснее. Что вы от меня хотите?

— Я думал, вы уже все поняли. Вы должны будете навести нашу супермашину на П. Кроме вас это никто не сможет сделать.

— Очень лестно. Только, как это так, навести. Как пушку, что ли? Или как снайперскую винтовку?

— Именно, именно, навести, нацелить... как пушку или снайперскую винтовку, или управляемую ракету. Дело в том, что никто не знает, где он на самом деле находится. Иголка в стоге сена.

— А как же тайные службы? Моссад. ЦРУ. БНД. Это их работа, знать, где П. Не знают?

— Не знают.

— А я что лучше Моссада? Почему я должен знать, где прячется этот человек? Наверное, в одном из бункеров: Под Кремлем, в Ново-Огареве, в Раменках 43, под горой в Башкирии, на Алтае под озером или еще где.

— Бункерами серьезно занимаются ЦРУ и другие компетентные организации. У них всюду есть осведомители. Так вот эти самые осведомители все последнее время в один голос кричат, что П построил эти бункеры для отвода глаз, что он на самом деле не намерен в них отсиживаться. Тем более, что союзники в случае серьезного конфликта с Западом начнут безжалостно бомбить эти подземные города адскими противобункерными бомбами.

— Где же он прячется, если не в бункере, его ведь даже прозвали «бункерный дед»?

— Мы не знаем, где прячется. Но у нас есть одна гипотеза...

— Поделитесь?

— Похоже, он прячется не в пространстве, а во времени. В прошлом.

— Чудесно! Это там, где лангольеры?

— Не совсем. П укрывается не в реальном прошлом, в том, в котором он шофёром подрабатывал, а в специальном, созданном только для него кремлевскими демиургами мира, сочетающем реальность любимого им Совка с миром грез. Его грез. Грез гэбиста.

— Да... Но, что я в этом случае могу поделать?

— Вы способны почувствовать, где он... догадаться. Или — предугадать.

— Предугадать? Почему вы так думаете? Вы путаете меня с экстрасенсом или ясновидящим. А я обычный человек. Не знаю я, где эта гадина прячется. Ни где, ни тем более — когда.

В ответ мой гость изложил мне кратко сюжет одного моего рассказа. Там рассказчик не только предугадывает

все, что хочет, но и меняет реальность по своему усмотрению. И легко путешествует по времени и по придуманным им самим мирам. Я его не перебивал.

— Вот видите!

— Что я по-вашему должен видеть? Вы что там в своих кабинетах, потеряли чувство реальности? Рехнулись? Это же литература, выдумка.

— О нет, мы не рехнулись, мы тщательно проанализировали ваши тексты и пришли к выводу, что все в них описанное — правда.

— Ну вы даете! Правда? А рассказчик во всех моих повествованиях от первого лица — это конечно я сам по-вашему. Любой школьник третьего класса понимает в литературе больше.

— Да, рассказчик это вы. Да, правда, реальность. Не совсем обыденная, бытовая, конечно, но реальность. Реальность вашего метафизического мира. Вы как и ваши герои легко перемещаетесь по этому миру и по временной оси. И вы также легко пересекаете его границы и вторгаетесь в другие миры. Поэтому, внимание! У нас есть все основания полагать, что используя ваши подсказки, наша квантовая супермашина сможет максимально приблизиться к намеченной жертве... где бы она ни пряталась. Если вы решите помочь нам закончить эту войну, свяжитесь со мной, — добавил он не без пафоса.

Мордехай вручил мне свою визитную карточку, вышел в переднюю, быстро оделся и ушел, постаравшись не хлопнуть дверью.

А я, признаться, растерялся.

Я старый, больной и немощный человек. Мне уже за семьдесят.

Пересекаю границы миров? Мне бы до магазина дойти без потерь!

Подсказки! Какие подсказки? Я часто не могу себе самому подсказать, как дожить до утра.

Путешествую по времени? Я уже год как не путешествовал даже в трамвае. Не говоря уже о поезде или самолете. Боюсь развалиться от тряски. Плохо реагирую на людей.

Я живу в бедном районе на северо-востоке Берлина в однокомнатной квартире. В бетонном доме гэдээровской постройки. Все мои друзья и читатели или умерли, или забыли меня. И, по-хорошему, я не имею власти даже над своими собственными пальцами на ногах, изуродованных артритом.

Но... если Мордехай верит, что я смогу, сидя перед монитором, помочь человечеству ликвидировать П, то почему бы не попробовать? Почему бы не сделать в конце жизни что-то хорошее? Особенно, если ты прожил всю жизнь, как я, мизантропом?

Было бы так славно и поучительно, если бы этот упырь П получил смертельный удар из не существующего для него, химерического литературного мира!

Утром следующего дня я позвонил Мордехаю и договорился о встрече в Адлерсхофе.

А в два часа дня я уже сидел в просторной комнате за огромным столом в конференц-зале и беседовал с несколькими важными людьми в белых халатах. Это были создатели Фобуса.

Они безуспешно пытались объяснить мне, как он работает. Мне было их жалко.

— Господа, прошу вас, хватит. Не будем терять время. Со времени моего студенчества прошло полвека. Я постарел и поглупел. Расскажите мне, что я конкретно должен делать. И постарайтесь говорить кратко.

Ответил мне самый старый и солидный из белых халатов. Коллеги звали его Пол.

— Мордехай объяснил вам, где, по нашему мнению, прячется П. Вы попробуете его выследить. Остальное — наша забота.

— Понятно. Что я должен делать?

— Все просто. Вы будете сидеть в удобном кресле внутри машины. На голове у вас будет нечто вроде шапки с электродами. Поскольку вы лысый, вас не надо брить. Очень удобно. Через электроды в машину будут поступать сигналы вашего мозга. Фобус будет их интерпретировать. На указательный палец вашей левой руки — мы наденем колпачок с различными сенсорами. Перед вами на столе будет широкий вогнутый монитор компьютера, а ваша правая рука будет лежать на обыкновенной мыши, установленном приборе, к которому вы привыкли. На монитор будут выводиться большие картинки в хорошем разрешении, которые сгенерирует машина или которые возникнут в вашей памяти. И вы будете заниматься обычным серфингом... при этом — сознательно или бессознательно — прокладывая путь к известной вам цели. Курсором. Машина будет следовать по этому пути виртуально... мы надеемся, что в конце концов вы натолкнетесь на что-то вроде колодца или туннеля, связывающего ваш мир с миром реальным. И не просто с реальным миром, а непосредственно с П. Тогда машина вырежет кусок пространства-времени, в котором он находится, и атомизирует его. И мир будет освобожден еще от одного тирана, а эта ужасная война — закончится.

— План прекрасный. Но я признаться понятия не имею, как я буду выслеживать этого человека.

— Все будет происходить автоматически... все, что от вас требуется — будьте самим собой и не забывайте о цели вашего путешествия. В машине кроме вас никого не будет, это поможет вам сконцентрироваться. Мы называем состояние, в котором вы будете осуществлять поиск, — глубоким погружением. Для того, чтобы ваша нервная система

не перевозбудилась, перед началом погружения вам впрыснут в вену щадящие стабилизаторы. За вашим состоянием будут постоянно наблюдать наши медики.

— Прежде чем мы расстанемся, скажите несколько слов о П.

— Самое важное — он скрытный, лживый и очень мстительный человек. Постоянно комплексующий. Ничего не забывающий. Садист. Очевидно склонный к гомосексуальной педофилии. Самого себя он воспринимает как помазанника божьего. Абсолютно равнодушен к страданиям других людей. Законченный мерзавец.

— Понял. Надеюсь, вы знаете, что делаете. И не пожалее о том, что пригласили на роль охотника меня, человека, который и ружья никогда в руках не держал.

— Это достоинство, а не недостаток. Ни о чем не беспокойтесь.

— Тогда... отведите меня в машину и начнем. Зачем тянуть время?

— Прекрасно! Проведем погружение прямо сейчас. Хочу предупредить вас, машина не совершенна. Реакция ее не всегда предсказуема. Возможно вы увидите на мониторе что-то, что поразит вас или причинит вам боль. Или что-то невообразимое. Вы должны сохранять спокойствие. Вы не должны ни на секунду забывать, кто вы, где вы. Мы рекомендуем — закрыть на несколько секунд глаза и представить себе какой-нибудь хорошо известный вам ландшафт. Вид на Москву с Ленинских гор, любимую вами картину Брейгеля из Пушкинского музея. И еще... нам известно, что в окружении П знают о существовании нашей машины. И принимают меры для того, чтобы саботировать ее работу. Навести ее пилота на ложный след или заманить его в эмоциональную ловушку и запугать или даже погубить. Если вы захотите экстренно прервать процесс, нажмите на большую красную кнопку на мониторе. Если же почувствуете, что вы близко к П, нажмите на зеленую.

— Погубить?

— Да, я должен был произнести это слово. Хотя вероятность летального исхода для пилота ничтожно мала.

— Ясно.

Пол взял меня под руку и отвел в медицинский кабинет. Остальные участники встречи проводили меня траурными взглядами. Похоже, они провожали пилотов Фобуса в виртуальное путешествие далеко не в первый раз.

Вероятность ничтожно мала?

Меня обследовал симпатичный врач, Род.

Измерил температуру и давление. Послушал легкие. Взял мочу и кровь для экспресс-анализа. Постоянно бурчал себе что-то под нос. Потом сказал: Показатели у вас так себе, но для вашего возраста и телосложения — туда-сюда. Сожмите кулак.

После инъекции Род проводил меня в машину. Усадил в кресло. Нахлобучил на меня шапку с электродами, которые сразу же начали колоть мне кожу. Надел на палец колпачок с сенсорами. Показал и красную, и зеленую кнопки.

Перед тем как уйти, процедил: Вам будет казаться, что монитор втянул вас в себя, в картинку, в ландшафт. Это нормально. Дышите спокойно. Не думайте о войне, иначе попадете в пекло. Просто не забывайте о цели погружения. И помните, кто вы. Этого достаточно. Путешествуйте. Представляйте себе что-то хорошее. Наслаждайтесь, если сможете. И не стесняйтесь прервать погружение, если вам станет дурно. Не геройствуйте.

— Понял.

Ничтожно мала?

Я остался в машине один. Значит я теперь пилот какой-то дьявольской машины, несущейся по виртуальным мирам? Подопытная крыса в шапке с электродами? Охотник на президента России? Какая ерунда!

Почему-то услышал мерное стрекотание сверчка. Решил, что это от волнения. Какие сверчки в герметически запертом помещении?

На мониторе появилась первая картинка — летнее поле, поросшее травой.

Кое-где виднеются невысокие заросли клевера, репейник, васильки. Поле пахнет травой и землей. Ветерок гуляет волнами.

На краю поля, на большом, коричневом одеяле с двумя светлыми полосками сидят бабушка и внук. Моя бабушка и я. Бабушка вяжет, а я играю сделанной из глины куколкой. Это девочка. Я защищаю ее от злых насекомых.

Метрах в ста от них по полю быстро бежит обезьяна. Она то и дело оборачивается, смотрит на меня и гримасничает. Видит меня? Оттуда?

Почему мне знаком ее взгляд?

Увел курсор в небо.

И угодил в... море.

Как и предсказывал Род, монитор втянул меня в себя.

Я долго плыл, плыл брассом по спокойному морю. Без цели. Вокруг себя я видел только воду. Прозрачную, голубую, теплую. Пахнущую водорослями. Посмотрел на свои руки и ноги, загорелые, здоровые, кожа эластичная, мне было лет шестнадцать. Вот так машина! Перевернулся от радости несколько раз, нырнул.

Стая серебристых рыбок длиной в ладонь проплыла мимо меня, одна из них попробовала куснуть меня за ногу. Медузы, оранжевые крабы с красными глазками в расселинах скал, осьминог.

Вынырнул. Рано я радовался. Ко мне приближалась огромная волна. Высотой в двенадцатиэтажный дом. Верхушка ее медленно заворачивалась и падала, еще чуть-чуть и она обрушится на меня всей своей тяжестью.

Зажмурил глаза и тихонько двинул мышь.

И вот, я опять сижу в Фобусе, а на мониторе реклама для туристов: Бескрайнее изумрудное море... в нем бултыхаются девушки в бордовых бикини с зелеными кружочками, они смеются, показывая белоснежные зубы, и манят меня к себе изящными ручками с перламутровыми браслетами. А в небе — летит пузатый дирижабль. На его боку — нарисована бутылка кока-колы с красавицей-блондинкой на этикетке. Блондинка улыбается и подмигивает мне. На ее щеке сидит навозная муха и трет лапками свои фасеточные глазки.

Перевел курсор на небо.

И очутился... в широкофюзеляжном пассажирском самолете. Заглянул в иллюминатор. Голубое небо и белесый ковер облаков далеко внизу. Уши заложило. Ужасно хочется выпить холодного томатного сока.

Вокруг слышалась английская речь. Похоже я на пути из Европы в Америку. Сижу рядом с одним из двух проходов. Справа от меня — миловидная кудрявая чернокожая девушка в армейской форме. Читает книгу Стивена Кинга. Очень кстати.

Обратился к соседке по-английски: Милая, ты уже дочитала до того места, когда они прилетели в Бангор?

Ответ ее меня не удивил: Джон, не лезь ко мне со своими дурацкими вопросами, заткнись наконец, дай спокойно почитать, ты как наш сержант. Минуту не можешь посидеть молча.

В голове у меня кто-то прошептал: Сержант. Самолет. Бангор. Медузы. Под нами, кажется, Атлантика. Или Атлантида? И где ты тут собираешься выслеживать П? Ничего у тебя не выйдет. Ты опять всех разочаруешь.

И я, неожиданно для себя, спросил мою соседку: Ты случайно не знаешь, где сейчас находится президент П? Мне с ним поговорить надо. О диких собаках динго.

— О диких собаках?

Она отложила книгу в сторону, сморщила носик, потрясла кудряшками и озабоченно посмотрела на меня, затем постучала длинным указательным пальцем с серебряным ногтем мне по виску и констатировала горько: Ну вот, ты окончательно спятил. Говорила я тебе, не целуй снаряды с урановыми наконечниками, облучишься и станешь идиотом. Что я с тобой буду делать там, на гражданке?

— Шуток не понимаешь?

Решил сходить в туалет. И заодно освежиться.

Открыл дверь в туалет, а там... что-то неописуемое, ужасное. Похожее на огромный клубок шипящих змей.

Захлопнул дверь и сел на свое место. Хотел проверить, есть ли змеи в туалете на самом деле или это у меня в голове помутилось. Ждать пришлось недолго. Громадного роста белобрысый ковбой открыл дверь в туалет, зашел, а через четыре минуты вышел, застегивая на ходу ширинку. Значит, змей вижу только я.

Решил пожаловаться на это моей спутнице, повернулся к ней.

И сразу понял, что с бедняжкой произошла метаморфоза.

Она неправдоподобно широко раскрыла свою зубастую, явно не человеческую пасть, намереваясь схватить меня за голову и проглотить, как анаконда глотает теленка.

Краем глазом я увидел, что остальные пассажиры в салоне тоже превратились в мерзких чудовищ. Ковбой растянул свою пасть на полметра, он смог бы проглотить и слоненка.

Перевел курсор в угол монитора.

И меня тут же вынесло из самолета.

Я падал... падал с чудовищной высоты.

Барахтался в воздухе как сумасшедший, задыхался, мне казалось, что ветер разрывает меня на части. Земля стремительно приближалась.

Наконец догадался дернуть за кольцо. Парашют раскрылся, и я шлепнулся на горячую, поросшую редкой травой красноватую поверхность земли как лягушка, которую бросили в воздух злые мальчишки.

Вокруг меня простиралась степь или саванна. Было очень жарко и душно. На горизонте, в мутном желто-фиолетовом мареве дрожали и качались фата-морганы, похожие на замки в Диснейленде.

Где я находился, я и понятия не имел. Сел на траву и постарался успокоиться.

Тут ко мне медленно подошел пещерный лев... в цилиндре и красных солнцезащитных очках. Подошел не ловко, на задних лапах. Лег на живот и прорычал: Разрешите представиться, пещерный лев.

— Я и так вижу, что вы лев.

— Будьте осторожны, не обижайте меня. Ведь пещерные львы вымерли десять тысяч лет назад. Могу сгоряча и сожрать.

— Что вы, что вы, я и не думал вас обижать.

— Нет, вы хотели обидеть. И еще, вы хотели спросить меня, не знаю ли я, где находится П. Сознайтесь, ведь хотели?

— Да, хотел.

— Хотели спросить, хотя твердо знали, что я понятия не имею, где находятся современные политические деятели. Как это опрометчиво и легкомысленно! Ох уж мне эти эскаписты и дилетанты.

Лев положил кудластую голову на лапы и вздохнул. Затем превратился в кролика и побежал, оглядываясь и петляя, хотя я его не преследовал. И его морда мне показалась знакомой. Особенно взгляд его тусклых глаз.

Я сидел по-турецки на тротуаре городской улицы. Передо мной лежала кепка, в которую прохожие то и дело кидали медяки. А я что-то мямлил и благодарил их по-немецки. Одет я был в старую и грязную одежду. И сам был старый и грязный. Плохо пах.

Рядом со мной сидела жуткая нищая старуха и трясла своей простоволосой головой и корявыми руками. Изображала тик. Я решил, что она — моя жена или подруга, и спросил ее: Где мы?

Старуха вытаращила на меня свои бельма и презрительно плюнула. Попала в кепку с медяками.

Я решил наказать ее за дерзость и вцепился когтями ей в космы. Начал драть. Старуха дико завопила и заорала: Отцепись от меня, старый пердун! Околей и вали на кладбище.

Я ударил ее кулаком в плоскую, твердую, как манекен, грудь. Старая карга завывала и попыталась по-кошачьи оцарапать мне лицо. Я как мог, отбил атаку. Вокруг нас стали собираться зеваки.

Я резко прекратил бой, схватил старуху за руки, и громко спросил публику: Никто не знает, где находится президент России П? У меня для него приготовлен сюрприз.

Зеваки недобро посмеялись, бросили еще — и мне в кепку, и старухе в подол — несколько медяков и разошлись.

Я опять спросил старуху: Где мы?

Она почему-то сменила гнев на милость.

— А-то ты сам не знаешь.

— Представь себе, не знаю.

— Где, где. В Гамбурге мы. Михель торчит, рыбой воняет. Не узнаешь, что ли? Прямо на Репербане и сидим. Донюхался, сволочь. Когда же ты сдохнешь наконец, душу мою отпустишь на покаяние?

— После тебя, старая калоша, после тебя.

Я прекрасно помнил, где я на самом деле, и кто я, и зачем я тут, но мне доставляло удовольствие браниться с этой несчастной женщиной.

Хорошенького понемножку.

А вот и наказание, я стою голый в кабинете врача. Как же отвратительна эта медицина!

Врач, высокий усталый еврей с породистым лицом, человек лет пятидесяти пяти, критически осматривал мое тело. Трогал меня, мял, щипал за грудь и ягодицы, руки у него были железные.

— Вы молодец, хорошо похудели. Килограмм тридцать сбросили?

— Тридцать пять.

— Еще десять килограмм надо убрать, тогда ваше тело освободится от бремени. И ваша простата тоже. Ложитесь тут, на бок, да... я проведу пальпацию. Больно не будет. Некоторые пациенты любят эту процедуру, хм...

— А я не люблю.

— Потерпите.

Голос у эскулапа был низкий, тон — не допускающий возражений.

А палец, которым он исследовал мою простату — судя по моим субъективным ощущениям — сантиметров двадцать длиной. И толщиной с огурец.

Мне конечно следовало бы быстро переместить курсор и покинуть этот кошмарный кабинет, где в больших стеклянных шкафах были выставлены напоказ различные хирургические инструменты, напоминающие орудия пытки, но что-то помешало мне это сделать. Замедленная реакция? Или ожидание удовольствия?

Вдоволь покопавшись в моей заднице, врач сказал: Ничего подозрительного я не заметил, можете одеваться.

— Извините, доктор, можно вам задать вопрос, не имеющий отношения к медицине?

— Задавайте.

— Вы случайно не знаете, где находится П? Он мне денег должен. Не отдает...

— Денег должен? Кто? Не знаю никакого П.

— Вы что, даже не слышали о таком?

— Нет, удивительно гадкая фамилия.

— Этот человек — президент России.

— России? Ага... как же я сразу не догадался, похоже, у вас серьезные проблемы с восприятием. Не переживайте, заскоки у всех бывают. Заработались, семья загрызла. У меня есть хороший друг, доктор Слинкин, могу попросить его принять вас в частном порядке. Подождите, пошлю телефон.

Зачем я его спросил о П? Сам не знаю. Почему-то я надеялся на то, что этот врач, человек другой эпохи, знает, где он. Безумие, понимаю. А разве вся эта затея с машиной — не безумие? Ну как, скажите, как я могу привести Фобус к П?

Может быть все это — вовсе не попытка уничтожить П, а всего лишь тест?

Тест, касающийся меня одного. Проклятые врачи тестируют мою психику. Проверяют, как я веду себя в абсурдных ситуациях. И если решат, что я опасен для окружающих, запрут меня на всю жизнь в дурдоме. Или пристрелят.

На сей раз мне не повезло. Или эта проклятая машинаотреагировала на мой страх и материализовала его? И как ловко!

Я нашел себя в просторной, похожей на зал в старинной крепости, палате для буйнопомешанных. На мне была только набедренная повязка. Руки и ноги были связаны белыми тряпками.

Со мной в палате находились не меньше ста человек, так же, как и я связанных белыми тряпками. Все они орали, тряслись, пытались прыгать, брыкаться, бить и кусать друг

друга. Между сумасшедшими ходил санитар, могучий старик Харон с деревянной палкой. Этой палкой он нещадно лупил особенно буйных.

Несколько раз старик подходил и ко мне и спрашивал меня: Ну что, Родриго, ты все еще ищешь своего президента, ты все еще убежден, что живешь в Германии в двадцать первом веке и сидишь в какой-то адской машине? Получай, получай.

И старик наотмашь бил меня палкой по спине так сильно, что я боялся, что мой позвоночник расколется на части.

Санитар отошел от меня, а лежащий рядом со мной сумасшедший прошептал: Если ты не признаешь то, что ты простой сапожник из Севильи, то он забьет тебя до смерти. Так тут лечат. Или передаст тебя в руки святой Инквизиции, а это еще хуже. Прежде чем сжечь тебя на костре, они будут несколько недель пытаться тебя. Я все это испытал.

И он показал мне свои изуродованные пальцы.

Говорящий взмолился: Если ты выйдешь отсюда, попробуй освободить и меня. Сделай божье дело. Я ни в чем не виноват, меня оговорили. Они называли меня таггано и вырывали щипцами мне ногти. Но я так и не сказал им, где спрятано сокровище. Тогда они сломали мне ноги и привезли сюда. Ноги зажили, но я стал хромым. Хочешь послушать мою историю?

— Валяй, рассказывай.

— Я родился в семье богатого торговца. Мой отец каждый день ел яичницу из тринадцати яиц. С чесноком и чечевицей. Это его и погубило. После его смерти алчные кредиторы забрали все нажитое и дом. Моя мать осталась одна со мной. Все мои братья и сестры умерли в младенчестве. Когда я немного подрос, она сказала мне: Фелипе, твой отец не был плохим человеком, не был он и мотом. Он знал, что после его смерти кредиторы ограбят нас. Поэтому он загодя зарыл сокровище. Чтобы мы мог-

ли, когда все уляжется, откопать его, уехать в другой город и жить там безбедно. Я покажу тебе, где лежит сундук с дублонами, если ты поклянешься скорее умереть, чем выдать тайну чужакам. Я поклялся. Мы решили выкопать сундук той же ночью. Он был закопан в саду. Недалеко от нашей лачуги. На следующий день мы планировали покинуть Севилью. Ночью мы взяли лопаты и отправились в сад. По дороге на нас напали цыгане, они убили мать, а меня забрали в табор и увезли в окрестности Гранады. Там знакомый цыган провел меня в знаменитый дворец трех королей.

Мне осточертел его рассказ. Я резко двинул мышью...

И перелетел в Москву моего детства.

Я шел по вечернему Ленинскому проспекту от универмага Москва по направлению к улице Панферова, где мы тогда жили, в длинном кирпичном университетском доме. В голове у меня звучала впервые в жизни услышанная на школьном вечере песня в исполнении Фрэнка Синатры «Strangers in the night».

Мне было только восемь лет, но услышав эту песню, я испытал что-то вроде озарения, многое понял и почувствовал.

Я понял, что такое одиночество в большом городе, я ощутил боль странника, его тоску по женщине, по ее любви, по одному ее приветливому слову. Я видел его темную фигуру в плаще. Его американскую шляпу. Его грустное лицо Гэтсби, не похожее на грубое лицо Синатры, который казался мне похожим на сталелитейщика или на гангстера.

В моей детской, колеблющейся, сумеречной, еще не обретшей законченные формы вселенной высветилась ее фигура... ее, одинокой странницы. С лицом Ильзы из «Касабланки». И я полюбил ее и решил искать ее всю свою жизнь. Да, ее, а не отвратительного, похожего на злобного

енота диктатора П. Ее, которая приласкает и успокоит меня. Слезы лились у меня по щекам. А волшебный голос Синатры рыдал у меня в голове.

Я шел и шел по моему родному городу, плакал и блаженствовал, миновал Молодежную улицу и приближался к Зоомагазину. Тут ко мне неожиданно подошел низкорослый широкоплечий мужчина с неприятным восточным лицом. Он схватил меня за плечи своими руками, похожими на грейферный ковш экскаватора, приблизил свою небритую образину к моему лицу и прорычал: Если хочешь жить... ни звука. Пикнешь — задушу.

Поднял меня и понес как куклу к стоящей на тротуаре старой Волге. Бросил меня на заднее сиденье, накрыл брезентом и сел рядом. Я успел заметить, что шофер Волги похож на моего похитителя как близнец.

Волга тронулась, а я...

Со мной произошло то, о чем меня так настоятельно предостерегал Пол, я забыл себя. Забыл, как меня зовут, забыл то, где я живу, забыл своё время, забыл, что сижу в таинственной машине перед монитором и то, что могу одним легким движением мыши перенестись в другой мир.

И виноват в этом был не я, а Фрэнк Синатра, очаровавший меня своим голосом, и удивительная, раскрывающаяся веером или крыльями птицы мелодия.

В салоне Волги пахло бензином и немывтыми ногами.

Я инстинктивно подтянул колени к подбородку и получил удар кулаком в живот.

— Не ворочайся, шкет, убью!

И еще один удар, в бок. Мне было очень больно. Сжал зубы.

Наконец мы приехали. Меня завернули в брезент и вынесли из машины.

Развернули меня в небольшой пустой комнате без окна. С умывальником, грязным унитазом и водяным бачком.

На полу там валялся старый пятнистый матрас.

На потолке висела лампочка. Светила она тускло. Как бы неохотно.

— Садись на матрас и жди. И не вздумай пищать, пришибу.

Мучитель мой оставил наконец меня одного.

Через час или два он принес мне алюминиевую кружку с водой и кусок серого хлеба.

— Пей и жри.

Я выпил несколько глотков, пожевал хлеб, но проглотить его так и не смог, выплюнул в унитаз. Помочился. Спустил воду.

Лег на матрас.

Издали до меня глухо доносились мужские голоса. Бачок зудел как назойливое насекомое. Матрас пах мочой.

Я заснул.

Меня разбудили чьи-то руки. Говоря юридическим языком — совершавшие непристойные прикосновения.

Рядом со мной на матрасе сидел ужасный старик. Голый, опухший, лысый.

Ноги его были покрыты волдырями. Большие пальцы — ампутированы.

Пальцы рук с обкусанными ногтями походили на обрубки. Длинный угрястый утиный нос завернулся набок, из беззубого рта сочилась слюна. Из ботоксной шеи торчал бесформенный кадык. Живот и пах старика заросли длинными желтоватыми волосами. Пенис его был похож на жирного червя.

Старик пах гнилой картошкой.

Так вот это чудовище, гнусно хихикая, трогало мои яички, чмокало розовыми слюнявыми губами и приговаривало: Просыпайся, просыпайся, принцесса, доставь немножко радости папочке. Подергай себя за пипку.

Тут только я понял, что я голый и нахожусь во власти этого маньяка.

Волна страха и омерзения подкатилась к горлу, я не смог сдержаться, меня вырвало.

Старика это не разозлило, наоборот, привело в состояние экстаза. Он схватил большим и указательным пальцами правой руки свой червяк и начал быстро-быстро его дергать. Туда-сюда. Кончил через несколько секунд. Вытер руки и пенис грязным полотенцем и обратился ко мне: А теперь, принцесса, мы с тобой...

И притянул меня к себе.

Схватил губами мой детский член и начал, жадно чмокая, его сосать.

Когда я кончал, вспомнил наконец, кто я такой.

Нашел в себе силы спросить старика: Вы не знаете, где сейчас находится президент П? Его милиция ищет.

Старик посмотрел на меня с нескрываемым ужасом и завопил: Гиви, сынок, он опять взялся за свое.

После этого старик превратился в гадкую медведку размером с утюг, ловко спрыгнул с матраса на грязный пол и уполз в угол комнаты, нашел там мышиную норку и юркнул в нее.

Я заметил, что там, где он полз, остался слизистый след, как после улитки.

БАЛ

Двинул мышку вправо и вниз. И меня тут же потащила куда-то неведомая сила. Сердце как всегда ёкнуло. Несмотря на их половинчатость или мнимость, привыкнуть к этим псевдо-путешествиям-и-метаморфозам я так и не смог.

Перед глазами побежали полулюди, полурыбы. Люди-раки и люди-крабы. Люди-осьминоги и люди-черепахи. Люди-леопарды и люди-динозавры.

Люди-автомобили и люди-самолеты. Люди-ракеты и люди-дроны.

Люди-дома и люди-деревья. Люди-яхты и люди-пассажирские-лайнеры.

Люди-планеты и люди-звезды.

Прямо передо мной вертелся окруженный жемчужно-голубым сиянием человек-галактика. В его пупке зияла черная дыра. В ее середине находилось Всевидящее Око.

Где это я?

Господи... На этот раз меня занесло, тьфу ты, ну ты, не ожидал, на студенческий бал 1977 года в фойе главного здания МГУ. Скучнейший бал для молодых совчелов в сталинских декорациях, построенных незадолго до моего рождения несчастными заключенными. Декорациях, долженствующих представлять «прекрасное коммунистическое будущее великой страны советов».

Поначалу я подумал, что попал в метро. Но поездов не было ни видно, ни слышно. Теплый, почти лишенный кислорода воздух не обдавал лицо душными волнами, как пар в парилке.

И народу было немного. Только разрозненные группки скромно одетых, не слишком опрятных студентов в плохой обуви бродили по огромному залу.

Юноши с угреватými бело-розовыми лицами что-то друг другу рассказывали, жестикулировали, многозначительно переглядывались. Наверное, анекдоты про поручика Ржевского травили. Или про Вовочку. Девушки смотрели в пол. Краснели, бледнели.

Потом я узнал МГУ. Узнал и самого себя. Вспомнил, почему я тогда, в 1977 году поперся на этот бал.

Я был тогда застенчивым, несмотря на все попытки так и не обретшим собственное лицо и характер увальнем.

Только что я написал свой первый и последний роман.

И эта попытка сделать что-то серьезное потерпела неудачу.

Мама случайно нашла рукопись, прочитала первые шестьдесят страниц, окаменела и прибежала ко мне в комнату, грохоча как лавина. Бросила рукопись на кушетку и проговорила скрипучим угрожающим голосом, готовым в любой момент сорваться на крик: Ты что, хочешь нас всех угробить? Какой храбрец нашелся! Умник! Все, что ты тут разжёвываешь, хорошо известно любому московскому интеллигенту, ничего оригинального в твоих излияниях я не нашла. Охота тебе за это в колонии гнить? Или в психушке маяться? Ты о нас подумал? Что они с нами сделают? Или для тебя только твои сопли важны?

Роман я сжёг. В овраге между нашим домом на Вернадского и улицей Лобачевского. Рукопись моя превратилась в пепел. И я о ней не жалею.

Почему я точно знаю год? Потому что как раз тогда, в год, когда случился пожар в гостинице «Россия», я с невероятным трудом достал и жадно, в одну ночь, прочитал первое издание «Степного волка» Гессе по-русски. В книжке с желтой очкастой головой автора на обложке.

Книжка эта изменила мою жизнь, прорубила окно в мир, о существовании которого я только смутно догадывался. Наметила направление, глубину и высоту духовных погружений и полетов, которые я потом совершал с легкой руки автора.

Вечно копающийся в себе главный герой этого романа, фаустовский человек, одержимый суицидальными мыслями и болезненным раздвоением личности Гарри Галлер переживает на балу в «Глобусе» волшебные превращения, испытывает холодный немецкий катарсис, проникновенно беседует с Гёте и Моцартом, охотится на автомобили, спускается в ад, совершает иллюзорное убийство своей inferнальной возлюбленной.

Помню, мне тогда тоже страстно захотелось посетить бал, хоть какой, пусть даже советский. И если и не пережить что-то подобное пережитому Гарри, то хотя бы представить себе...

Я отлично знал, что на балу в МГУ не будет ни превращений, ни шампанского, ни негритянского оркестра, ни магического театра, ни Пабло, ни Марии, ни Гермины.

Не будет и «нежной возни в коридорах».

Зато будет советский казённый праздник. Во всей своей убогой, назойливой и дурно пахнущей красе.

Я надеялся на силу воображения и тогда еще не до конца осознанную способность спонтанно галлюцинировать на заданную тему.

Тщетная надежда!

Советская агрессивная рутина легко нивелировала любой творческий порыв молокососа, задумавшего нахрапом взять метафизические крепости и найти святой Грааль, разъедала как кислотой незрелую волнующуюся душу, жаждущую контактов с обитателями высших и низших

миров, с наслаждением втаптывала грезящего о Небесном Иерусалиме человечка в грязь.

Если он конечно не был тверд как алмаз. Я знал несколько таких алмазных людей и завидовал им. Самому себе я представлялся малахитом. Или янтарем. Крошачимся, сгорающим. И не любил себя за это, понимая, что изменить ничего не могу

Стены просторного светлого зала были покрыты плитами пестрого с искорками мрамора, на потолке висели круглые, почти плоские люстры, состоящие из звездчатых кристаллов горного хрусталя.

Облицованные яшмой колонны с ионическими капителями.

Дорогой, каменный пол с благородным геометрическим орнаментом.

Все это никак не сочеталось с постными физиономиями участников бала.

В одном углу зала располагался сверкающий золотыми тарелками «вокально-инструментальный ансамбль» из четырех человек, с деланным энтузиазмом исполняющий советские эстрадные песни. Тошнотворные, как и всё производимое этим удивительно бездарным обществом. «Мгновения», «Мой адрес — Советский Союз», «Червона рута»... Три раза на бис исполнялись «Нежность» и «Ноктюрн», две песни, неизменно вышибающие из милых женских глаз разрешенную партией слезу.

Опустела без тебя Земля...

Ночью, в узких улочках Риги...

В другом углу работал буфет, поражающий скудостью репертуара. Из напитков там продавался один сливовый

лимонад, вызывавший вначале икоту, а затем еще и изжогу. Сухие бутерброды с сыром крошились во рту и могли вызвать непроходимость в кишечнике. Редкие гости советских буфетов, сосиски, кончились еще до моего появления на балу.

Пришедшие на бал студенты уединялись как могли и потихоньку распивали принесенные с собой втайне водку и портвейн. Партийные гниды и топтуны, следящие за порядком, делали то же самое, а затем ловили поддающих студентов и безжалостно отбирали у них спиртное, грозя сообщить в деканат о неподобающем советскому студенту поведении. Угрозы эти не были пустыми обещаниями. Они могли обернуться для провинившихся потерей стипендии, то есть, попросту, голодом.

Я наблюдал, как оголодавшие студенты мехмата ловят специальными петельками голубей, любопытное и поучительное зрелище, а затем жарят их на общежитской кухне. Кто-то даже пробовал ловить ворон, что оказалось далеко не простым делом.

В третьем углу, на толстом и грязном лиловом ковре сосредоточенно работали артисты цирка. Видимо, второй гарнитур или начинающие.

Там долго дергался разодетый в сверкающую розовую одежду жонглер, то и дело роняющий свои пластиковые кегли на пол. После жонглера выступали гимнасты. Я боялся, что маленькая полуголая девочка, вынужденная постоянно забираться на вершину пирамиды, составленную из потных мускулистых тел ее коллег — братьев, отцов и дядей — сломает руку или ногу при приземлении. Слава богу, обошлось. После гимнастов — на ковер вышел дрессировщик-Пьеро с двумя белыми, экзотично подстриженными собачками-пуделями. Пуделя прыгали через его руки и

поднятые ноги, служили, считали до восьми и ходили на передних лапах, держа в пастях пластиковые кости. Это было нестерпимо.

Циркачам вяло аплодировали. Зевая и отводя глаза.

В четвертом углу бального зала — сидел аспирант-математик Пипинов, по прозвищу Пипин, и рисовал для всех желающих карандашные портреты. Надо отдать ему должное, делал он это превосходно. Хотя всегда намеренно деформировал лицо модели, так что получалась карикатура. Несмотря на это или именно из-за этого, к Пипину стояла очередь из студентов и преподавателей.

Помню, позже какой-то почитатель его творчества решил показать небольшую выставку его портретов и пейзажей в одной из больших аудиторий на шестнадцатом этаже. Ничего из этого не вышло. Просьба разрешить выставку летала от одного начальника к другому, как мяч у баскетболистов, и в конце концов исчезла, испарилась, и выставка не состоялась. Пипин горевал не долго. Он был одним из тех, кто в перестроечное время начал рисовать портреты прохожих за деньги на Старом Арбате. Бросил ради этого увлекательного занятия научную карьеру. А затем, разочаровавшись во всем, уехал за границу. Кажется, я видел его сгорбленную сидящую фигуру на площади у Синей церкви Вильгельма на Кудаме. Впрочем, может быть, это был и не он, а только его фантом, всё бывает. Последнее время я часто вижу двойников людей, которых когда-то хорошо знал. Говорят, это — типичная болезнь стареющих эмигрантов. Признак неумолимо подступающей деменции.

Побродив три четверти часа среди редких группок студентов, не знающих, чем занять себя (все влекущее и прекрасное было запрещено начальством, в том числе и танцы под заграничную музыку), и убедившись, что глав-

ное здание МГУ не похоже на описанный Гессе «Глобус», я тогда покинул бал и поехал домой, на Юго-Западную, на троллейбусе номер 34, проклиная про себя гнусную страну, в которой умудрился родиться.

Тогда...

А сейчас, я ничего не ждал от этого идиотского бала.

Но я тут был молод и здоров, и мне не хотелось быстро прерывать это удовольствие.

Несколько раз я танцевал с неизвестными мне девушками. В разговоры с ними не вступал. Что я, семидесятидвухлетний старик, покинувший родину чуть ли ни сорок лет назад, мог им сказать? Юности отвратительна мудрость старости. Да я и не мудрец вовсе, скорее постаревший юнец.

Начни я им рассказывать, что случится в будущем с их страной...

О том, как с позором запретят правящую ныне партию... и выкинут на помойку господствующую сейчас идеологию... вместе со всеми гербами, красными флагами, «Кратким курсом» и «Основами научного коммунизма».

О том, с каким треском и смрадом развалится их страна.

Об олигархах, о взорванных домах, о чеченских войнах, о перестрелках на улицах Москвы, о штурме Белого Дома, о нападении на Грузию, о том, как Россия атаковала Украину и убила там десятки тысяч невинных людей.

О бомбежках Харькова, об уничтожении Мариуполя, о зверствах русской солдатни в Изюме и Буче.

Они, эти зашоренные советские девочки, приехавшие учиться в МГУ из зловещих медвежьих углов их социалистического отечества, мне бы не только не поверили, но и посчитали бы меня провокатором и тут же побежали бы

доносить. А если бы поверили — испугались бы до смерти. Ведь вся эта коммунистическая галиматъя для того и создавалась, чтобы эти провинциальные люди чувствовали себя защищенными и востребованными участниками общего дела. Чтобы работали — так или иначе — на московских начальников и не бунтовали.

Поэтому я молчал и осторожно прижимался к ним грудью и животом, нюхал запах их юных тел и дешевой косметики.

Даже несколько раз осторожно целовал моих партнеров по танцам в щеку и за ушком, за что был вознагражден вопросительными и осуждающими взглядами.

Да, я наслаждался, как мог, и даже не пытался найти среди гостей или многочисленных надзирателей и топтунов, да, да, его, будущего президента России, чтобы нажать наконец на зеленую кнопку и позволить Фобусу вырезать кусок времени и пространства, в котором этот подонок прятался.

Не пытался искать, только пассивно наблюдал за происходящим. Танцевал. Стоял. Опять танцевал. Ждал, что рыбка сама угодит в сеть.

Да, я помнил то, что П в это время обитал в Ленинграде.

Но чуть позже он вроде бы учился в высшей школе КГБ в Москве. Может, его тогда в МГУ на практику посылали? Поучиться у опытных сексотов?

Кто знает, может быть, он тут, вон там, за колонной. Стоит, ухмыляется. Как ухмыляются палачи перед казнью революционеров или работники бойни в лоснящихся фартуках, которым привезли десять фур с живым товаром.

Или он втерся в какую-нибудь компанию физиков или мехматян и собирает потихоньку компромат, записывает, запоминает (говорят, у него прекрасная память), чтобы потом положить начальству на стол материалец и доказать, что не зря проторчал четыре часа на балу.

Неожиданно ко мне подошел мой старый приятель, Мишка.

Вынырнул из океана прошлого прямо перед моим носом как заблудившийся дельфин, выбросившийся на берег. И прошептал мне на ухо: Пойдем, у меня еще осталась бутылка Столицы.

И потянул меня за рукав.

Мы поднялись по широкой мраморной лестнице на третий этаж.

Мишка привел меня в какую-то кладовку, зажег там лампочку на потолке.

Мы сели на старой топчан.

Мишка достал бутылку водки с красно-бело-золотой этикеткой из помойного ведра. Вытер ее грязной тряпкой, затем заботливо обтер еще раз рукой, откупорил и подал мне.

— Пей, бродяга. Небось, на том свете таким не угощают.

Я глотнул из горлышка и подал бутылку Мишке. Тот тоже глотнул, рыгнул, подавился и жутко закашлялся. Слезы лились у него по щекам. Откашлялся и сказал: Не в то горло пошла, злая водка, ох, злая, как бешеный пес.

— Кашляй, кашляй спокойно.

— Ты же вроде не хотел идти на бал.

— Не хотел, но пришел.

— Один или со своей тёлкой?

— Один.

— Поссорились?

— Ни то, ни сё. Устал от нее. Прилипла.

— А она, наверное, всем жалуется, что это ты к ней прилип.

— Наверное.

Выпили еще по глотку. И еще. И еще. Допили бутылку. Мишка бросил ее в ведро. Не попал. Бутылка, гулко щелкая, покатила по каменному полу.

Я вроде бы держался, а Мишку развезло.

И повело. И потащило куда-то. Свернуло в дугу. Распря-
мило. И опять свернуло. И меня тоже раза три крутануло.

Голова закружилась, затошнило жутко, перед глазами появилось зарево как бы белого огня, а когда зарево погасло и тошнота прошла, я заметил, что у Мишки теперь — козлиная голова. С бородой и изогнутыми рогами.

Голова эта уставилась на меня неправдоподобно большими синими глазами, затем проскворчала отрывистым басом: Мееее...

Звук этот не был похож на обычную козлиную песню. Скорее он напоминал скрежет тяжелых железных багров, царапающих асфальт или клекот хищной металлической птицы.

Потом Мишка пружиной выскочил из кладовки, вернулся в бальный зал и взмыл к потолку.

А меня наоборот, размазало как мастику по каменному полу. Я ощутил, как холоден этот пол.

Не знаю, что было подмешано в Столичную.

Возможно, Фобус послал мне в мозг неправильные сигналы, или ирреальный алкоголь в моей крови сбил его с толку, и он тоже опьянел и начал чудить.

И вот я... торчал как пень в середине зала и глазел на то, как мой собутыльник, человек с головой козла и крыльями вроде стрекозиных — стрекотал и бил рогами потолок. Никого кроме меня это, похоже, не трогало. Все продолжали делать то, что и раньше делали. Кто-то танцевал, кто-то разговаривал, многие студенты просто стояли и тупо смотрели перед собой. Стульев в зале не было.

Тут ко мне стали подходить гости из прошлого. И заводить со мной идиотские разговоры. Разговоры, которые мы никогда в прошлой жизни не вели.

Похоже, кто-то специально подсылал их ко мне. Неужели он или они?

Может, они и Мишку ко мне подослали, и в водку что-то подсыпали?

Подошла ко мне и Мамкина, по прозвищу Княжна Мери. Крупная девица с мощным задом, похожим на зад гиппопотама. Пришлось с ней танцевать.

Вы когда-нибудь танцевали с бегемотом?

После танца мы стояли у мраморной колонны.

Мери смачно поцеловала меня в губы и прогудела: Ты зачем тут объявился, прокаженный? Опять руки распускаешь, барчук?

Дело в том, что во время танца я немного пощупал ее... машинально.

— Извини, вспомнил старое.

— Старое? Ты микроскоп принес с собой?

— Какой микроскоп?

— Такой. Чтобы твой член рассмотреть можно было.

— А зачем тебе его рассматривать? Ты что забыла, как ты его за щеку брала, курва ты пятнистая?

— Кто это курва, я? Ты меня со своей свиноматкой из Шанхая перепутал!

— Это ты о ком?

— Как будто сам не знаешь! О твоей косоглазой.

Проговорив это, Княжна Мери, гордо выпятив немалое вымя, повернулась ко мне задом и побрела вразвалочку в другой конец зала.

Но до конца зала не дошла, обернулась и показала мне, глумливо улыбаясь, кукиш. Точнее, два. Я расслышал ее хриплый смех. Затем она задрала юбку, под которой, как оказалось, ничего не было, кроме густой чащи сивых волос, и проорала: Ни хрена ты его не найдешь, брандахлыст ты египетский! Иди в жопу вместе со своей туполобой машиной!

А ведь давным-давно мы прекрасно проводили время в двуспальном арктическом спальном мешке на га-

гачьем пуху. В палатке, в летнем березовом лесу. На двух надувных матрасах. Под звон комаров и шелест листьев. И Княжна Мери казалась мне прекрасной феей. Мы подолгу прилипали друг к другу, и наш пот пах как липовый цвет, и ангелы на небесах радовались, когда смотрели на нас сверху, а черти в пекле, те просто с ума сходили от зависти.

Что же, ничто не вечно под Луной, как любил повторять один старый еврей с большим золотым перстнем на пальце и амулетом из лунного камня с вырезанным на нем ключиком на шее.

Тут рядом со мной вдруг оказалась Лерочка, жеманная и неуклюжая нацменка, подкрашивающая свои близорукие выдупленные глазки зеленкой.

Вовсе не похожая на свиноматку из Шанхая.

Лерочка пыталась выглядеть как таинственная незнакомка. Носила серебряные серьги с зелеными камешками и такие же кольца на руках и ногах и утверждала, что принимает участие в оккультных ритуалах. Рассказывала, что однажды присутствовала на магическом сеансе, на котором его участникам удалось вызвать самого Асмодея, явившегося им в виде страшного черного быка, а затем превратившегося в мужчину с огненными глазами.

— Кого я вижу, что вы тут делаете, принц?

— Явился с того света исключительно для того, чтобы увидеть твое личико и поцеловать твою маленькую смуглую ручку.

— Я вижу, ты как был, так и остался дамским угодником, болтуном и бездельником!

— Ты как всегда права, моя прелесть. Я знаю, ты предпочитаешь суровых и молчаливых мужчин, деловитых и богатых. Слышал, ты нашла себе такого. И все в нем хорошо кроме одного. Он не человек, а орангутанг и часто ловит блох на собственной шкуре, считая деньги.

— Ах ты, негодяй! Он, по крайней мере, считает деньги, а не потерянные годы!

— К твоим услугам, милая! Могу посчитать годы и для тебя!

— Катись к черту!

— Уже там.

— И не ищи его здесь, его тут нет... так что зря ты пыжишься. Строишь из себя шут знает что.

— А ты откуда знаешь, что я кого-то ищу?

— Тут все знают, зачем ты здесь.

— Знают? Откуда?

— От верблюда.

Лицо Лерочки искривилось от злости и вдруг превратилось в лисью морду. И милая Лерочка побежала по залу на всех четырех, настороженно пригнувшись своим длинным носиком и то и дело поводя высокими ушами, заросшими красноватой шерстью.

Следующей на очереди оказалась Вера Дунаевская. Друзья звали ее просто Дуня. Длинноногая, легкомысленная, шаловливая девушка, с которой мы прожили вместе чуть ли не месяц. А затем любовно разошлись.

Привлекательная шатенка с темно-карими глазами. Рано умершая из-за не диагностированного вовремя рака груди.

Почему-то она появилась передо мной как привидение. Ноги ее не касались земли. Дуня, слегка покачиваясь, плыла по воздуху, левитировала как Будда Гаутама!

Но повела она себя не как Будда. Медленно подлетела ко мне и вдруг в пароксизме страсти бросилась мне на шею. Обхватила меня руками и ногами крепко, как удав. Не подозревал, что бесплотные духи обладают такой силой. Целовала мне щеки, нос, лоб и шею, пыталась содрать с меня рубашку.

Я же не мог забыть то, что она умерла. Ведь я оплакал ее, присутствовал на ее похоронах. Помню все, мать в обмороке, гроб, искусственные цветы, помню запах.

— Любимый, любимый! Обними и поцелуй меня. Хочу тебя.

Я пытался отстраниться от нее, но это было не так просто. Пришлось ее грубо оттолкнуть. Дуня отлетела от меня как теннисный мячик и чуть не врезалась в колонну.

Оправилась и попыталась еще раз обвиться вокруг меня, но я не позволил. Обиделась.

— Какой же ты мерзавец!

— Не обнимай меня и не целуй, ты мертвая.

— Что же я могу с этим поделаться? Да, я умерла, но, как видишь, я еще тут, на Земле, мне позволено навещать любимых людей. Когда я увидаю всех, меня отправят туда...

— Куда?

— Туда, откуда нет возврата. Куда всех посылают... после смерти.

— Кто посылает?

— Они.

— Кто это, они?

— Не знаю. Но я могу их тебе показать. Только они страшные, ты испугаешься. Хочешь, покажу?

— Да.

— Хорошо. А теперь посмотри повнимательнее на людей вокруг нас.

— Люди как люди.

— Не совсем.

Посмотрел.

И ужаснулся. Почему я раньше ничего не заметил? Нет, эти существа не были людьми.

У всех у них были жуткие, выпученные глаза. Искаженные ненавистью и злобой лица. Тела непонятной формы. Человеческие? И да, и нет.

Искривленные, скрюченные, как у горбунов или уродов. С наростами, вставками, протезами, а то и с чуждыми биологической жизни предметами, вросшими в плоть.

Созданные без учета пропорций. Кошмар для почитателей Витрувианского человека Леонардо.

Да, да, это были те же самые полулюди-полурыбы с жестяными плавниками и страшными пастями и другие биомеханические монстры, которые промелькнули у меня перед глазами перед тем, как я оказался в бальном зале.

Люди-крабы с пропеллерами на панцире и люди осьминоги с встроенными в животы кофеварками.

Люди-динозавры с гусеницами и орудийными дулами как у танков и люди-дома с живыми башенками и окнами, из которых высовывались длинные лиловые языки.

Люди-автомобили с выхлопными трубами вместо ртов и люди-самолеты с турбинами на груди и закрылками и элеронами вместо пальцев.

Люди-шагающие-экскаваторы с длинными хвостами и люди-космические-корабли с лягушачьими лапами. Они прыгали и ловили насекомых. И жаловались на изменение климата. Обещали устроить блокаду дорог.

Может быть, в эту пеструю толпу затесался и П? Там ему самое место.

Человек-кот в сапогах на высоких каблуках, человек-мясорубка с электроприводом, человек-бункер с атомными ракетами, торчащими из шахт в бетонной спине.

Решил громко обратиться ко всем присутствующим.

Набрал побольше воздуха в легкие и... и неожиданно оказался у своего погасшего монитора. Как старуха у разбитого корыта.

Пол стоял рядом со мной, бил меня ухоженной ладошкой по щеке и кричал мне в ухо: Господин Сомна, Антон, очнитесь наконец. У нас в здании отключилось электричество. Генераторы не работают, вероятно из-за диверсии. Слушайте, слушайте. Мы должны сейчас же спуститься в подвал. Россия начала бомбардировку Германии. Слышите сирены? Слышите грохот от падающих зданий? Слышите стоны и вой?

Да, я слышал.

Моя рука инстинктивно двигала мышку неработающего компьютера. Вправо-влево. Вправо-влево и вниз.

ЖЕНЩИНА С АККОРДЕОНОМ

По дороге в подвал, из окна на лестнице видел горящую берлинскую телебашню и доходящие до облаков столбы дыма со всех сторон. Тяжелое, но давно ожидаемое зрелище.

В подвале опять встретил людей в белых халатах. Они спорили о том, что случится после бомбардировки. Некоторые, хорошо информированные белые халаты утверждали, что наземное вторжение в Германию русские проведут силами северокорейцев. Якобы об этом подписан договор с Кимом. Другие с пеной у рта доказывали, что вторжение будет осуществляться китайцами, пробудившимися наконец после долгого периода военно-политической спячки.

— Китаезы не отдадут такой лакомый кусочек сиволапому Ивану. После морской блокады и зверского завоевания Тайваня им на всё начихать. В них пробудилась жажда крови. Китайцы захотят повторить тут тайваньский опыт. Нас ждут бессудные расправы, грабежи и групповые изнасилования немецких женщин китайской солдатней.

— Нет, северокорейской, — утверждали другие.

— Скорее, все-таки российской, — подытожил Пол. И я был с ним согласен.

Любопытно, что бундесвер никто даже не упоминал. Так глубоко сидело в немцах убеждение, что их собственная армия ни на что не годна и что бесполезно ждать от нее каких-то серьезных действий в ответ на атаку врага. И на НАТО тоже никто не надеялся. И это был не здоровый скепсис, а глубоко укорененное в головах отчаяние, появившееся у молодого поколения тевтонов во

времена экономического чуда из-за осознания вины отцов и дедов за чудовищные преступления во время Второй мировой войны.

На мое появление в подвале белые халаты прореагировали сухими приветствиями и кивками. Никто не подал мне руки.

Пол пояснил: Они разочарованы тем, что вы никак не помогли нам в поисках П. Понимаете, люди думают так — он сам бывший русский, он должен знать, где находится другой русский. Как будто Россия — это блошинный рынок в Тиргартене, и существует она от завтрака до обеда. Простительное заблуждение. Кроме того, они были шокированы сценой со старым педофилом. Не ожидали, что Фобус найдет в вашем подсознании что-то подобное и так реалистично это воспроизведет.

— Я тоже не в восторге от этой сцены, поверьте. Ничего подобного со мной в действительности не происходило. Хотя и могло произойти. Меня пытались похитить в Крыму, на железнодорожном вокзале. Мне было восемь лет, бабушка ушла в туалет, а меня оставила сторожить чемоданы. Вернулась она, когда я уже сидел в машине похитителя. Спасла меня в последний момент. В Крыму тогда свирепствовала банда, похищающая детей и подростков. После месяцев пыток и сексуального насилия, они сжигали свои жертвы живьем и зарывали в лесу.

— Какой ужас.

— Да, и именно такие люди придут сюда через недельку, две. Не пора ли вам снять ваш халат, купить лодку, отвезти ее в Голландию или Бельгию и уплыть в Англию? Хоть на веслах. А оттуда всеми правдами и неправдами перебраться в Новый Свет?

— Я отправил семью в Калифорнию около двух месяцев назад. Тогда еще летали самолеты.

— Вовремя. Но вернемся к нашим делам. Хочу попробовать оправдаться. Вы же сами говорили мне, что я должен быть самим собой, только не забывать о мой миссии. Я именно так и делал. Не забывал. Ну да, ваш Фобус нашел во мне много чего. Извините, какой есть. И тем не менее, во время моего последнего путешествия, на балу в МГУ, я физически почувствовал его присутствие. Он был где-то недалеко. Если бы у меня было еще немного времени, возможно, мы столкнулись бы с ним лбами. И я нажал бы на зеленую кнопку.

— Мы тоже почувствовали это. Извините, но за каждым вашим шагом, за каждым вдохом и выдохом, за каждым импульсом вашего сознания следили минимум десять специалистов. Да, вами недовольны. Но другого подобного вам человека у нас сейчас нет. Поэтому мы подумали и решили дать вам еще один шанс. Вам и всем нам. Пройдемте...

И Пол проводил меня в небольшое помещение, в котором находился велотренажер, переделанный в генератор электроэнергии, стул и компьютерный столик с широким монитором.

На велотренажере сидел молодой ученый и быстро вертел педали.

Пол сказал: Как видите, мы вынуждены были перейти на мускульную работу. Возвращаемся в Средние века. Мориц заканчивает заряжать батарею компьютера. Другие молодые сотрудники пытаются активировать серверы Фобуса и подзарядить их батареи на других велосипедах. Мы надеемся на то, что энергии хватит на два-три часа. Садитесь. Я помогу надеть вам шапку с электродами. Таак... Теперь колпачок на палец. Род последит за вашим здоровьем из соседней комнаты. Успеха!

— Погодите. Не хочу опять срезаться. Может быть, вы подскажете мне, о чем мне начать думать. Что представлять.

— Нет, нет, дорогой господин Сомна... Фобус не реагирует на прямые указания или подталкивания, это чрезвычайно тонкая, чувствительная машина. Он реагирует на то, что пилот пытается скрыть или забыть, забыть навсегда. Повторяю, будьте самим собой, а там видно будет. Не стесняйтесь.

— Похоже, Пол, вы уже не верите в то, что мы его поймем.

Пол глубоко вздохнул, снял и протер очки черной тряпочкой.

— Угадали. Идея с самого начала была бредовой. Найти кого-то в пространстве это еще в принципе возможно, особенно если есть зацепки или информаторы. Но искать кого-то во времени, в четвертом измерении...

Признаться, я спросил Пола, о чем мне думать, отлично зная его ответ. Почему спросил? Потому что и во мне жила крупница юродивой подлости. Приятно строить из себя идиота, и не просто идиота, а идиота, находящегося в интеллектуальной зависимости от авторитета в белом халате. Идиота, страстно жаждущего совета, как апортирующий пёсик мячика.

Отрадно упиваться собственной силой, изображая слабость, беспомощность.

Пол, кажется, понял тайный смысл моего вопроса и посмотрел на меня неодобрительно. Я ответил ему взглядом, в который вложил максимум покорности и елея. Это была моя скрытая месть.

Пол ощутил ядовитую сладость этого елея и дернул плечами, как будто хотел сбросить с себя налипшую паутину, и вышел из каморки.

Мориц ушел через несколько минут после него, пожелав мне удачи.

И вот... я опять остался наедине с проклятой машиной и собственным, освещенным редкими синеватыми споло-

хами, подсознанием, по недоброму ландшафту которого — я предчувствовал — мне придется побегать, походить, или поползать на брюхе.

Положил дрожащую руку на мышку и монитор тотчас показал мне картинку. И втянул меня в нее.

Я отлично знал, где я могу найти П. В аду!

И я попал в странный, испорченный мир.

В мир самодовлеющей исполинской обуви, в котором взрослые воевали с детьми.

Передо мной лежало что-то вроде колоссального открытого башмака на каблуке. Десятки других громадных башмаков возвышались как холмы слева и справа. Формировали собой пейзаж.

В башмаке сидели и стояли мужчины, женщины и дети. Я не сразу понял, что происходит. Потом до меня дошло, что взрослые тут наказывают детей. Учителя — учеников.

Ближе всех ко мне стояла полуголая босая тётка с густыми зарослями подмышками, она порола мальчишку по голой заднице розгой. Он стоял перед ней, согнувшись. Голова у коленей. Закусил губу и громко стонал после каждого удара. Из его исполосованной попки торчала синяя розочка. После каждого удара с нее на землю падал лепесток.

За теткой... учитель в черной одежде прижимал к себе полураздетую девочку. Она рыдала, а он мял ее, мял и выкручивал ей руки, лизал ей лицо и ушки толстым коровьим языком.

Старая учительница изо всех сил кусала руки примерной ученицы. Та с ужасом смотрела на нее, видимо не понимая, почему. Ведь она была первой ученицей в классе, а эта старая учительница всегда была так добра к ней, постоянно хвалила ее и ставила другим ученикам и ученицам в пример.

Чуть выше пожилой, хорошо одетый учитель, похоже, сам директор школы, истязал девочку-простушку на глазах

ее обожателя, мальчика из ее класса. Он разодрал на ней одежду и щипал ее детскую грудь своими крепкими пальцами бульдозериста. Девочка вскрикивала, ее друг сжимал кулачки и плакал от бессилия... возможно эта пытка предназначалась ему, а не ей.

Чуть дальше — высокий, атлетически сложенный учитель математики, злобно скрежеща зубами, раздвигал колени и совал руки под юбку упирающейся девочке лет восьми. Он спрашивал и спрашивал громким учительским баритоном о чем-то свою жертву. Голос в моей голове отзывался: Он всего лишь требует от нее правильного ответа на простенькую задачку по арифметике — сколько будет если 1369 умножить на 1869, разделить на 69153 и умножить на 18.

Прямо за ним рогатый католический монах жестоко драл за уши хорошо одетого опрятного ученика. Драл и громко кричал. Голос поведал мне: Он требует, чтобы ученик объяснил ему разницу между христомонистской экклезиологией и трансцендентным ультрамонтанизмом.

Еще дальше военный в экзотической форме дудел в уши толстого мальчика специально препарированной для пыток дудкой. Тот плакал и умолял простить его. Голос объяснил мне, в чем заключался проступок мальчика: Проходя мимо здания мэрии, он показал язык государственному флагу страны башмаков и плюнул.

Попытался покинуть этот изуверский мир. Не удалось.

Сам не знаю как, оказался в комнате, в которой три пожилые женщины держали за руки и за ноги чернокожую девочку, лежащую перед ними на столе. Голенькие ее ножки были широко расставлены, одна из пожилых женщин в старомодной шляпке, но с открытой грудью, с особо злобным выражением лица, похожего на чучело, совала, ухмыляясь, ей в промежность какой-то хирургический инструмент, похожий на длинную вилку с загнутыми

зубьями. Голос прошептал: Бедняжке делают аборт без анестезии. Она умудрилась залететь в свои двенадцать лет. От вечно потеющего и портящего воздух на уроках шестидесятилетнего учителя географии. Поклонника Пиночета и Илона Маска.

Смотреть на все это было невыносимо.

Спросить этих женщин о том, где находится П?

Я хоть и ощущал себя сумасшедшим, которого выпустили погулять в парке аттракционов имени Маркиза Де, но до такого уровня безумия еще не докатился. Нашел в себе силы пошевелить мышкой. Все напрасно.

Фобус не выпускал меня отсюда. Может быть, он что-то заметил?

Новая картинка, новая сцена насилия.

На бойне. Взрослые режут детей, чтобы сделать из них отбивные и котлеты. Лужи крови. Визг. И обязательные бальные танцы. Сказки венского леса. Вальс Доктор Живаго.

Швырк мышкой. Нет, я все еще там.

Ага, вполне античный ландшафт. Колонны, портики, фонтан.

Рядом с фонтаном молодой крестьянский парень нагнул маленькую девочку. Задрал ей платице и давай...

Справа у колонны пышногрудая дама подняла как куклу и целовала мальчика всасос. Он был обессилен и не сопротивлялся.

В глубине сцены — пациенты дома для престарелых устроили групповое совокупление с детьми восьми-девяти лет.

Крики, стоны. Ужас в детских глазах.

Хрипы, кряхтенье и исступленное хрюканье.

Маленькие ручки в волосатых обезьяньих лапах.

Искусанные вставными зубами миниатюрные пальчики на ножках.

Исцарапанная псориазными ногтями кожа.

Публика в партере бешено аплодировала.

Еще одна сказочная картинка.

Голый мужчина с головой волка кусает девочку в красной шапочке. В его большой пасти — ее плечо и левая грудь. Он не торопится. То и дело выпускает плечо жертвы из пасти, а затем снова кусает. На заднем плане — длинная процессия, мышцы хоронят кота.

Куда это меня зашвырнула чертова машина? Похоже, это не мои подсознательные желания. Может быть — это его подсознание? Его фантазии? Или даже — учитывая его неограниченные финансовые возможности — его реальность? Поля отдохновения после праведных трудов. Материализованные с помощью администрации президента и других приближенных к нему холуёв. Эти и своих детей отдадут душегубу.

Решил его тут как следует поискать...

Где-то ведь он должен прятаться. Чтобы подсматривать исподтишка за всеми этими ужасами.

Искал-искал-искал.

Дохлый номер.

Запыхался, выбежал как динозавр на поле с фиолетовыми цветами. Пахнет странно. Лаванда? Нет, его тут нет.

Да здесь и задохнуться можно. Дернул конвульсивно мышкой.

И очутился в классной комнате. Опять учителя и ученики. Опять порка розгами. На сей раз пороли девочку. Кто порол? Классная дама в длинном платье с искусственными плечами. Лицо — светится, как у всех фанатичек. На голове — пучок. В пучке — янтарный гребень. Как эстетично!

Что натворила девочка? Разлила чернила и запачкала платье.

Огромного роста горбун-учитель тыкал и тыкал первоклассника в живот указательным пальцем. Норовил попасть в пупок. Он не сделал домашнее задание, за это в него теперь будут тыкать пальцем. До тех пор, пока палец не порвет кожу.

Еще хуже, еще страшнее. Четыре молоденькие учительницы-мегеры сидят за столом. Хихикают, болтают и едят свежее детское мясо. На столе — лежит голенькая ученица. Учительницы отрывают от нее кусочки живой плоти и жуют своими ослиными зубищами. А она уже даже не пищит. Смотрит на потолок. А на потолке — битва синицы и петуха.

Несколько пожилых учительниц придумали себе веселую забаву — повесили трех мальчиков за ноги, головами вниз, нарисовали фломастерами на их попках мишени и метают в них дротики для игры в дартс. Главный приз для победителя — яички дятла.

Выбежал в коридор, держась за сердце.

Открыл дверь с изображением кролика с тремя лапами.

И растерялся.

Потому что угодил в совсем другой мир. И в другое время.

Я узнал эту ванную комнату и вспомнил сцену, которую мы тут устроили.

Хотел тронуть мышь и убратсья отсюда, но непонятная слабость в скрюченных пальцах не позволила.

Боялся, стыдился, не хотел и одновременно страстно желал. Обычное состояние психопата.

Я стоял в ванной комнате, в квартире моей подруги Таи на Глокенштрассе в городе К, напротив окна. За окном виднелась стена кирпичного дома на другой стороне ули-

цы. Темные его окна выглядели как входы в таящее беду пространство чужого существования. Сколько лет я прожил там, глядя на них?

Помню, помню... Мне всегда казалось, что из этих окон сочится зло. Как фиолетовый дым. И я как умел строил против этого зла невидимый, метафизический барьер. Однажды я увидел в этих окнах людей. Много людей с черно-белыми лицами, кустистыми бровями, длинными носами и неподвижными глазами. Они собрались на поминки по умершему чернокнижнику, их повелителю. После окончания поминок они прилипли своими длинными носами к стеклам и долго смотрели на меня. А я дрожал и молился. Потому что знал, что они хотят моей смерти.

Кроме меня в ванной комнате находились две женщины.

Посередине комнаты сидела на стуле престарелая мать Таи, Биргит. В черной юбке до пят и коричневой блузке с белыми, напоминающими то свастику, то силуэты белых медведей геометрическими фигурами. Исхудалое, изможденное лицо старухи и изробленные, деформированные руки — свидетельствовали о тяжелой, до краев заполненной физическим трудом и всяческими унижениями жизни.

Биргит пришлось несколько лет проработать разносчицей еды в офицерской столовой для советских... где ее только ленивый не трахал. Были среди офицеров и нормальные люди, те иногда дарили ей подарки, но были и откровенные садисты. О них Биргит любила вспоминать, когда напивалась.

Обвиняла меня во всех смертных грехах, не обращая внимания на мои протесты.

— Потому что ты тоже из них, узнаю вас всех по выражению глаз, все русские — нелюди. Животные.

Тая, когда была рядом, пыталась меня защищать: Мама, он родился через восемь лет после войны. И он не русский, а еврей. Обрезанный.

— Обрезанный? Помню я одного обрезанного среди офицеров. В грудь мне иголки втыкал. Еврей должен жить в Израиле. Зачем он сюда притащился? Евреи хотят наши деньги. И наших женщин. Так говорил хромой черт, и он был прав.

— Он приехал в Германию, изучать старое европейское искусство.

— Не верю, все враньё.

Тогда, в ванной комнате, Биргит посматривала на меня с особым интересом. Меня этот ее интерес привел в ужас. И возбудил. Породил непристойные мысли.

Справа от стула Биргит, в ванне доверху заполненной зеленоватой водой, лежала Тая. Сильно пьяная.

Лицо, напоминающее лица немецких солдат на почтовых марках Третьего Рейха, голова закутана бордовым полотенцем, узкие плечи, маленькая отвислая грудь, талия, синие жилки на руках, темный треугольник курчавых волос на лобке, длинные ноги с слишком мощными коленными чашечками, плоские стопы, что я в ней нашел? Ничего. Это она меня нашла и сделала полулюбовником, полусожителем, полу-непонятно-кем. Тая была добра ко мне и ненасытна в постели. Поэтому я ее терпел, даже жалел, но не любил.

Когда я входил в ванную комнату, я не знал, что Биргит тоже там.

Хотел залезть в ванну к Тае. Погреться.

Денег ни у живущей на пособие Тае, ни у меня, только что потерявшего работу в галерее, не было. Поэтому газовое отопление работало на четверть мощности. Температура в квартире зимой не поднималась выше 14 градусов. Мы дрожали, бесконечно пили кофе (я — без кофеина, но

с молоком, Тая — черный с сахаром) и раз в два дня отогревались в горячей ванне. Дурачились, болтали и ласкались как котята.

Обычно Биргит приезжала на выходные. Поболтать с дочерью. Привозила собственноручно сделанный яблочный пирог, который мы ели горячим с взбитыми сливками. Готовить Биргит умела, но не любила.

А сегодня была среда. Меня почти целый день не было дома, я ездил на родину Карла Майя, в галерею, где через два месяца должна была открыться выставка моей графики. Там повстречался с друзьями-художниками Зигфридом и Отто, пошел с ними в кафе. Там мы пили капучино и ели крыжовенные пирожные. Домой приехал в восемь вечера. Понял, что Тая в ванной. Скинул одежду и вошел.

Тая даже глаза не открыла, когда я появился. Зато Биргит очень оживилась.

— Посмотри на свою подругу. Обрати внимание на то, что она делает указательным пальцем правой руки. Мастурбирует при матери, как будто меня тут нет. Вот до чего ты ее довел.

Палец Таи действительно осторожно теребил клитор.

— Похоже, она это делает во сне. Сколько вы выпили?

— Сколько выпили, столько и выпили. Не твое дело. Не так уж много — бутылочку ликёра на двоих. «Вильде зау».

В этот момент Тая глубоко вздохнула и застонала. Убрала палец с клитора и на самом деле заснула.

Надо было мне выйти из ванны. Но по моему телу уже побежал огонек, остановился в паху и разжег пожар. Мой член встал.

Биргит заметила это, ухмыльнулась, задрала блузку так, что две ее тяжелые груди упали на живот, подняла юбку и широко раздвинула целлюлитные ляжки.

Через мгновение я уже был в ней.

Когда я кончал, передо мной почему-то опять появился страшный голый старик, пахнущий гнилым картофелем. Он хохотал, показывал на меня своим ужасным пальцем и онанировал.

Да, я совокупился с сварливой старой женщиной.

И меня не остановила уверенность в том, что за мной, как сказал Пол, наблюдают десять специалистов. Наблюдают и ладно! Сами спровоцировали меня на интимные воспоминания, а теперь руку не подают, интеллектуалы хреновы. Плевал я на вас! Берлин все равно сгорит. Не в моих и не в ваших силах это предотвратить. И виноват в этом не опухший от ботокса тип — а ваша трусость и жадность, господа. Когда Россия фронтально атаковала Украину, надо было не прятаться друг за друга, а ответить на атаку. Ответить так, чтобы П и его армия летели ошметками до самого Алтая. А вы Украине две тысячи списанных касок поставили, в качестве помощи.

Да, да...

Тогда, в середине девяностых, когда все это происходило на самом деле, у меня хватило сил выйти из ванной комнаты после того, как Биргит оголила свои половые органы. А сейчас — не хватило. Потому что все это понарошку. Потому что я постарел и ослабел. Потому что, не признаваясь в этом даже самому себе, долгие годы жалел, что не трахнул тогда старую измученную жизнью Биргит в ванной комнате своей любовницы. В ее присутствии. Особенно сильно жалел после того, как Биргит умерла. Года через три после инцидента в ванной комнате.

* * *

Опять дернул мышь и оказался на знакомой улице.

Четырех- пятиэтажные дома стояли на ней как солдаты в строю, как буквы в строке, без пробелов. Дома эти

давно покинули жители. Стекла были почти везде выбиты, подъезды заколочены досками. Стены первых этажей разрисовали самодеятельные художники. Все они почему-то пытались изобразить женщину в сиреновом платье, сидящую на стуле рядом с повесившимся мужчиной и играющую на темно-красном аккордеоне.

У ног ее лежал вислоухий пес.

Валялась кукла-невеста с раздвинутыми ногами в белоснежном платье и фальшивой алмазной диадеме.

Широко открытые глаза женщины с аккордеоном смотрели на меня со всех домов этой улицы.

Фонари не горели, с неба сыпался сухой снежок.

Улицу освещала полная Луна. Похожая на однотонную тарелку, сделанную из дешевого фарфора.

На тротуаре стоял мужчина небольшого роста в маске совы.

Это был он.

СТРАЧАТЕЛЛА

Несмотря на совиную маску, я понял, что это он. Был уверен. Убежден. Землю готов был есть. Он. Диктатор. Преступник, развязавший кровопролитные бессмысленные войны. Стоит и смотрит на меня. Совиная рожа.

Правая рука моя судорожно искала зеленую кнопку на мониторе.

Но не могла найти не только кнопку, но и сам монитор. Что делать?

Перестал дышать и зажмурил глаза. Напрягся. Сконцентрировался. Сжал зубы. Раньше это помогало. Не могло.

Твердил про себя: Зеленая кнопка! Зеленая кнопка! Зеленая кнопочка, где же ты? Пол, помоги! Господа в белых халатах, помогите! Род! Мордехай! Мориц! На помощь! Я нашел его, нашел...

Промучившись несколько минут, осознал... и это было мучительное осознание... что белые халаты меня, похоже, не видят, что выйти из этого мира, вырваться из этой проклятой, хорошо знакомой мне улицы с мертвыми домами я не могу, не могу вернуться в Адлерсхоф, в подвал с монитором, не могу нажать на зеленую кнопку, не могу выполнить свою миссию. Хотя вот он, П — перед носом. В каких-нибудь двадцати шагах от меня. Самое время вырезать кусок пространства-времени, где он находится и в лоскуты его. Но, как говорила наша учительница по литературе о Нобелевской премии на уроке, посвященном писателям-деревенщикам: Хоть видит око, да зуб неймёт. Именно неймёт. Только теперь почувствовал безнадежность этого треугольного слова. Захотел выругаться матом. Но мата на немецком нет.

Решил, что попробую не мытьём, а катаньем.

Подошел к нему поближе, еще раз убедился, что это он, и сказал: Это вы... ты?

— Я. Как ты нашел меня?

— Нашел не я, нашла машина, Фобус, но я тоже руку приложил. Потому что ты не только распространяешь по всему миру зло, но и притягиваешь его. Не догоняешь?

— Скажи лучше, я повелеваю злом.

— А кишка не тонка?

— Не дерзи. А-то я разозлюсь и раздавлю тебя как таракана. Поверь, у меня есть возможности сделать это даже без мускульной силы, без возвращения, ха-ха, в Средневековье. А мне еще надо с тобой кое о чем побеседовать. Так вот, заруби себе на носу, я знаю все и про тебя, и про вашу дерьмовую машину. И не боюсь ни тебя, ни ее. И ты здесь только потому, что я позволил тебе приблизиться ко мне.

— Но ты все-таки тут, передо мной... и сейчас ученые-физики, которые наблюдают за каждым моим шагом, уже определили твое местонахождение. И вот-вот произойдет то, что давно должно было произойти — большой бух и бах! И ты станешь наконец историей. О которой люди постараются поскорее забыть.

— Такие истории не забываются. А вот твою макулатуру люди и сейчас не читают и в будущем читать не будут. Ха-ха-ха! Пусть неудачник плачет! Кляня, кляня свою судьбу.

— Ну вот, запел, пиковая ты дама, лучше бы покался, потому что — бабах неумолимо приближается.

— Каяться мне не в чем. А о бахе-прибабахе... ты, дружок глубоко заблуждаешься. Физики твои давно потеряли тебя, заблудились в трех соснах. О том, где ты, что ты, о том, что ты рядом со мной, белые халаты и понятия не имеют. Они ищут тебя, но не найдут, пока я им не позволю. Догоняешь?

— Блефуешь?

— Да нет, зачем мне с тобой блефовать? Говорю правду.

— Вербуешь?

— Зачем мне это?

— По привычке.

— Ну хорошо, завербовать тебя у меня скорее всего не получится, признаю. Крепкий и кислый ты орешек, но старый. А купить тебя с потрохами, может быть и получится, а? Сколько ты стоишь, старина? Миллион? Десять миллионов? Сто? Для меня это карманные деньги. Или десяти тысяч евро хватит?

— Зачем мне деньги? Ты разрушил мою страну, что мне с твоими деньгами делать?

— Понятно. Бабах? Одну мелочь ты однако не учел. Мы с тобой сейчас находимся в особом месте, вне обычного времени и знакомого тебе пространства.

— Это как?

— Это место, о котором твой Фобус и понятия не имеет. Это место вообще никто не видит. Потому что его как бы и нет. О подробностях спросишь в следующий раз у Пола. Важно одно — из него можно выйти в любую точку пространственно-временного континуума или говоря попросту — куда и когда захочешь. Например, появиться в моем бункере, за несколько минут до принятия решения о начале бомбардировки Германии. А затем, встреча двойников и их слияние, как это всегда волнует! Театр, чистый театр. Товстоногов. И вот, Берлин твой не разрушен, все по-старому, жри и дальше свои креветки и строчи свои непристойные рассказы. И на земле мир, и в человеках благоволение.

— Может быть, скажешь, что тебе от меня надо? Без физики и лирики. Хотя, что с тобой говорить. Тебе же все равно нельзя верить, соврешь, обманешь.

— Не лести, на дыбу повешу.

— Это ты умеешь. Научился бы чему-нибудь доброму.

— Шкуру с живого сдеру.

— Говори, чего тебе надо, не зря же ты меня в этот мертвый город заманил.

— Сварю живого. Голого в муравейник посажу. Четвертую.

— Вот заладил.

— От тебя нужно только обещание в письменной форме. Сиречь бумага с твоей подписью.

— Какое такое еще обещание? Что тебе с моего обещания?

— Испанский сапожок одену на обе ноги. А на шею — столыпинский галстук.

— Еще раз, что тебе от меня надо? Какое обещание?

— Такое...

Тут я не выдержал, подскочил к супостату и яростно сорвал с него маску.

Декорации вокруг нас сразу же изменились. Мертвые дома пропали.

Мы стояли на оживленной улице европейского города. Кажется, это был Амстердам. Пестрый, веселый, свободный город на воде.

А он... Обнял меня за плечи и заглянул мне в глаза.

Шайсе!

Это был не П, а совершенно другой человек, и не похож на П вовсе.

И человек этот смеялся до слез. Смеялся над моей глупостью, самоуверенностью, напыщенностью. Над моим фальшивым героизмом, над моим старческим задором. Как же я мог так обознаться? Какой позор!

Действительно, что это я о себе возомнил? Супергероем заделался?

И тут меня, как молния в темечко, поразила догадка — это же Мордехай.

— Мордехай?

— Он самый.

— Какого дьявола мы тут делаем?

— Спроси лучше самого себя!

— Почему себя?

— Потому что все это, — тут Мордехай показал на цветные улицы и каналы Амстердама, которые тут же погасли, исчезли, — да и я сам, не более чем твоя очередная галлюцинация.

Мордехай опять начал смеяться и вытирать слезы. И медленно растаял в воздухе.

Сидел в подвале рядом с ничего не показывающим монитором. Не находил себе места. Ёрзал на стуле. Жал и жал на зеленую кнопку онемевшим указательным пальцем. Род гладил меня по голове и плечам.

— Успокойтесь, успокойтесь, ничего страшного с вами не произошло. Это бывает. Нервный срыв. Дышите глубже. Мы тут в безопасности. Вам ничего не грозит.

Рядом с нами стоял Пол. Растрепанный и сконфуженный.

Род шептал Полу на ухо, но я его слышал: Еще немного и его нервная система бы не выдержала. Начался бы ее коллапс. Наш пилот превратился бы в овощ.

— Что это значит?

— Это значит, что человека нельзя гонять по закрытым для него областям подсознания безнаказанно. Если угодно, нельзя заставлять его бегать по мусорным ямам и атомным могильникам. Там, где собираются токсичные, вытесненные, отторгнутые, изблеваемые им мечты, воспоминания, представления. Фобус — это машина, совершенный вариант искусственного интеллекта, а он-то не машина, он человек. Да еще и творческий. И вдобавок — старый и нездоровый. И, как видите, с множеством застарелых психических ран и язв, большинство из которых вдобавок ниже пояса. Раны эти манифестируются в его подсознании персонажами или целыми сценами из ада. Кто знает, что ему пришлось пережить? И в реальной жизни, и в душе, и в его текстах? Ты хотя бы одну книгу его прочитал, перед тем как в машину сажать?

— Эксперты его выбрали. Я им доверяю.

— Эксперты твои сапожники. Нашли невротата, и перед монитором посадили. Это все равно, что заставить человека ловить пчелу на поле не сачком, а губами. Или задницей.

— Задницей? У него почти получилось. Понимаешь, что лежит на весах? Слышишь взрывы?

— Я не глухой. Но пойми же, его психика не выдержала давления и, как бы это получше сформулировать, — сдулась, как сдувается воздушный шарик, превратила поиск мирового злодея в фарс.

— Фарс, не фарс, наплевать. Лишь бы дело сделал. У нас есть еще энергия на час работы. Как ты думаешь, он выдержит?

— Не знаю. Он как бутылка старого вина. Откроешь пробку — и или уксус из горлышка польется, или божественный напиток. Пожалуй, на час его еще хватит, но потом я его из галлюцинаторного процесса выведу.

Мне дали сэндвич с ветчиной и два стакана яблочного сока. Разрешили подремать два часа на кушетке. В это время Мориц и другие молодые физики яростно крутили педали пяти велотренажеров-генераторов. А наверху продолжалась бомбардировка.

Род впрыснул мне в вену двести миллилитров успокоительного.

Затем я сел за стол и напялил на голову шапку с электродами.

Я слышал гулкие удары сверху. Видел дрожащий потолок нашего убежища и падающую с него штукатурку. И хотел положить этому конец.

Голос в голове шептал мне, что он... найдет меня сам или просто из любопытства — чтобы посмотреть, кого это послали в сумеречные области психической вселенной его ловить, или для того, чтобы показать команде людей в бе-

лых халатах, что он их сильнее и могущественнее и способен не только с Германией, но и со всеми физиками западного мира и тем более, с жалким писателишкой в идиотской шапке — сделать все, что захочет. На кол посадить или на крюке подвесить.

В любом случае — мне несдобровать. Ну что же, это освобождает меня от ответственности.

Я терпеливо ждал, когда на мониторе появится картинка.

Долго ждать мне не пришлось.

Я сидел по-турецки на взлетной полосе неизвестного мне аэродрома, окруженного невысокой грядой синеватых гор.

Далеко-далеко от меня разогревал турбины четырехмоторный Боинг. Ревел как голодный лев. Сейчас он тронется и начнет разбег. Убежать я не могу, прикован.

И вот, колосс уже приближается ко мне. В последний момент я увидел, как отрывается от земли его двойное переднее шасси. Боль от страшного удара в грудь, сломавшего мне все ребра и убившего меня, я не почувствовал.

Меня вели на расстрел двое чекистов в сталинском подвале. Молодой и старый.

Я обоняю исходящий от них запах сапог и крови. Похоже, они приводили сегодня приговор Тройки в исполнение уже не один раз. Ноги мои не хотят идти, палачи держат меня подмышками и тащат.

Вижу перед собой узкий коридор. Понимаю, это конец. Все мое естество протестует против этой казни, я хочу жить, мне нет еще и тридцати лет. Хочу смотреть на голубое апрельское небо и гладить руку моей любимой.

Старый чекист шепчет мне на ухо: Погодь маленько, малой, не трясись, сейчас все кончится.

Молодой чекист приставляет мне к затылку дуло своего маузера, я успеваю ощутить его холод, и тотчас в моих

глазах взрывается калейдоскоп, я вижу розовую стену и розовых людей, они зовут меня, а еще через мгновение — все становится свинцово-серым, я умираю.

Я солдат. Темные люди без лиц выпихнули меня и моих товарищей из окопа и погнали в атаку. Мы бежим, а они хохочут и стреляют нам вслед из своих револьверов.

В руках у меня винтовка с штыком, на плечах шинель, на голове — шлем. Я не могу вспомнить на какой стороне мы воюем. Впереди — заграждение с колючей проволокой. Из всех сил бью — как топором — по колючке винтовкой. Проволока рвется в нескольких местах. Теперь можно попробовать перелезть. Лезу. И застреваю наверху заграждения. Мой окопный друг, верзила Ганс, хватается за ногу и легко, как куклу, перебрасывает на другую сторону. Моя шинель разорвана, но я не ранен. Тут нас накрывает молочно-зеленое облако газа, и мы падаем в грязь. Это наша газовая атака. Командиры ошиблись, а расплачиваться придется простым солдатам. Из наших глаз сочатся слезы, из носа и ушей течет кровь, мы начинаем задыхаться. Вода постепенно заполняет наши легкие...

Я пытался нажать на красную кнопку еще на взлетной полосе.

Продолжил попытки во время расстрела и во время газовой атаки.

Безуспешно.

Он взял под контроль мои виртуальные путешествия. Насмехался и издевался. Мучил и убивал меня снова и снова. А мне оставалось только смиренно играть роль жертвы.

Я умирал от жажды в Долине смерти, был утоплен арабскими бандитами в Мертвом море, три раза погибал в авиационных катастрофах и столько же в железнодорожных. Меня брали в плен, пытали и расстреливали повстанцы в Южной Америке и Судане. Меня распинали римляне и разрезали на тысячи кусков древние китайцы, приноси-

ли в жертву краснокожие, съедали каннибалы из Полинезии и акулы в Красном море. Однажды меня растоптал мамонт в Сибири, в другой раз — заклевал до смерти гигантский страус мелового периода.

Наконец мой мучитель насытился моей болью и моим страхом и перестал терзать и казнить меня. Пожелал лично встретиться и убедиться в своей окончательной победе, насладиться триумфом и, возможно, поглумиться надо мной в особо изощренной форме.

Мы шли по набережной Ялты моего детства.

На голове у меня — панамка, на чреслах шорты, на ногах сандалии.

Солнце пекло немилосердно. На ослепительно голубом небе — ни облачка. По фиолетово-синему морю гуляли волны.

Легкий бриз дарил прохладу, а прибой успокаивал нервы фланирующих курортников. На пирсе — сиял красавец лайнер «Адмирал Нахимов».

Рядом со мной, держа меня за руку, шагал он.

Как и многие другие мужчины на набережной — в длинных старомодных черных брюках и ковбойке с короткими рукавами. На голове — белая кепка сталинского времени. Судя по блаженному выражению его рожи — прогулка эта, со мной в роли ребенка-трофея, доставляла ему неизъяснимое удовольствие. Он напоминал мне самодовольную, издевающуюся над своей жертвой безносую тварь с многочисленных средневековых изображений «Плясок смерти».

Тем не менее, я тоже наслаждался этой прогулкой.

Потому, что я часто гулял тут с моей бабушкой Тоней.

Отсюда мы плавали на туристическом кораблике в Алупку, посещали там знаменитый Воронцовский дворец, странный гибрид английского и мавританского стилей, или доходили до Ореанды и бродили по роскошному Приморскому парку.

Зачем ему понадобилась Ялта?

Понял, понял... в этом своем последнем путешествии я чувствовал себя, я был ребенком. Не только телом, но и душой. Да, воспоминания мои не исчезли, семидесятидвухлетний исписавшийся, возненавидевший людей автор все еще жил во мне, но не доминировал. Не вылезал вперед со своим раздражением, цинизмом, со своей жестокостью, со своим холодным развратом.

Старик отступил. А вперед вышел наивный и невинный десятилетний мальчик. Любящий мороженое. Обожающий «Остров сокровищ» и «Детей капитана Гранта». Мечтающий о любви и интересующийся астрономией.

Подонку П захотелось помучить и погубить ребенка.

Помощи ждать было неоткуда.

Приготовился ловить пчел губами.

Интересно, что у него в башке?

Хочет сбросить меня с Ай-Петри?

Или — вариант попроще — с Ласточкина Гнезда?

Ребенок шаловливый, непослушный, говорили ему, говорили, не подходи к краю платформы, а он... страшная трагедия.

Или — принести меня в жертву, зарезать как барашка, на том месте у Ливадийского дворца, где его холуй Церетели поставит позже памятник Сталину?

Может, поплывет со мной на бывшем «Берлине» в Новороссийск и запрет там меня вечером в каюте, чтобы я утонул вместе с пароходом в Цемесской бухте?

А сам будет наблюдать за происходящим из своего бункера?

Или не будет мудрствовать лукаво, а попросту задушит меня своими крепкими руками дзюдоиста? Где?

А где угодно. Я уверен, начни он меня прямо тут, на набережной душить, — никто не вступится, все будут идти мимо, как ни в чем ни бывало, есть свои пирожки или мо-

роженое, пить лимонад или виноградный сок и наслаждаться льющейся из динамиков песней в исполнении певицы Вероники Кругловой.

Просто убьет? Или еще изнасилует перед этим в номере отеля Массандра?

П явно помешан на детях. При первой возможности — лобызает и ласково трогает их руками, демонстративно, не стесняясь видеокамер корреспондентов.

Мысль об изнасиловании вывела меня из прострации. Я сжал бицепсы и попытался вырвать пальцы из его потной руки и убежать. Не удалось.

Повернулся к нему и дико заорал: Отпусти меня, сволочь!

П не обратил на мой крик внимания, буквально не повел бровью, а прохожие сделали вид, что ничего не слышали, как и советовала им певица Круглова.

Только несколько воробьев, которых кормила хлебными крошками сидящая на лавочке старенькая бабушка в смешной старомодной шляпке с вуалью, испугались и взлетели, и сама бабушка тоже дернулась, но голову в мою сторону так и не повернула, только прошипела: Лучше не рыпайся, сладкий. Будет не так больно.

Вот же гадина!

Дотянулся свободной рукой до ее шляпки и приподнял кончиками пальцев вуаль. То, что я увидел, поразило меня. Лицо бабушки было копией рожи П. Оранжевое, опухшее, с узенькими ехидными глазками, утиным носом и невыразительными губами. Кожа на щеках дряблая, еще более дряблый кадык, выше лба — неприятная плешь.

Вот так бабушка в шляпке!

Невольно посмотрел на продавца кваса, метрах в десяти от нас наливающего свой товар в стеклянные кружки. И у него было лицо П! И у всех курортников, стоящих к нему в очереди. У всех, всех находящихся на набереж-

ной людей, у мужчин и женщин, юношей и девушек, даже младенцев, были лица П. И все они ехидно на меня по-сматривали и бурчали себе под нос: Не рыпайся, не рыпайся, сладкий...

Хуже того, у нескольких собак, гуляющих по променаду вместе с хозяевами, морды тоже напоминали П.

Голос певицы Кругловой, все еще доносившийся из репродукторов, изменился, стал голосом П.

На всех пропагандистских плакатах с Ильичом, со знаменем или без, вместо гнусной морды Ленина, появилась не менее гнусная морда президента России.

Гора Ай-Петри стала вдруг похожа на стоящего П.

И само Черное море, казалось, язвительно ухмылялось и смотрело на меня ехидными узкими глазами и шептало прибоем: Не рыпыпайся, слаадкий...

Да... теперь мне стал окончательно ясен его план. Он не хотел стрелять в меня, протыкать меня ножом, топить или душиТЬ.

Я должен был умереть от отвращения.

Тут голос, напоминающий голос Пола, проговорил тихо у меня в голове. Еще, еще несколько секунд. Попробуйте еще раз от него оторваться.

И я сделал это. Вырвал руку из его цепкой клешни и бросился в сторону. И тотчас же произошло нечто до того необычное и странное, что и описать это словами невозможно.

Вокруг П появились как бы стены из света и стекла. Они охватили прямоугольное пространство размером с комнату. Я видел, как П гримасничает и царапает стены этой комнаты когтями. В этой новой для себя роли он был удивительно похож на одного бьющегося в конвульсиях от бешеной злобы демона с известной картины Никлауса Мануэля.

Продолжалось это не долго, секунд пять. Потом он вдруг лопнул как кровавой шар и разлетелся красными бусинками по всей комнате. А еще через мгновение — комната со стенами из света бесследно исчезла.

Исчезла и набережная Ялты, и Ай-Петри, и море.

Я шел по улице имени Альберта Эйнштейна в сторону остановки с-бана Адлерсхоф и размышлял о том, куда зайти перекусить — в греческий ресторан «Олимпия» и заказать там большую тарелку гироза с соусом цацики... или в кафе «Венеция» и ограничиться мороженым страчателла.

Решил, что одно другому не мешает.

ТРАНСВЕСТИТЫ

Родился я после смерти Сталина. Моя мать, дочь врага народа, всю жизнь тряслась. Боялась. Но боялась она не так, как боится трус, а так, как боится очень сильный человек. Силы которого соизмеримы с опасностью и ужасом.

Мой отец-геолог утонул в Сибири, в реке Тимптон. Ему было 29 лет. Каким он был, я не знаю. Поэтому приписываю ему только хорошее. И чем глубже я ощущаю самого себя человеком тени, сумеречным типом, чуть ли не болотной нечистью, тем ярче и светлее для меня отец — солнечный человек, человек света и тепла.

Мать рассказывала, что он хотел уехать в Израиль и увести с собой ее, четырех их детей и маму с папой.

Ранняя смерть отца отняла у моей жизни радость.

И сделала меня искателем. Да, я всю жизнь искал... искал дверь в тот мир, в который он ушел. Мир посмертья.

Да, я знал, что то, что я страстно ищущу — не существует. Но это меня не останавливало, а наоборот, подстегивало.

В двадцать лет я начал рисовать. И сразу понял, что рисование — это одна из возможностей если не увидеть мир мертвых, то изобразить его. Спроектировать на лист бумаги.

Посмертья нет, но есть его химеры.

Когда мне было сорок восемь лет, я начал писать рассказы. Герои их часто против воли попадали в те миры, которые я всю жизнь искал.

С ними случались удивительные метаморфозы. Они получали новое естество, оказывались в новой среде обитания, начинали по-другому думать и воспринимать мир.

Они застревали в мнимых пространствах и проживали свои короткие жизни в тексте в отрицательном времени.

Хорошо известно, что человеческое сознание то и дело отстает от вечно убегающей куда-то реальности. Особенно часто отстает от реальности постаревший писатель-эмигрант.

Будущего нет, и тебе снится прошлое, и то, реальное, со всеми его прелестями и ужасами, и другое, параллельное ему, твоя фантазия... убежище... радужный пузырь, выйти из которого нелегко.

Просыпаясь, ты попадаешь в зону неопределенности. Тебя настигает и ломает твое тело и хлещет разноцветными лучами по глазам прозрение.

До тебя вдруг доходит.

Что с этой женщиной ты не виделся пятьдесят лет, а с той — сорок.

Что у тебя нет друзей, что почти все твои знакомые умерли.

Что ты тысячу лет назад сдал экзамены и окончил школу, получил диплом в университете, ушел с ненавистной работы, развелся с женой.

И покинул родину.

Что ты забыл не только ее, но и почти все то, что случилось с тобой на новой родине.

Что пора отправляться в последнее путешествие.

В которое надо взять с собой и твоих литературных героев. Их-то ты еще помнишь. Они — твои единственные родные, друзья, возлюбленные.

С ними все-таки не так жутко. Есть с кем поделиться.

Их тела и судьбы — как платья — можно примерить на себя.

Ведь мы все трансвеститы.

САЧОК

Хотелось бы не спеша поговорить о «сачке», об одном особом месте на канувшей в Лету советской планете. Да, хотелось бы поговорить о месте приятного безделья, легкой болтовни и декамероновского флирта. Месте, расположенном в фойе гуманитарного корпуса МГУ, того, что — «между наукой и цирком».

Вдоль вытянутого направо и налево помещения фойе были установлены низенькие, двойные или тройные батареи парового отопления. На них, как воробьи на проводах, сидели студенты, прогуливающие лекции или семинары, но не желающие покидать альма-матер, и те, кто хотел покурить и поболтать с друзьями в паузах между парами. Это и был «сачок».

Я подолгу сиживал на сачке в первые, беспечные годы студенчества, там было интереснее, чем на лекциях по математическому анализу или тензорному исчислению, там роились стайками сексапильные бабочки-девочки с филологического и экономического факультетов, с которыми у меня сами собой заводились милые шашни, иногда затягивающиеся на месяцы, а то и на годы.

Одна из таких прелестных бабочек стала позже моей женой. Нынче она маститая тетя-профессорша, автор умных книг по филологии и ведущая телепередач, посвященных русскому языку.

Другая — долгое время была моей тайной страстью. Так и не удовлетворенной. Параллельной реальностью, которой я ни с кем не делился. Даже с ней самой. Эта девушка-полиглот — нынче — тоже профессор. В Сорбонне.

Она тоже автор бесчисленных книг, и тоже, как и моя первая жена, знать меня не желает. Это единственное их сходство.

Третья бабочка с сачка — была моей первой возлюбленной. Профессором она не стала, зато к старости расплнела и начисто забыла время, проведенное в моих объятиях.

Четвертая стала знаменитым издателем, учредителем популярной литературной премии... пятая... шестая...

На сачке всегда можно было найти бездельников-единомышленников, готовых поддержать московский, качающийся как маятник, полубессмысленный smalltalk или партнеров для игры в преферанс. Чтобы потом подняться на лифте на один из верхних этажей, найти там свободную аудиторию и расписать пульку, по копейке за вист.

Сачок слыл законодателем студенческой моды.

Особым шиком там считались узкие бедра, потертые джинсы фирм Lee или Levi Strauss, широкие кожаные ремни на поясе, большие, не по размеру, импортные коричневые или красные ботинки, джинсовые курточки и длинные, белые как лилии, сигареты Kent.

Сокровищами этими обладали только студенты и студентки, родители которых ездили в капиталистическую границу, я носил румынские джинсы и советские ботинки, курил сигареты Ява, так что девочки в «джинсах» на меня и не смотрели. Предпочитали искать себе партнеров по петтингу среди своих. Это меня раздражало и расстраивало. До тех пор, пока мой дедушка не съездил в Америку и не купил мне в Сан-Франциско пару джинсов фирмы Lee. Через много лет мне довелось побывать в этом прекрасном городе на холмах, как бы поднимающихся из бирюзового океана, и я интуитивно искал в нем не места съемок «Птиц» или «Вертиго» любимого режиссера, мучителя блондинок, а магазин, в котором мой покойный дедуля купил мне штаны.

Там, на сачке, в облаках сигаретного дыма, в моей голове почему-то часто роились мысли об апокалиптическом будущем мира. Мысли эти были так же, как и сексапильные милашки с романо-германского отделения филологического факультета — неизбывными.

С детства я знал, знал твердо, что у меня есть предназначение, миссия, которую я должен выполнить. Лет с шестнадцати я чувствовал в себе какую-то странную силу. Но не знал к чему ее можно приложить. Где взять тот рычаг, которым можно перевернуть Землю.

Да, на сачке шизофрения моя сгущалась, нервы вибрировали как струны у виолончели, я боялся довести себя до эпилептического припадка.

Успокаивал себя болтовней с милыми девушками.

Мы болтали о нашей жизни, о том, о сем, кто с кем, как и где, кто уехал, а кто нет, и что из этого вышло. Ну и о — это входило в обязательную программу — о Кафке, Сартре, Гессе, Прусте, Борхесе, Камю, а также о Бергмане, Феллини, Пазолини, Антониони и Бунюэле.

Я тогда и не догадывался, что эта самая «легкая болтовня» и была моим жизненным предназначением, моим заданием.

Болтовня, во время которой, легкими штрихами, эскизно, пастозно, почти автоматически, сам собой набрасывался портрет моего поколения. Его надежд и разочарований. Его «косвенного» бытия в эпоху между волком и собакой.

Болтовня эта, позже, под страшным давлением времени и эмиграции отделилась от меня и превратилась в предложения и абзацы. И слегка отяжелела. Впрочем, возможно, мне это только кажется.

Как известно, почти все русские авторы «вышли из Шинели», другие, попозже — «из кинозала», а я о себе могу с уверенностью сказать, что я вышел из сачка. И не стыжусь этого.

ОБ ИНФЛЯЦИИ БУМАЖНОЙ КНИГИ

Вчера в репортаже о ярмарке компьютерных игр в Кёльне модераторша канала ZDF заметила с гордостью: Половина немцев играет в компьютерные игры. Это многомиллиардный бизнес.

А сколько немцев читают бумажные книги?

Судя по моим наблюдениям в берлинской городской электричке — примерно один или одна из двадцати. Девятнадцать из двадцати пассажиров — едут, уткнувшись мордой в смартфон. Или болтают с кем-то или что-то читают (не Томаса Манна, конечно) или, чаще всего, играют.

А бумажные книги, выбрасывают, сжигают или перерабатывают в пакетики или в стаканчики, в ткани, в строительные материалы. Сотнями, тысячами тонн.

Скоро бумажные книги исчезнут совсем. Исчезнут, как исчезли античное искусство, романика, готика, живопись ренессанса, импрессионизм, модерн.

И, тем не менее, человеческая природа осталась прежней.

Компьютерная игра — это любовный, приключенческий или фантастический роман, детектив, триллер, ужастик. В другом формате. Упрощенном, красочном, искусственном. И экшн-фильм.

Только в отличие от романа и фильма — посредники отсутствуют, ты сам герой. Ты действуешь, и от твоих действий зависит и ход, и результат игры. Финал романа.

Раньше как было? Писатель-небожитель или гений-кинорежиссер творили свои миры, а читатель или зритель их продукцию трепетно хавал.

А в компьютерной игре — ты, конечно, существуешь в мире, созданном для тебя разработчиками, но и сам можешь многое изменить, и главное — можешь равноправно участвовать в действии. Ты сам с усам. А писатели и прочие режиссеры — пусть получают пособие по безработице. Их с успехом заменят программисты и искусственный интеллект.

Увы, художественный уровень подавляющего большинства компьютерных игр — позорно низок. Рассчитаны они на обывателя. Еще чаще — на подростка.

Изготовители компьютерных игр пытаются как можно дольше не дать ему повзрослеть. И не без успеха.

А взрослых они с тем же успехом возвращают в туман пубертата. Вооружают их фантастическим оружием и выпускают на волю — в инопланетные джунгли, охотиться на монстров.

И взрослые подростки-фавны радостно убегают в эти фантомические миры. Потому что охота, приключения, зверства разного рода и бесконтактный секс — это не так скучно и муторно, как ежедневное хождение на осточертевшую работу, поездки в переполненном метро, общение с надоевшими до зубной боли коллегами и мерзкими менеджерами и шефами, невкусный ужин и приевшийся секс с постаревшей, капризной и вечно усталой женой, да еще и воспитание непослушных и наглых отпрысков, общение с родственниками и соседями и прочие прелести.

Да, бумажная книга умирает, умирает и хорошее кино, умирают языки, исчезают друзья (не до них), навсегда уходит поэзия, любовь, жизнь потихоньку втягивается в виртуальные миры. Бездушные, пестрые, навязчивые, тошно-творные.

Что делать?

Не следует забывать и того, что и книга, и живопись, и кино — тоже родились как заменители жизни. Читатели проживали в книгах не свои жизни, то же самое происходило со зрителями в кинозале и с созерцателями живописи в музее.

И далеко не сразу эти суррогаты достигли известного совершенства.

Возможно, и компьютерные игры эволюционируют со временем, втянут, всосут в себя все достижения человеческой культуры, переработают их и создадут миры, в которые люди будут переходить после смерти. После считки их мозгов и создания их виртуальных аватаров.

Создание коллективного и индивидуального виртуального посмертья человечества (места вечной жизни) — и должно быть сверхзадачей для разработчиков компьютерных игр. Надеюсь, они рано или поздно это осознают.

Для той же цели — осознанно и не очень — работали всю историю человечества всяческие Рафаэли и Сервантесы.

Создавали из подручного материала — каждый на свой лад — ад, чистилище и рай.

Посмотрите на ландшафты Клода Лоррена. Почитайте Данте. Наплевать, где. На бумаге или на мониторе компьютера.

НА КУЧЕ ТРЯПЬЯ

Захотел развлечься. Прочитал «Лолиту». Вчера.

Неприятная книга. Удивительно многословная и навязчивая. Перенасыщенная ароматическими солями. Как вода Мертвого моря.

В каждой десятой строке — что-то по-французски. В каждой пятнадцатой — неизвестные мне имена, топонимы, цитаты. Реальные и выдуманные.

Ритм из-за этого постоянно рвется. Много уродливых слов и уродливых предложений. Автор-переводчик явно подзабыл русский язык.

Право, если бы Набоков сократил эту разбухшую от половых страстей, воспаленную книгу до 60-страничной новеллы, а силу свою и гениальность показал бы не 6000 раз, а только раз двадцать-тридцать, было бы лучше.

А так... в этой прозе невозможно дышать. Слишком сильно пахнет одеколоном.

Вторую часть, за исключением нескольких важных сцен, читал по диагонали. Так осточертели мне излишества препротивного Гумберта Гумберта, хамство дуры-Лолиты и гениальничание торжествующего автора, полагающего видимо, что из его словесной паутины читателю уже не вырваться. Скрытое и не скрытое презрение Гумберта Гумберта и автора к провинциальной Америке, ее городкам, отелям, мотелям, магазинам, к ее музыке — тоже книгу не улучшает. На кой черт приперся, если тебе все тут не нравится? Уматывай! Впрочем, Набоков так именно и поступил, как только заработал достаточно денег, покинул Новый свет навсегда. Лицемерно расписывая, как он полюбил Америку.

Будь я литературоведом, написал бы книгу «О бесконечном вранье Набокова». В которой акцентировал бы внимание не столько на насквозь лживые набоковские интервью, сколько на его прозе.

О прозе. «Лолита» это не роман, это дискредитация прозы как таковой. Поэтический талант автора сильно этой прозе нагадил. Устроил наводнение из духов и подтопил многие конструкции. Кое-что и отполировал и отлакировал. А проза, на мой взгляд, должна быть корявой и сухой. По возможности короткой. Без мускуса и трюфелей.

Весь этот бесконечный роман автор тащит читателя по лабиринту неинтересных подробностей. Обрушивает на него поток ненужных слов. Жадно и талантливо психоложничает.

Текст этот не требует никакой «перекодировки». Он есть то, что он есть — рассказ от первого лица о поступках, мыслях и фантазиях Гумберта Гумберта, помешанного на нимфетках.

Самоистязания главного героя — наводят тоску. И в начале текста, и в середине, и в конце. И «прозревает» он в сцене с беременной Лолитой или нет — совершенно не важно. И запоздалые его слезы — крокодиловы. Комаровский из параллельного «Лолите» «Доктора» — погуще и поправдивее.

Не знаю почему, но мне всегда казалось, что «Лолита» — это что-то вроде интуитивного эмигрантского ответа на «Доктора Живаго». Понимаю, что это абсурд, сроки не сходятся. Но все же... вот, ты не уехал, остался на родине — ну что же, получай все ужасы, которые тебе эта обезумевшая страна приготовила. И Гражданскую войну, и террор, и лагеря, и бесправие, и травлю. А я займусь нимфетками. У тебя трагедии, гибель цивилизации, ты доволен? Жри.

А у меня — фирлефанц. Рапсодия в стиле блюз. Единственное убийство в романе, да и то — не настоящее.

Только что закончилась бойня, Вторая мировая, а я этого и не заметил. Потому что голени у моей крошки чудо как хороши.

Лолита — не раздваивается на реального ребенка и порождение фантазии. Она, как и считала ее мать — нормальный подросток. Довольно скучный. Нудный. А иногда и противный. Что диктатор Набоков заставил Гумберта в ней найти?

Понятно. На каждой странице этого романа мелькают — как рыбки в аквариуме — «трепещущие прелести», «тугой задок», «просвечивающие кармином пальцы», «запыленные лодыжки», «золотистые голени», «ерошившиеся» или «крыжовенные» волосы, «бесстыдные невинные бедра», «огнерозовые ноздри», «бессердечные, дымчатые глаза», «бледно-фарфоровые ноги», «лилейные шеи», «атласистые отливы кожи на висках» и много чего еще.

Гумберт мечтает о «предельных судорогах» и других «мускатносладких эпизодах».

Тошно и клаустрофобично.

Действия практически нет. Бесконечный монолог, нашпигованный как изюминками всевозможными литературными красотами-индугенциями. Анаграммами, аллитерациями и другими аллюзиями, ловушками и мудреными загадками.

Плывать я хотел и на ловушки, и на загадки. Времена изменились. Луна повернулась к нам обратной стороной.

Роман этот для меня — огромный ком окрашенной в различные тона солено-сладкой ваты. С кокаиновыми присыпками.

За комом прячется автор с сачком в руке. Попробуй ему возрази — поймает, отравит газом и на иголку насадит. Видели его колени? Голиаф.

Автор-автократ отнял в этом тексте не только свободу у собственных литературных героев, но и свободу сотворчества у читателя.

Которому остается только глотать в ритме вальса тщательно разжеванное литературное фрикасе.

Сам ложно-фаустовский бунт главного героя, бунт не столько против косного общества, преследующего любителей маленьких девочек, сколько против времени, этого конвейера старения, старения и смерти, не дающего блаженному мгновению остановиться, превращающего андрогинных нимфеток в «глупых толстых баб», — так сильно парфюмирован автором-бабочковедом, так аккуратно мелодраматически смазан, что вызывает у читателя не сочувствие, а только удушье.

Цель этого ловца человеков — очевидно — подсадить простака на свое наркотическое чтиво. Не дать ему выбраться живым из джунглей, состоящих из коленок, бедер, золотистых кудрей, «сумрачно льнувших» нимфеток, склоняющих свои головы «сонным, томным движением» и держащих в «неловких кулачках» — «скипетр его страсти».

Не обольщайтесь, вовсе не несчастные нимфетки то и дело хватают в этом романе читателя за уд, это делает автор. На каждой странице — по несколько раз.

И делает он это бесцеремонно, цинично, целенаправленно.

И, при этом, задыхается от чувства превосходства над всеми остальными двуногими — «этим господам не довелось, как довелось мне, познать проблеск несравненно более пронзительного блаженства. Тусклейший из моих к поллюции ведущих снов был в тысячу раз красочнее прелюбодейний, которые мужественнейший гений или талантливейший импотент могли бы вообразить».

Каков апломб! У Гумберта Гумберта? Да. И у автора, тоже.

После Пруста и Джойса и всего нашего Серебряного века? Наглец.

Набоков написал книгу о страсти к нимфетке. Обгрыз и обсосал тему со всех сторон. До сыта наслаждался горестями все потерявшего по дороге в ад Гумберта Гумберта. По ходу дела нагло сметая с шахматной доски отыгравшие свои роли фигуры.

Вначале — отправил в небытие юную возлюбленную Гумберта Аннабеллу (тиф), потом — жену Валерию вместе с любовником, вторую жену, Шарлотту бросил под машину, повзрослевшую Лолиту с ее животом заставил умереть родами, промежуточную безликую Риту просто выгнал из романа, несчастную Джоану Фарло заставил отдать концы от рака, супостата-драматурга прикончил жутко, в лучших шекспировских традициях, а потом и самого «ненадежного рассказчика» Гумберта Гумберта угробил вовремя подоспевшим разрывом аорты.

Автор выиграл партию против читателя. На доске не осталось ни одной фигуры.

Нечто подобное «Лолите» Набокова сотворил в живописи и графике — французский художник Бальтюс (Бальтазар Клоссовски де Рола). Просматривая его картины с полубнаженными девочками-нимфетками невольно вспоминаешь «Лолиту». И непонятно, кто из них лучше отобразил образ нимфетки, художник или писатель.

И в голову приходит крамольная мысль — не были ли эти, чарующие образы Бальтюса одним из источников вдохновения Набокова.

Критики, как всегда ищущие и хватающиеся за все толстые и тоненькие соломинки, кивают на известный случай похищения одиннадцатилетней Салли Хорнер, которую ее похититель, пятидесятилетний автомеханик Фрэнк Лассаль возил по провинциальной Америке почти два года, наслаждаясь каждый день ее прелестями, на романы Сименона и Фолкнера, на бесстыдную «Исповедь

Виктора Х», на подражание Гофману немецкого писателя Хайнца фон Лихберга, в котором главную героиню тоже зовут Лолита.

Мне было бы приятно, если бы какой-нибудь всезнайка доказал, что Набоков вдохновился на самом деле картинами, живописью. Это примирило бы его интерпретаторов, спорящих о том, что в его романе фантазия автора, что фантазия главного героя, а что его собственная реальная страсть.

Набокова и Бальтюса связывают однако не только нимфетки. Мастерски описанные в романе (и не совсем немые) «немые сцены» подозрительно напоминают многофигурные композиции Бальтюса. Каждый персонаж — и на тех и на других — живет и действует как бы в своей монаде. Невидимой для других. В своем странном, индивидуальном пространстве существования. В своей экзистенции. В своем одиночестве.

Оба воспроизводят разъятую на части почти сюрреалистическую вселенную. Атомизированное человечество.

Принято считать, что первым наброском к роману «Лолита» стал великолепный рассказ Набокова «Волшебник», написанный в октябре-ноябре 1939 года в Париже. К этому времени живущий в Париже Бальтюс написал уже 10 картин, для которых ему позировала Тереза Бланшар (ей в то время было от десяти до двенадцати лет). Очень возможно Набоков видел тогда, в Париже, некоторые из них и оценил удивительный, магический дар этого необычного мастера. Которого — единственного художника — упоминал спустя много лет в интервью. Мастера, ему безусловно конгениального.

В рассказе «Волшебник» главный герой так описывает предмет своей страсти (прочитую только начало длинного описания):

«Оригинал: спящая девочка, масло. Ее лицо в мягком гнезде тут рассыпанных, там сбившихся кудрей, с бороздками запекшихся губ, с особенной складочкой век над едва сдавленными ресницами, сквозило рыжеватой розовостью на ближней к свету щеке, флорентийский очерк которой был сам по себе улыбкой».

Это неуклюжее описание идеально подходит например к картине Бальтюса «Мечтающая Тереза». Другие части описания можно сравнить с другими картинами Бальтюса того времени.

Само начало описания — «масло» — указывает, возможно, не на маслянистость тела девочки, а на технику живописи. Слова «флорентийский очерк» — отсылают читателя к художникам ренессанса, работы которых Бальтюс как известно копировал (Пьеро делла Франческо, Мазаччо), хотя возможно слово «флорентийский» относится к Беатриче (наряду с Лаурой, извечной тени набоковских нимфеток).

Многие описания Лолиты в романе также идеально подходят к картинам Бальтюса. Следует вероятно напомнить, что одна престижная галерея в Нью-Йорке много лет показывала у себя работы Бальтюса. Возможно Набоков видел их там и после Парижа.

Когда девяностодвухлетний Бальтюс, до конца своих дней упорно пишущий и рисующий полуобнаженных девочек (после него остались и сотни полароидных фотографий), умер — насмешники говорили: Что-то будут теперь делать лолиты без своего Гумберта.

У Бальтюса и у Набокова есть особенное сходство. Оба «сделали деньги на малолетках» (извините за низкий стиль). И это никакая не легенда, а правда.

У полунищего художника ничего не покупали. Тогда он — совершенно сознательно — написал в 1934 году единственную в своей жизни порнографическую картину — «Урок игры на гитаре». Зрелая женщина, учительница игры на гитаре, сидит в кресле. Правая грудь ее обнажена. На коленях у нее лежит ее молоденькая ученица. Юбка ее задрана, трусиков нет. Она — в обмороке или... в экстазе. Левая рука учительницы подбирается к ее вульве. Правая — держит ее за волосы. Гитара валяется на полу.

Картина эта вызвала скандал (она до сих пор провоцирует скандалы, мир полон ханжества). Но к имени художника было привлечено внимание. Неизвестно почему, за ним утвердилось репутация «садиста и извращенца». Его приняли в свою компанию парижские сюрреалисты. Чего же боле? Пожилые дамы начали заказывать у него портреты. Бальтюс писал их неохотно, но у него появились деньги.

Набоков — говорят, что по совету умной жены — написал «скандальный» роман. «Лолиту» напечатало парижское издательство с сомнительной репутацией. В некоторых странах роман запретили. Потом экранизировали. Набоков стал богачом.

Разумеется, Лолита — не порнографическая картина, а сложное художественное произведение, допускающее различные трактовки и интерпретации. Но именно этот роман сделал Набокова мировой знаменитостью. И не только из-за его достоинств, но и из-за извращенной страсти главного героя и парфюмерной красоты лодыжек нимфетки.

Гумберт Гумберт — как мне всегда казалось — мученик-валах, искусственное создание писателя-аристократа-и-мизантропа, существа космической надменности, полного глубокого презрения к людям. Тщательно замаскированного презрения.

Гной его мизантропии, его ярость и его гнев пробиваются однако то и дело сквозь внутренние монологи его услужливого героя на страницы книги (перечитайте «Лолиту», найдете массу примеров).

Обстоятельства мстят герою, а не автору. Он все теряет.

В конце книги Набокову окончательно удалось сбить ищеек-критиков со следа. Обратите внимание на число 56. Автор потирает руки. Критики растерянно улыбаются.

Полагаю, Набокову была невыносима даже мысль о том, что кто-то после него осмелится писать роман. И он как мог, размыл, разрыхлил, отравил саму субстанцию романа. Своей слюной. В самом деле — главный герой «Лолиты» Гумберт Гумберт практикующий педофил, гоняющийся за нимфетками. Не способный жить с нормальной взрослой женщиной. Ненавидящий женщин. Его потенциальная жертва — двенадцатилетняя школьница Лолита. Жена педофила, мать Лолиты, которой он желает смерти, попадает под машину, и он два года разъезжает вместе с Лолитой по провинциальной Америке на автомобиле и наслаждается сексом с подростком. Затем Лолиту переманивает к себе человек, еще более гнусный, чем Гумберт, драматург Куильти, и она убегает от Гумберта. А когда она не соглашается на участие в оргиях на его ранчо — выгоняет ее как собаку на улицу. Гумберт напрасно ее ищет, он потерял ее навсегда. Через несколько лет Лолита находит себе мужа-калеку, беременеет от него и просит Гумберта о денежной помощи. Гумберт находит ее и дает ей деньги. Внезапно осознает, что без памяти любит ее. Рыдает. Три раза предлагает ей уйти с ним. Лолита не соглашается. Гумберт уезжает, находит Куильти и зверски убивает его. Лолита умирает родами. Гумберт умирает в тюрьме. От романа остались рожки да ножки. Его сожрала черная поэтическая мелодрама с извращениями.

На планете Набокова царит вечный «тусклый невралгический день».

Человечество глазами мономана Гумберта (из-за маски которого то и дело вылезают уши автора) выглядит примерно так: Старики и старухи — зловещие чудовища. Маленькие дети — несносные создания, мешающие жить. Некоторые девочки — нимфетки, они — предмет вожделения, внимания, любви. Другие девочки — не нимфетки — также несосны, как и все остальное человеческое стадо. Студентки — «гробницы нимфеток из огрубелой женской плоти» с «тяжелыми отвислыми жадами, толстыми икрами и прыщавыми лбами». Взрослые женщины — невыносимые существа, «рабовладелицы», «сумасшедшие стервы», «старые ведьмы», «толстые дуры», «коровы». Их можно и нужно обманывать, использовать, давась от отвращения, как «живые ножны», чтобы подобраться к их несовершеннолетним дочкам. Ни для чего другого они не годны.

Мальчики возраста нимфеток — наглецы, юноши «состоят из мускулов и гонорей», взрослые мужчины — опасные и назойливые кретины, всеильные богачи — развратники, растлители, солдаты — насильники, врачи-психиатры норовят засадить Гумберта-психованного в дурдом, литераторы — бездарные паяцы, зеркала автора и Гумберта, один из них отнимает у Гумберта его любовь, его счастье. Его можно вполне театрализованно прикончить.

От всех мужчин пахнет козлом. От женщин — скверными духами и потом.

Судя по тексту книги, Гумберт целый день размышляет и мечтает о нимфетках.

Он — слабак.

Строит воздушные замки, которые при столкновении с реальностью — рассыпаются. Нет смысла подчеркивать, что это не маниловские фантазии, он мечтает о совокуплении с малышками. О регулярном совокуплении.

Автор — явно оправдываясь — сообщает читателю, что его главный герой пишет по заказу издательства книгу о французской поэзии, даже вроде бы уже подготовил ее к печати (то есть на самом деле — он востребованный писатель), но из текста «Лолиты» этого не следует. Это «отмазка» Набокова, для того, чтобы читатель не воспринимал Гумберта исключительно как зациклившегося на маленьких девочках надменного бездельника-сибарита, момана и психопата. Набоков пытался придать вес своей бабочке, трепещущей на иголке. Игрушечному дракончику с крыльями из станиоли.

Когда я в 1989 году впервые открыл крохотную, только что напечатанную как приложение к «Иностранке» «Лолиту», я тоже, как и поколения мужчин до меня и поколения после — ожидал найти детальное описание половых сношений взрослого мужчины с двенадцатилетней девочкой (такова была слава этой книги). Полистал роман. Нашел нечто подобное где-то в середине. Прочитал. Боже, какая тягомотина! Сколько никому не интересных подробностей, перечислений! Ну да, для копающих в своем либидо эстетов, наверное, это интересно.

Я эстетом не был. К художественной литературе уже охладел.

* * *

Позволю себе привести длинную цитату из романа. Тут описывается первое половое сношение Гумберта Гумберта и его осиротевшей падчерицы в отеле «Зачарованные охотники».

«Ты хочешь сказать, что ты никогда?» — начала она, пристально глядя на меня с гримасой отвращения и недоверия. «Ты — значит, никогда?» — начала она снова. Я воспользовался передышкой, чтобы потыкаться лицом в разные нежные места. «Перестань», гнусаво взвизнула

она, поспешно убирая коричневое плечо из-под моих губ. (Весьма курьезным образом Лолита считала — и продолжала долго считать — все прикосновения, кроме поцелуя в губы да простого полового акта, либо «слюньювой романтикой», либо «патологией».) «То есть, ты никогда», продолжала она настаивать (теперь стоя на коленях надо мной), «никогда не делал этого, когда был мальчиком?» «Никогда», ответил я с полной правдивостью. «Прекрасно», сказала Лолита, «так посмотри, как это делается». Я, однако, не стану докучать ученому читателю подробным рассказом о лолитиной самонадеянности. Достаточно будет сказать, что ни следа целомудрия не усмотрел перекошенный наблюдатель в этой хорошенькой, едва сформировавшейся, девочке, которую в конец развратили навыки современных ребят, совместное обучение, жульнические предприятия вроде герл-скаутских костров, и тому подобное. Для нее чистомеханический половой акт был неотъемлемой частью тайного мира подростков, неизвестного взрослым. Как поступают взрослые, чтобы иметь детей, это совершенно ее не занимало. Жезлом моей жизни Лолиточка орудовала необыкновенно энергично и деловито, как если бы это было бесчувственное приспособление, никак со мною не связанное. Ей, конечно, страшно хотелось поразить меня молодецкими ухватками малолетней шпаны, но она была не совсем готова к некоторым расхождениям между детским размером и моим. Только самолюбие не позволяло ей бросить начатое, ибо я, в диком своем положении, прикидывался безнадежным дураком и предоставлял ей самой трудиться — по крайней мере пока еще мог выносить свое невмешательство. Но все это, собственно, не относится к делу; я не интересуюсь половыми вопросами. Всякий может сам представить себе те или иные проявления нашей животной жизни. Другой, великий подвиг манит меня: определить раз навсегда гибельное очарование нимфеток».

Последнее утверждение Гумберта о том, что он не интересуется половыми вопросами, так легко приписываемое доверчивыми критиками автору, — не более чем откровенное вранье. Наоборот, можно сказать, что он только ими и интересуется. Почти все действующие лица романа — описываются Гумбертом прежде всего как носители пола, секса. Например, вот что он пишет, игриво недоговаривая, о покойном муже своей второй жены: «Меня немало позабавили некоторые необыкновенные половые причуды, свойственные почтенному Гарольду Гейзу по словам Шарлотты, которая сочла гогот мой неприличным».

И это маленькое описание — это собственно все, что читателю достоверно известно об этом человеке. Ну да, еще известно, что карманный пистолет с ореховой рукояткой был собственностью Гарольда, ну и еще один раз Гумберт сардонически предполагает, что Гарольд зачал Лолиту «в час сиэсты» (так у Набокова), «в комнате с голубыми стенами во время свадебного путешествия в Вера Круц». Это все.

А вот что сообщает давно покинутый Лолитой Гумберт о своей новой подруге, Рите, после краткого описания ее внешности: «Чувственность мою она только очень слегка бередила, но я все-таки решил сделать пробу; проба удалась, и Рита стала моей постоянной подругой. Такая она была добренькая, эта Рита, такая компанейская, что из чистого сострадания могла бы отдаться любому патетическому олицетворению природы — старому сломанному дереву или овдовевшему дикобразу».

Боюсь, царапающеся слово «дикобраз» — в этом контексте — не является чистой метафорой. Скорее это гибрид.

Своего коллегу по университету Гастона Годэна Гумберт, вечно смотрящий на других людей так, как будто он смотрится в зеркало, характеризует так: «Вот, значит, перед вами он, человек совершенно бездарный; посредствен-

ный преподаватель; плохой ученый; кислый, толстый, грязный; закоренелый мужеложник, глубоко презирующий американский быт; победоносно кичащийся своим незнанием английского языка; процветающий в чопорной Новой Англии; балуемый пожилыми людьми и ласкаемый мальчишками».

Из всего того, что Гумберт пишет о Джоане Фарло, подружке Шарлотты, в памяти у читателя остается только это: «Села на белый песочек между Шарлоттой и мной. Ее длинные коричневые ноги в трусиках были для меня приблизительно столько же соблазнительными, как ноги гнедой кобылы. Она показывала десны, когда улыбалась...»

Любую особу женского пола Гумберт Гумберт (как впрочем и любой другой мужчина, еще не потерявший либидо) «примеряет на себя». Но половыми проблемами якобы не интересуется. Да все ровно наоборот! Он весь состоит из пола! Вроде как вышеупомянутый «жезл».

Гумберту вторят другие герои. Гнедая кобыла рассказала тогда следующее: «Раз, вечером я видела двух детей, мужского и женского пола, которые вот на этом месте, деятельно совокуплялись. Их тени были как гиганты. И я, кажется, говорила вам о Лесли Томсоне, который купается нагишом на заре. Я теперь все жду, что после черного атлета появится жирная котлета, Айвор Куильти (наш дантист), без ничего. Он, между прочим, невероятный оригинал — этот старик. Когда я у него была последний раз, он мне рассказал совершенно неприличную историю про племянника. Оказывается...»

Племянником дантиста был драматург Куильти.

Вернемся теперь к процитированному выше описанию первого совокупления Гумберта и Лолиты. Я надеюсь, у читателей не возникает желание трактовать эту сцену «символически» или как-то ее «перекодировать».

Я уверен, что Набоков показал себя тут как теоретик, чайник. Он пишет о том, что сам никогда не переживал. К чему и близко не подходил. Сцена эта кажется мне абсолютно неправдоподобной.

Разумеется, Набоков имел право писать все, что ему вздумается. А тем более волен был писать, все, что ему вздумается, его литературный герой Гумберт Гумберт. Но и я, дорогие дамы и господа, тоже имею право писать все, что хочу.

Вы спросите меня, почему я решил, что Набоков в этой сцене (цитата моя покрывает только ее часть) пишет чепуху.

Охотно объясню. Хотя, возможно вызову у вас бурю презрительного негодования.

Дело в том, что я знаю, о чем говорю не понаслышке. Нет, нет, и еще раз нет — я в зрелом возрасте не имел сношений с маленькими девочками. Самой молодой было, если память не изменяет, двадцать два года. Но я видел соответствующие видео в интернете. Пару десятков коротких видео. Больше не выдержал. Да, для того, чтобы их посмотреть мне пришлось нарушить закон. Каюсь. Но я это сделал. Потому что мне было любопытно. Меня тогда носило по интернетным помойкам как ветер носит листики по помойкам настоящим.

Что же я видел? Девочкам было больно. Очень больно. Почти все они плакали, корчились. Ни одна из них даже не изображала удовольствие и не имитировала оргазм. Мужчины были — все без исключения — криминальными типами. С грубыми лицами и грязными ногтями. Девочек явно принудили к содомской любви. Полагаю, «обычное» половое сношение между зрелым мужчиной и маленькой девочкой — физически невозможно. Если конечно девочка не развита не по годам, то есть уже не нимфетка, а девушка.

Лолита в этой сцене ведет себя как опытная проститутка. А она, по роману, только несколько раз переспала

в лагере с мальчиком ее возраста. К тому же она вдруг стала «шпаной», сексуальной шпаной. В двенадцать лет? И куда делось упомянутое «гибельное очарование нимфетки»? После такой ночи, точнее, такого утра, Гумберту Гумберту следовало бы разочароваться и действительно отправить Лолиту в строгую религиозную школу, а самому поискать кого-нибудь еще. Совершенно непонятно, как у него могло сохраниться столь могучее сладострастное желание — к «шпане». Я тоже не специалист по половым вопросам, но разжигать страсть педофила должны по идее — детская невинность, наивность, чистота. Неужели Гумберта интересовали одни лодыжки да голени? Тогда ему следовало купить себе хорошую куклу. С «атласистыми отливами».

И еще. Я сам это пережил. Секс с девочкой одиннадцати лет. И прекрасно помню подробности, которые конечно смаковать тут не буду. Потому что смаковать-то нечего. Любовь с девочкой этого возраста — как сильно недопеченный пирог или недоваренная картошка. Сгодится разве что для воробьев.

Я тоже был еще ребенком. Мне было тринадцать с половиной.

Я не уговаривал малышку заняться со мной сексом. Все получилось само собой. И конечно, не было во всем этом ни насилия, ни принуждения. И любви не было. И даже влюбленности. И никакого особого восхищения друг другом мы не испытывали. Скорее между нами была легкая неприязнь, которую двуногие этого возраста испытывают обычно к другим двуногим.

С одной профессоршей-старой-каргой в Доме отдыха МГУ отдыхала в августе 1969 года ее начитанная и умная внучка. Рассказывали, что она уже прочитала всю русскую классику и знает «всего Пушкина и Лермонтова» наизусть. Ей прочили грандиозное будущее. Имя забыл.

Ужасно худая. С огромными черными глазами и большим еврейским носом. Было ей действительно одиннадцать лет, но, как она подчеркивала — «почти двенадцать».

И вот... мы оказались одни в прилегающем к Дому отдыха саду. Наши бабушки, знакомые между собой, пошли на встречу с известным режиссером, хотели затащить и нас, но мы отчаянно сопротивлялись, и они разрешили нам поиграть в саду Дома отдыха.

Поиграть...

Я хотел было смыться. Найти кого-нибудь из друзей. Но черноглазая неожиданно повисла у меня на руке. Прошептала: Хочешь секрет покажу?

— Покажи.

— Пойдем.

И повела меня в глубину сада.

Казалось бы, все тропинки, все укромные уголки в этом саду были мне давно и хорошо известны. Но она провела меня в самый темный и неприятный участок сада, в котором стояла котельная с широкой закопчённой трубой. Я тут никогда не был. Из котельной доносился шум — как будто в ней ехал на месте старинный паровоз. И пыхтел и скрипел.

У котельной была небольшая пристройка. Возможно, в ней раньше хранился уголь. Дверь в эту пристройку была заперта. Спутница моя достала из кармана ключ и открыла дверь. Мы вошли внутрь. Пристройка была пуста как пустой орех. Только в одном углу валялась большая куча тряпья. Старые ватники, халаты, сапоги. Тряпье воняло.

— Откуда у тебя ключ?

— Дали.

— Кто дал?

— Не скажу.

— Ты что, тут уже была?

— Нет.

— Шумно тут... и воняет.

— Зато взрослых нет. Делай, что хочешь.

— А что ты хочешь делать?

Я спросил ее просто так, без задней мысли, чтобы не молчать. Ответ ее меня вначале озадачил.

— Ну то самое.

— Что́ то самое?

— Что мамы с папами делают перед сном.

— А ты что, подсматривала?

— Подсматривала.

— А если кто войдет?

— Я закрою дверь. Тут есть лампочка.

Она включила свет и заперла дверь. Лампочка под толчком еле светила.

— Пойдем, сядем на тряпки.

Голос ее изменился. Что-то в нем появилось торжественное.

Мне стало не по себе. Но я послушно прошел с ней к гряде тряпья и сел.

— Ну?

— Ну что ну, раздевайся.

— Совсем?

— Совсем.

Мы разделись. В неверном свете тусклой лампочки я ее почти не разглядел. Заметил только две маленькие — сопками — припухшие грудки, сморщенный пупок и почти безволосый лобок с ровной вертикальной ложбинкой.

Первый раз обратил внимание на ее острые скулы и большой рот с непропорционально крупными передними зубами, как у актрисы Джейн Биркин.

Рот этот все время кривился, то и дело показывались зубы.

Девочка раздвинула ноги и жестом показала мне, что я должен лечь на нее.

Я лег на нее и поцеловал в сухие губы. Она на мой поцелуй не ответила.

Ее затвердевшие соски кололи меня как иголки.

Возбуждился, не осознавая этого. Попытался войти, не очень хорошо понимая, что делаю, инстинктивно. Несколько раз куда-то ткнулся.

Она застонала вовсе не эротично. Скорее, зло.

Еще и еще раз ткнулся членом туда, где предполагал находится вход в рай.

Увы, у нее все там было слишком узко, и я, как ни старался, так и не смог протянуть канат сквозь игольное ушко.

Ей стало больно.

Я перестал бороться, отлепился от нее и сел рядом с ней. Обхватил руками колени.

— Он у тебя слишком толстый.

— Найди того, у кого он потоньше.

— Найду, не беспокойся.

— Попробуем последний раз?

— Давай.

— Ой, ой!

Кажется, я надавил слишком сильно.

— Ты куда-то не туда давишь.

— Откуда я знаю, куда давить. У тебя там вообще есть?

— Идиот!

— Сама ты идиотка.

Тут она меня укусила в руку. Да как сильно! Не от страсти, конечно.

За ужином бабушка разглядела у меня еще кровоточащий укус чуть выше локтя. Хотя я и скрывал его как мог.

— Это что такое? Кто тебя укусил?

— Собака прибежала из деревни шальная. Я хотел ее погладить, а она меня укусила.

— Пена у нее была на морде?

— Вроде была.

Не стоило мне это говорить. Бабушка заставила меня пойти вместе с ней к медсестре, и та сделала мне укол.

Вколола в живот вакцину от бешенства. А через два дня — еще одну. Еще три раза мне делали уколы в нашей районной поликлинике в Москве. Каждый раз у меня от этой вакцины поднималась ночью температура и начинались галлюцинации. Мне казалось, что я — опять в той ужасной вонючей пристройке. Сажу на куче тряпья. Паровоз в котельной отчаянно свистит и скрежещет. Рядом со мной сидит собака, сука с белой пеной на морде. Открывает свою ужасную пасть. И я вижу ее огромные зубы и длинный слюнявый язык.

СОДЕРЖАНИЕ

На Ленинских горах.....	5
Ответ на вопрос друга	14
Война и литература	17
Из письма дяде	20
Драка.....	23
Деменция	
Эльк	29
Динарий кесаря.....	38
Великий магистр.....	58
Йорг	73
Вервольф	84
Из дневника герцога О	97
Вилла Урания.....	123
Бордовый диван	144
Круиз.....	163
Четвертая корона	192
Мраморный дог	222
Середина сентября	232
Командировка.....	241
Фобус	259
Бал.....	280
Женщина с аккордеоном	296
Страчателла.....	310
Трансвеститы	323
Сачок.....	325
Об инфляции бумажной книги.....	328
На куче тряпья	331

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Игорь Шестков
КРУИЗ
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. №7523
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 22
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 11.11.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ИГОРЬ ШЕСТКОВ (Igor Heinrich Schestkow)
Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ. Работал в НИИ. В восьмидесятих годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Круиз» вошли тексты 2022-2024 гг.

